

Вернер Штиллер

«АГЕНТ. МОЯ ЖИЗНЬ В ТРЕХ РАЗВЕДКАХ»

Оригинал: Werner Stiller. Der Agent. Mein Leben in drei Geheimdiensten, Ch. Links Verlag, Berlin, 2010

Сокращенный перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2011 г.

Об авторе: Вернер Штиллер родился в советской оккупационной зоне Германии (будущей ГДР) в 1947 году, изучал физику в Лейпцигском университете, где был завербован Министерством госбезопасности ГДР (Штази) в качестве неофициального сотрудника (агента), а с 1972 года стал кадровым сотрудником Главного управления разведки МГБ ГДР, в 1976 г. получил звание старшего лейтенанта. С 1978 года – двойной агент для западногерманской Федеральной разведывательной службы (БНД). В январе 1979 года сбежал в Западную Германию, с 1981 года изучал экономику в университете города Сент-Луис (США). В 1983-1996 гг. банкир-инвестор в фирмах «Голдман Сакс» и «Леман Бразерс» в Нью-Йорке, Лондоне, Франкфурте-на-Майне. С 1996 года живет в Будапеште и занимается коммерческой и финансово-инвестиционной деятельностью.

О книге: Уход старшего лейтенанта Главного управления разведки (ГУР) МГБ ГДР («Штази») Вернера Штиллера в начале 1979 года был самым большим поражением восточногерманской госбезопасности. Офицер-оперативник из ведомства Маркуса Вольфа сбежал на Запад с целым чемоданом взрывоопасных тайн и разоблачил десятки агентов ГДР за рубежом. Эрих Мильке кипел от гнева и требовал найти Штиллера любой ценой. Его следовало обнаружить, вывезти в ГДР и судить военным судом, что означало только один приговор: смертную казнь. БНД охраняла свой источник круглые сутки, а затем передала Штиллера ЦРУ, так как в Европе оставаться ему было небезопасно. В США Штиллер превратился в «другого человека», учился и работал под фамилией Петера Фишера в банках Нью-Йорка, Лондона, Франкфурта-на-Майне и Будапешта. Он зарабатывал миллионы – и терял их.

Первые мемуары Штиллера «В центре шпионажа» вышли еще в 1986 году, но в значительной степени они были отредактированы БНД. В этой книге Штиллер впервые свободно рассказывает о своей жизни в мире секретных служб. Одновременно эта книга – психограмма человека, пробивавшего свою дорогу через препятствия противостоящих друг другу общественных систем, человека, для которого напряжение и авантюризм были важнейшим жизненным эликсиром.

Примечание автора: Для данной книги я использовал как мои личные заметки, так и обширные досье, касающиеся меня и моих коллег по МГБ (около дюжины папок) из архива Федерального уполномоченного по вопросам документации службы государственной безопасности бывшей ГДР. Затемненные в архивных досье места я обозначил в книге звездочками (***)

Так как эта книга является моими личными воспоминаниями, а отнюдь не научным трудом, я отказался от использования сносок. Большие цитаты и полностью использованные документы снабжены соответствующими архивными номерами.

Содержание

Предисловие

Путь в разведку

Первый рабочий опыт
Попытка контакта с другой стороной
Повседневная шизофрения
Сближение с задней мыслью
Новая попытка: «Диана»
Решающий контакт с Хельгой
Радиокontakt и тайник
Контрразведка начинает поиск
Особый контроль за почтой на Запад
Передача материала по железной дороге
Последние дни «Шакала» в ГДР
Переход
Прибытие в новый мир
Федеральный прокурор приступает к работе
Эвакуация Хельги в последнюю минуту
Горькие потери для ГУР
Маркус Вольф приобретает лицо
«Разведчики» как герои дела социализма?
Охота на «Шакала»
Упущенный шанс
С ЦРУ к новой жизни
Вхождение в мир финансов
Назад в Германию
Осторожные шаги в ГДР
Новые встречи со старыми знакомыми
Последствия дела «Луконы»
Новый старт в Будапеште
Список сокращений
Литература

ПРЕДИСЛОВИЕ

На солнечной террасе моего дома в Сент-Луисе в американском штате Миссури летом 1982 года я начал писать мою первую книгу. За 39 долларов в соседнем супермаркете я купил механическую печатную машинку и начал в привычной манере - двумя пальцами - переносить на бумагу свои воспоминания о пережитом в ГДР. Речь шла о моем переходе в ФРГ в 1979 году и моей работе для Федеральной разведывательной службы в качестве агента в восточногерманском Министерстве государственной безопасности. Но так как БНД была очень озабочена тем, чтобы из моих мемуаров противник не мог сделать никаких выводов о методах ее работы, мою рукопись пришлось существенно переделать и в некоторых местах умышленно «напустить туману». В результате в 1986 году вышла книга «В центре шпионажа», наделавшая много шума и выдержавшая несколько переизданий.

Сегодня, более тридцати лет спустя после этих драматических событий и через двадцать лет после окончания Холодной войны эти старые меры предосторожности потеряли свою актуальность. Я живу в Будапеште, работаю самостоятельным предпринимателем и могу назвать вещи своими именами, как я сам хочу. И, прежде всего, я могу теперь рассказать о том, о чем прежде говорить было невозможно: о том, что я пережил во время моего сотрудничества с другой стороной: с БНД, а позднее с ЦРУ, которое сделало для меня новые личные данные, ибо Штази охотилась за мной по всей Европе. Эрих Мильке привел

в действие весь свой гигантский аппарат, чтобы обнаружить предателя и по возможности вернуть в ГДР, где меня, скорее всего, ожидал бы смертный приговор. Даже в 1981 году один мой коллега (Вернер Теске) был расстрелян за куда меньшие грехи.

Если в Сент-Луисе мне все пришлось писать по памяти, так как мюнхенские коллеги из БНД не дали мне даже взглянуть на вывезенные мною же на Запад из ГДР досье и документы, не говоря уже об информации о подоплеке их собственных действий, то в нынешнее время все оказалось намного лучше. Благодаря архивам немецкого Федерального уполномоченного по вопросам документации службы государственной безопасности бывшей ГДР, а также расследованиям сотрудников Музея Штази в Берлине мне удалось получить доступ к примерно 1800 страницам документов, которые основательно подтверждают значительную часть моей карьеры разведчика и двойного агента.

Из этих досье мне стали очевидны две вещи. Контрразведка МГБ шла буквально за мной по пятам. Если бы 18 января 1979 года мне не удалось через вокзал Фридрихштрассе сбежать в Западный Берлин, меня бы арестовали не позднее 20 января. Тогда я совсем не осознавал степени опасности.

И другой ставший мне очевидным момент: мой побег в истории МГБ стал своего рода рубежом. Как рассказывал мне позже один бывший коллега из Главного управления разведки, то есть, моего прежнего места службы, товарищи там постоянно говорили о добрых старых временах (до Штиллера) и нервном новом времени (после Штиллера). Во всем аппарате поселился дух глубокой озабоченности: никто не знал, кому теперь можно доверять. Ведь моя карьера была образцовым примером, как из книги: выходец из рабочей семьи из Саксонии-Анхальт, выросший при социализме, средняя школа, изучение физики, член Социалистической единой партии Германии, сначала неофициальный сотрудник (агент) госбезопасности, потом кадровый «чекист», хорошие оценки, перспективный кадр, секретарь партячейки СЕПГ. И если такой проверенный товарищ ни с того, ни с сего предлагает свои услуги классовому врагу и прихватывает с собой на Запад столько материала, что позволяет разоблачить десятки агентов за рубежом, тогда неожиданно возникает вопрос: кто может оказаться следующим? И за первым вопросом мгновенно следуют другие: в чем причина? Можно ли как-то предвидеть такие события? Есть ли соучастники или возможные последователи? Микроб взаимного подозрения и постоянной слежки распространился по всему аппарату, и этот аппарат в последующее время был в большой степени занят самим собой.

В этой книге мне сначала хотелось бы рассказать о моем побеге и его мотивах, отобразив параллельно преследование меня и моей тогдашней помощницы, организованное госбезопасностью. При этом читателю станет понятней суть функционирования МГБ, его гигантские, почти безграничные усилия при поиске врагов и предателей. (Одновременно будут исправлены некоторые ошибки и неточности из прежних публикаций.) За этим последует описание охоты за «Шакалом» или «Пиратом», как меня тогда называли, и моей соратницы «Борсте» («Щетины»). Я расскажу о своем сотрудничестве с Федеральной разведывательной службой, о времени, проведенном в Мюнхене и об озабоченности БНД тем, что меня там могут найти и похитить. Наконец, меня отправили в Америку на три месяца, превратившиеся затем в три года. При этом у меня была возможность немного познакомиться с деятельностью ЦРУ, которая показалась мне значительно более профессиональной во многих аспектах в сравнении со слишком осторожными действиями пуллахских чиновников.

После жизни в трех разведках последовал еще один период, оказавшийся столь же напряженным и интересным: моя деятельность в качестве банкира и инвестора. Я одно время работал для двух крупных банков, которые между тем из-за их авантюрных финансовых спекуляций попали в серьезные передряги: «Голдман Сакс» и «Леман Бразерс». Я заработал миллионы – и потерял тоже миллионы. Мне не стоит объяснять, откуда взялся глобальный финансовый кризис. Я заранее предвидел его и сделал соответствующие выводы.

Вкратце, я расскажу здесь о динамичной жизни, в которую неоднократно вплетались пересекающиеся линии исторической судьбы.

ПУТЬ В РАЗВЕДКУ

Все начиналась классическим образом, как и у большинства молодых людей в ГДР. После поступления в школу в Вессмаре, район Мерзебург, в 1954 году, я стал активным пионером, а в начале шестидесятых годов еще и бойким членом Союза свободной немецкой молодежи. После ужасной войны, последствия которой еще повсюду были заметны в виде развалин и наполовину взорванных бомбоубежищ, и после преступлений фашистов, о которых много говорили в школе, не только наши родители, учителя и соседи искренне верили, что пришло время построить новый и более справедливый мир. ГДР многими рассматривалась как путь к лучшему будущему.

С другой стороны я уже очень рано распознал в себе четко выраженную коммерческую жилку, которая время от времени приводила к небольшим конфликтам. Я постоянно занимался какими-то обменах или перепродажами, что в школе, конечно, не одобрялось. Сначала это был обмен «товар на товар» – до самого конца существования ГДР такие «бартерные сделки» широко использовались и самим государством, а потом и разнообразные сделки «товар-деньги-товар». Хорошей добычей, к примеру, был денежный залог за пустые пивные бутылки, которые можно было собрать после обязательных первомайских демонстраций и последующих дружеских попок трудящихся на так называемых «народных гуляниях». За сданную бутылку платили 30 пфеннигов, плановой экономике пустая тара требовалась немедленно, чтобы снова запустить ее в экономический оборот. Мой друг Йоахим и я спрашивали лежащих на майской траве людей, не оставят ли они нам пустые бутылки от алкоголя, и обычно слышали в ответ неразборчивое бормотание, что мы трактовали как согласие. Если бы это зависело от меня, то «День солидарности трудящихся» праздновался бы хоть каждую неделю.

В нашем районном центре Мерзебурге к западу от Лейпцига дислоцировался авиаполк непобедимой и легендарной Советской армии. А в соседнем городке Лойне, где, кстати, находился гигантский комплекс химической промышленности «Вальтер Ульбрихт», самое большое промышленное предприятие ГДР с 30 тысячами рабочих, рядом с домом, где мы тогда жили, располагалась довольно известная пекарня с паровым обогревом. Туда каждое утро, как раз ко времени, когда я отправлялся в школу, приезжал грузовик «ГАЗ» защитного цвета. Два советских солдата выносили корзины со свежесдобытым хлебом и грузили их на платформу грузовика под брезентом. Я как можно чаще старался оказаться там к этому моменту и начинал свою раннюю торговлю. За две бутылки пива по 48 пфеннигов плюс 30 пфеннигов залога (для детишек в ГДР не представляло трудности купить в магазине пару бутылок пива для папы) я получал взамен пригоршню «мишек», этих вкусных наполненных похожей на шоколад смесью вафель, завернутых в блестящую синюю бумажку с изображенным на ней медведем («мишкой»). Каждый «мишка» был настоящим сокровищем, ведь мои одноклассники с удовольствием отдавали

за штуку 20 пфеннигов из своих карманных денег. Каждая такая сделка приносила прибыль как минимум в 100%. (Наверное, именно тут крылись корни моего будущего разочарования в «марксистском» централизованном плановом хозяйстве.) Когда я подросток, место «мишек» в обмене на пиво заняли пачки сигарет марки «Прибой». В каждой пачке было по 25 сигарет с настоящим табаком, а не с махоркой, которую курили обычные солдаты. (Эту смесь крепкого крестьянского табака с соломой и опилками не без причины называли «сталинской сечкой».) Моими торговыми партнерами, впрочем, были не обычные солдаты, которым не разрешалось покидать казармы в одиночку, а старшины и сержанты, а также повара, которым всегда удавалось чем-то поживиться в казарме. Из осторожности я никогда не продавал сигареты на школьном дворе, я передавал их моему шуруину и другим заинтересованным взрослым, готовым хорошо заплатить за эти крепкие сигареты. Моя выгода уже всегда значительно превышала 100%.

Но можно было заработать еще больше. В ГДР был ежемесячный журнал под названием «Магацин», в котором кроме развлекательного чтения каждый номер печаталась как минимум одна фотография обнаженных девушек. Нет, ничего непристойного, просто голые женщины. Но я прекрасно понимал сексуальный голод живших по-монашески в казармах советских солдат, ведь не зря они меня частенько спрашивали: «Сестра трах? Трах?» Потому как только мой шурин откладывал прочитанный журнал в сторону, я аккуратно вырезал листок с изображением в стиле «ню» и предлагал его по самой высокой цене. Один солдат даже снял свои часы с руки ради этой картинки.

Мои экономические отношения с Советской властью развивались великолепно и продолжались даже некоторое время после окончания школы. С 1966 года я изучал физику в университете в Лейпциге. 30 километров от дома до университета я проезжал на мотороллере, которому требовалось около четырех литров бензина на 100 км. Литр бензина стоил в ГДР 1,50 марки. Маленькую карманную бутылку водки можно было купить за 3,50 марки. Как только мои советские друзья замечали у меня такую бутылочку, они тут же вытаскивали небольшой шланг и вставляли один его конец в бак своего грузовика (военные автомобили того времени работали в основном еще на бензине, а не на дизельном топливе). А другой конец – после того, как я отсасывал немного бензина ртом – попадал в мой бак. Вскоре мой десятилитровый бачок был полон до краев. А ужасный вкус бензина во рту пропадал после первого глотка водки.

Всё это должно было происходить тайно, потому что частная торговля такого рода была в ГДР, разумеется, запрещена, как, впрочем, высмеивалась и осуждалась любая «тяга к наживе». Я быстро научился быть внимательным, вовремя замечать что-то подозрительное и прятаться в случае опасности. При этом меня это все совсем не волновало, наоборот, я проворачивал такие дела очень спокойно и расслабленно, как нечто само собой разумеющееся. Я совершенно не испытывал паники. У меня было внутреннее спокойствие, которое и в будущем помогало мне сравнительно хладнокровно справляться с необычными ситуациями.

Во время первых четырех семестров в университете всем студентам приходилось пройти курс допризывной военной подготовки, состоявший в основном из маршировки. Но строевая подготовка, с ее хождением в ногу, поворотами, стойкой «смирно» по приказу какого-то придурка – всё это было мне совсем не по душе. Во время моего обучения нашим «отделением» из десяти человек командовала одна студентка, которую предварительно в лагере за несколько недель обучили на инструктора. Потому она свои первые занятия воспринимала очень серьезно. Она муштровала нас изо всех сил, и с таким громким рычанием, что ее лицо сильно краснело – а с этим ее свойством я был знаком по совсем другому поводу. Кроме того, у нее очень учащалось дыхание. Для меня это был

знак, чтобы заметно уменьшить свое рвение и начать делать все в медленном темпе. Я все рассчитал правильно. Сначала последовала специальная муштра третьей степени, а потом уже очень специфические индивидуальные занятия. Ну, вот тогда я полностью переходил к делу. Ее лицо заметно покраснело, дыхание учащалось. Вышла ли из нее в будущем хорошая преподавательница, этого я не знаю, мы больше никогда не встречались.

Я в принципе ничего не имел против военного дела, но преподавать его нужно было умно и интересно. Тупо, с отключенным мозгом, повиноваться другим – это было мне противно и противоречило моей сущности. После допризывной подготовки желание сделать военную карьеру исчезло у меня раз и навсегда. Совсем иначе относился я к разведывательной деятельности, тем более, что она открывала возможность время от времени открывать окно в широкий мир. На втором курсе я вступил в СЕПГ, так как это было обязательным для успешной карьеры, и потому я не удивился, когда незадолго до окончания учебы на меня вышло Министерство государственной безопасности. В 1970 году я стал его неофициальным сотрудником (агентом).

Оглядываясь назад, я думаю, что на это меня подвигла в первую очередь жажда приключений, и уж точно не идеологическая преданность. Мне прекрасно видны были противоречия между идеалами и действительностью реального социализма, недостатки в экономике были прямо у меня перед глазами, а отсутствие демократии можно было чуть ли не пощупать руками. Я сам на выборах в моем родном городке видел, как водили рукой нашей тяжелобольной соседки, которая была практически без сознания, чтобы добиться стопроцентной поддержки на голосовании спущенных свыше кандидатов от Национального фронта. На период формирования моего политического самосознания припала, к тому же, насильственная коллективизация сельского хозяйства, в ходе которой крестьян правдами и неправдами заставляли «добровольно» вступать в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Не говоря уже о культе личности, сначала вокруг Сталина, а потом вокруг Вальтера Ульбрихта, именем которого уже при жизни называли фабрики и стадионы, и который глядел на нас с каждой почтовой марки.

Когда в 1961 году построили Берлинскую стену, альтернативы уже не оставалось. Так как от системы уже невозможно стало убежать, некоторые полностью раскрыли свою сущность. Например, мой учитель обществоведения в старших классах школы вдруг начал хвастаться, что раньше был тюремным надзирателем в «Красном Быке» в Галле. Тюремщик Шмидт, как мы его потом называли, был прекрасным примером ограниченного, глупого и самодовольного человека во власти. Даже другие учителя, некоторые из которых еще помнили гуманистические традиции старой немецкой гимназии, стали сторониться его, чувствуя отвращение.

Руководящая верхушка, которую мы видели в кинохронике и по телевизору, тоже не излучала интеллект и харизму. Что можно было ожидать от людей, не способных к свободной речи и совсем лишенных чувства юмора? Как они могли управлять современным государством и представлять нашу страну на международной арене? Но что можно было сделать? Открытое сопротивление было точно не для меня, один в поле не воин. Это могло закончиться для меня только тюрьмой. Но молчать, приспособливаться и послушно делать то же, что и другие – это тоже меня не устраивало. Лучше всего было бы найти какой-то индивидуальный путь, чтобы умом, хитростью и остроумием осуществить мои представления или даже действовать скрытно. Никто не должен был знать, что я думаю на самом деле. Если только представится возможность, я попробовал бы перепрыгнуть «на ту сторону», ведь, в конце концов, мир состоял не только из маленькой ГДР.

Как обстояло дело с моим настроением, Штази попыталась реконструировать после моего побега, и, как выяснилось, в своих выводах она была недалеко от истины. Изначально я хотел изучать медицину, хорошая память и сообразительность располагали к этому. Но мой классный руководитель заметил тогда, что мои шансы на поступление сравнительно невелики, тогда как поступление на факультет физики с моими способностями к математике и с высоким средним баллом, во всяком случае, увенчается успехом. Я последовал его совету. Меня действительно приняли, и я хорошо учился по специальности. Кроме того, мне нравилась студенческая жизнь в Лейпциге, где с середины шестидесятых годов активно выступали многие рок-группы. Однажды мой однокурсник рассказал, что среди лояльных студентов-физиков наверняка вынырнут некие господа в штатском. Он спрашивал, не подходили ли они уже ко мне. Но в то время мною еще совсем никто не интересовался.

Немного пробудился я от политической спячки в 1968 году, когда руководству ГДР во главе со старым Вальтером Ульбрихтом взбрело в голову сделать Лейпциг еще более социалистическим. В ходе выполнения программы по перестройке центров восточногерманских городов, где вместо старых церквей, определяющих облик города, должны были появиться новые здания, предполагалось снести руины старого здания университета в стиле неоклассицизма и совершенно целую университетскую церковь. В головах атеистов у власти новое высотное здание университета имени самого Карла Маркса никак не сочеталось с церковью. Но решение о сносе вызвало жесткую протестную реакцию. Дошло до демонстраций лейпцигских студентов и горожан. Полиция и госбезопасность всеми силами боролась с активными участниками протестов. Последовали многочисленные аресты и исключения из университета. Я тоже участвовал в майских демонстрациях, но держался с краю, а в университете предпочитал помалкивать, как и в дни вступления войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе того же года. В университете меня считали совершенно лояльным студентом.

В начале четвертого курса в одно прекрасное сентябрьское утро 1969 года меня пригласили в одно лейпцигское кафе. Там меня ждал некий человек, который при встрече широко раскинул руки, как будто встречая возвратившегося блудного сына. Я представлял себе конспиративную встречу совершенно иначе. Он представился как Лео Хауштайн и сразу предложил мне коньяк, под которым подразумевалось лучшее восточногерманское бренди. Я отказался, что дало господину Хауштайну повод заказать себе аж четыре рюмки. (На последующих встречах за столом тоже всегда присутствовал как минимум дух вина.) Это была свободная, непринужденная беседа, и организация, которую он представлял, никак не показалась мне опасной или неприступной. Казалось, это были самые обычные люди, как ты и я, с которыми вполне можно было иметь дело. И того, кому «высокий градус» нужен уже рано утром, кажется, легко было бы контролировать. Товарищ Хауштайн к тому же даже подвез меня на своем красном «Фольксвагене-жуке» прямо до института физики, причем его опьянение совершенно не было заметным. Там в машине он и приступил к разговору о деле. Я должен был стать его помощником, и это принесло бы мне пользу. Если бы я доказал свои способности, то, вероятно, мой последний семестр я провел бы в Риме или Лондоне. Что могло быть большим соблазном для запертого в ГДР молодого человека? Это была даже не лазейка под стеной, это просто сносило напрочь целые ворота сарая. Но хорошо обученный кадровый оперативник не забыл напомнить, что без труда не вытянешь и рыбку из пруда. Если меня заинтересовала такая перспектива, то мне сначала нужно будет предоставить некоторые оценки различных людей, как положительные, так и отрицательные. Потом будет видно, подхожу ли я к такой работе, и стоит ли со мной продолжать сотрудничество. (К счастью, это были единственные отчеты, которые мне пришлось составлять для «конторы», касавшиеся в чистом виде работы политической полиции,

слежки за образом мыслей. Но позже я сам давал такие задания своим агентам для сбора данных о настроениях в обществе.)

Впервые я испугался, опосредованно встретив господина Хауштайна в месте, где я никак не мог предположить его присутствие: у моей подружки. К этому времени после окончания первого скороспелого брака со школьной подругой у меня были своего рода любовные отношения из корыстных побуждений с одной парикмахершей, то, что немцы называют «отношениями за жареную картошку» или сексом в обмен на еду. Она была старше меня по возрасту, но очень живой и активной, преданной нашей студенческой среде. Однажды во второй половине дня между «поставкой и оплатой за картошку» она рассказала мне, что пару дней назад у нее был некий господин Лео и пытался немного приударить за ней, причем речь заходила и обо мне. «Глубокое бурение» товарища Лео Хауштайна зашло еще дальше. Моя хорошая подруга Кэте, осведомленная алкоголичка и старшая кельнерша в студенческой столовой, однажды отвела меня в сторону и спросила, что я такого натворил. У нее был «один из этих липких», расспрашивавший ее обо мне. Очевидно, обо мне рассказывали только хорошее, ибо вскоре я получил новые задания, носившие уже в значительно большей мере настоящий разведывательный характер. Речь шла о сборе сведений о лицах и объектах, о наблюдении и о закладке тайников для связи, или, как их иначе называют, «мертвых почтовых ящиков». Я старался изо всех сил, потому что любой ценой хотел получить билет в Рим или Лондон. Эта стадия проверки и обучения продлилась до середины 1970 года. Я завершил ее успешно и наконец был принят в качестве неофициального сотрудника (НС) Министерства государственной безопасности ГДР. Мой агентурный псевдоним, или НС-имя, было «Штальманн» («Стальной человек»).

Затем меня представили якобы более высокопоставленному товарищу, назвавшемуся «Вернером». Лео меня заранее подготовил, чтобы я в разговоре ничего не говорил о Риме или Лондоне, так как мне собственно не должно было быть известно о такой возможности. Но, как выяснилось, это была передача меня новому оперативнику-«куратору», ибо товарища Хауштайна я больше никогда не видел. Позже я узнал, что Лео в основном использовали в качестве «Ромео». С фальшивым паспортом и вымышленной биографией он ездил в интересные с разведывательной точки зрения места на Западе и завоевывал там сердца одиноких дам, имевших доступ к какой-либо секретной информации. Именно оттуда и взялся красный «Жук» у человека с шармом. Его сотрудничество со мной было очевидно всего лишь временным эпизодом на родине перед следующей заграничной операцией. По-настоящему тщательной проверки моего отношения к ГДР и моей политической надежности он не проводил, это и не было в его духе. Он был, прежде всего, жизнелюбом и весельчаком.

«Вернер», в свою очередь, был намного профессиональней. Он ездил на почти насквозь проржавевшем «Вартбурге», вообще мало думал о внешнем виде, зато был очень внимателен. Его интересовали мои практические дела, то, как я выполнял нынешние задания. Моя предыстория его не занимала, так как он думал, что ее подробно просветил еще товарищ Хауштайн. Но в этом он глубоко ошибался. Только после моего побега в 1979 году всплыли мои прежние грехи. Например, выяснили, что при моем приеме в партию в 1967 году были голоса «против», что для СЕПГ было очень редким случаем, так как в ней обычно все всегда голосовали единогласно. Причиной было мое политически ненадежное окружение и то, что я не отмежевывался открыто от некоторых моих друзей. Мой близкий школьный друг через Венгрию сбежал на Запад. Вскоре после этого мой сокурсник Франк Массманн, с которым я тесно общался, попытался сбежать за границу в багажнике, и был при этом пойман. Вместо обычных восемнадцати месяцев он получил за это четыре с половиной года тюрьмы, так как в попытку вывоза была вовлечена его жена,

что позволило квалифицировать дело как «создание преступной банды». Лишь потом его удалось выкупить на Запад.

Как я узнал позже, его жизнь в тюрьме оказалась очень непростой по нескольким причинам. Политических заключенных, то есть, преимущественно людей, попавших в тюрьму за попытку сбежать из ГДР, подвергали в тюрьме особо жесткому обращению, из-за чего они объединялись в тесное сообщество и пытались себя защитить. Они объясняли охранникам, что для бедной валютой ГДР они представляют собой важный экспортный товар и рано или поздно окажутся на свободе, тогда как остальные граждане ГДР приговорены к пожизненному заключению в этой стране. Но трагичным было то, что жена Франка ради получения привлекательной работы на тюремной кухне стала любовницей одного из охранников, а тот еще и хвастался перед Франком всеми эротическими подробностями. После падения Берлинской стены они оба, жена Франка и тюремщик, действительно остались вместе.

Параллельно с моим изучением физики и работой в качестве НС я регулярно использовал Лейпцигскую ярмарку, чтобы подрабатывать на ней официантом в столовой. В это время там действительно еще были деликатесы, о которых в остальной ГДР уже никто и не помнил, например, копченый лосось или антрекот. Так как места в ресторане были в дефиците, я мог полностью дать волю своим коммерческим талантам. Заказ каждого столика на вечер происходил только за наличные деньги, и при этом за западногерманские марки. У граждан ГДР не было никакого шанса. Цены на напитки я назначал сам, исходя из предполагаемой платежеспособности клиента. Особенно помогали мне успешные участники выставки с Майна, Изара и Рейна, приглашавшие на ужин своих красивых секретарш или сотрудниц. Они хотели произвести на них нужное впечатление, чтобы легче было продолжить вечер в номере отеля. К концу вечера я сдавал тогда ежедневную выручку в марках ГДР. Это был потрясающий бизнес. (Когда я впоследствии стал банкиром в США, я тоже хорошо зарабатывал на валютных операциях, но даже тогда я не получал такого удовольствия, как во времена моих студенческих подработок на Лейпцигской ярмарке.)

Во время ярмарки госбезопасность поручала мне как интересующемуся физикой студенту входить в контакт с представителями западных фирм, выпускавших научное оборудование. Так мне удалось установить долгосрочную связь с одним западным сотрудником, продолжавшуюся и в дальнейшем. Мой «куратор» «Вернер» был в восторге. Он укрепил меня в моем убеждении, что я в будущем стану неофициальным сотрудником МГБ на Западе.

Когда я подрабатывал официантом не во время ярмарок, мне приходилось больше сталкиваться с туристами из Восточной Европы. И однажды кое-что произошло. Молодая венгерка во время обслуживания вдруг посмотрела мне так необычайно пристально в глаза и еще дала пять марок на чай. Я пропал. Я не знал ни слова по-венгерски, она не знала немецкого, но мы почувствовали, как нас спонтанно тянет друг к другу. Я купил учебник венгерского языка и после четырех недель непрерывной учебы я, самоучка, смог написать первое письмо, а потом дошло и до несложных бесед. «Вернеру», моему оперативнику, которому я сообщил об этой новой связи, все это дело совершенно не понравилось. Частные контакты с иностранцами, все равно, в каком направлении, являются проблемой для любой секретной службы. Но я не был готов отказаться от моей новой счастливой любви. Вопреки любому сопротивлению я, наконец, добился брака с Эржебет в 1970 году. Я понятия не имел, что это событие в корне изменило мои перспективы и полностью разбило мечту о работе на Западе. Кроме того, в реферате

физики Отдела XIII Главного управления разведки, занимавшемся атомным шпионажем, не было ни одного физика и поэтому там было предусмотрено место для меня.

Летом 1971 года я окончил университет и стал дипломированным физиком. О трудоустройстве я даже не думал. Этим все равно занималась комиссия по распределению, потому что при поступлении в ВУЗ студент подписывал обязательство отработать первые три года после его окончания там, куда его направит государство. Кроме того, мой «куратор» уже намекал мне, что для меня подберут что-то подходящее. «Мы поговорим, когда ты будешь готов», так мне говорили.

Итак, в конце учебы я, сгорая от любопытства и волнения, отправился на встречу в Берлин, где на конспиративной квартире на Кнаакштрассе в районе Пренцлауэр Берг меня ждали «Вернер» и его шеф «Кристиан». Там они открыли мне, что использование меня на Западе пока не планируется, и мне сначала предстоит доказать свои способности в тайных операциях в ГДР. Если там все пройдет хорошо, то возможно мое поступление на службу в МГБ в качестве кадрового офицера разведки, где мне предстоит заниматься обработкой Запада. С одной стороны, это был шок, так как меня все время удерживал на этой работе лишь стимул будущей работы на Западе. Но с другой стороны, с личной точки зрения меня этот вариант вполне устраивал, так как у нас как раз родилась дочь, и я чувствовал себя в этой семейной ситуации прекрасно. Потом мне сказали конкретно: «С 1 августа ты будешь работать в Физическом обществе ГДР. Твоим шефом там будет товарищ Райнхард Линке. Но, кроме того, ты в основном будешь работать на нас. Твоя цель: работа по поиску и поддержанию контактов в оперативной зоне».

Я был ошеломлен: – А где же я буду жить в Берлине? Но обо всем уже позаботились. После беседы «Вернер» привел меня на улицу Иммануэлькирхштрассе, находившуюся неподалеку. Мы вошли в дом №35, но не стали подниматься по лестнице, а прошли через темный двор на второй задний двор, где он открыл квартиру на первом этаже. Спереди она была зарешеченной, а сзади выходила на третий задний двор с видом на брандмауэр. Нашей молодой семье предстояло прожить здесь два следующих года. Для нашего переезда из Лейпцига нам предоставили старую служебную «Волгу» МГБ. Чтобы ее завести, нужно было стукнуть молотком по стартеру. Вещей у нас было немного.

Физическое общество ГДР размещалось в небольшом офисе на Купферграбен, как раз напротив развалин Нового музея на Музейном острове. Главной целью Физического общества было развитие международного научного обмена, в том числе и между Западом и Востоком. Для этого общество организовывало научные семинары и конференции, на которые приглашали ученых со всего мира. Как я вскоре узнал, в Физическом обществе работала оперативная рабочая группа реферата I Отдела XIII Главного управления разведки. Научные конференции служили для установления контактов особого рода. Избранные восточногерманские физики, почти исключительно НС, занимались посетителями с Запада, представлявшими особый интерес, для того, чтобы их потом завербовать для МГБ. Секретарь Физического общества Райнхард Линке, как я потом узнал, был бывшим сотрудником моего будущего отдела, замешанным в деле двойного агента «Алоиса» и потому в качестве наказания перемещенным сюда. Этот «Алоис» был курьером МГБ для связи с западной резидентурой «Хартманн», но одновременно являлся агентом ЦРУ, о чем в ГДР никто не подозревал. Достаточно небрежный подход Линке к работе, а также его склонность к алкоголю привели к тому, что «Алоису» как-то удалось лично познакомиться со всей резидентурой «Хартманн». Одним из источников резидентуры был Харальд Готфрид, псевдоним «Гэртнер» («Садовник»), работавший в ядерном исследовательском центре в Карлсруэ. Из-за каких-то историй с женщинами и излишней болтливости было принято решение «отцепить» «Гэртнера» от резидентуры и

руководить им непосредственно из Восточного Берлина, чтобы стабилизировать его поведение. Но до этого так и не дошло. Западногерманская контрразведка, основываясь на информации от «Алоиса», нанесла удар первой. Но на судебном процессе против «Гэртнера» всплыли вещи, которые однозначно указывали на информатора. При следующем посещении ГДР «Алоис» был арестован и вся резидентура «Хартманн» отозвана. Райнхард Линке и другие сотрудники из занимавшегося этим делом реферата были выведены из министерства и как офицеры с особым поручением переведены под «крышу» гражданских структур. По воле судьбы мне в будущем довелось стать начальником Линке и даже курировать «Гэртнера» после его освобождения из тюрьмы и возвращения домой. «Алоис» получил пожизненное заключение.

Во время моей работы в Физическом обществе МГБ проводило самые различные проверки, чтобы выяснить, буду ли я пригоден к службе в качестве кадрового сотрудника. Однажды ранним утром мой оперативный офицер «Вернер» вызвал меня на срочную встречу. Важный курьер, который должен был осуществить «закладку» в тайник в Западном Берлине, вышел из строя, и нужно было его подменить. Выбор пал на меня. Мне нужно было перейти «зеленую границу» на внешнем кольце Берлина, где этим вечером в этом месте специально убирают часовых. Он подробно рассказал мне о местности, и затем мы поехали по направлению к городку Кляйнмахнов на южной окраине Берлина. Приехав туда, мы пересели в переделанный в военную машину «Трабант». Офицер в форме пограничных войск забрал меня и высадил возле пограничных укреплений. Оставшись один, я подкрался к пограничному ограждению. Я нашел дыру в колючей проволоке, пролез через нее и оказался, как полагал, на Западе. Недалеко я нашел описанное мне дерево, в дупле которого я должен был оставить пакетик. Я немного оглядел окрестности, чтобы удостовериться в своей безопасности. И вот, гляди-ка, что я нашел на земле? Пустую пачку от сигарет F6 производства ГДР! Тут же мне стало понятно, что я вовсе не на Западе, а по-прежнему в ГДР, что вся эта операция была лишь проверкой. Потом я сам пользовался этой поддельной «дырой на границе» для проверки надежности моих неофициальных сотрудников.

Характеристика тов. Штиллера, Вернера

31.1.1972

Тов. Штиллер учился на факультете физики в Лейпциге и получил диплом. Он был членом партии с начала, и партийная группа его курса была очень маленькой и слабой (3-4 товарища). Из-за недостаточных профессиональных результатов остальные члены партии на его курсе были исключены, так что на третьем курсе он был единственным членом партии. Позднее присоединились еще товарищи *** и *** (еще кандидаты), являющиеся активными членами Союза свободной немецкой молодежи (руководство ССНМ), сейчас они студенты-исследователи в секции физики. Эти два товарища хорошо знают тов. Штиллера и могут дать о нем более подробные сведения.

Тов. Штиллер был женат. Его жена тоже изучала физику в Лейпциге и хотела вступить в партию. Но так как она ***,

По причине финансовых трудностей тов. Штиллер в свободное от лекций время часто работал на предприятиях и самостоятельно освободился от летнего студенческого труда и подобных мероприятий, что часто оказывало негативное влияние на курс.

Тов. Штиллер не был примером для своего курса, как в профессиональной, общественной (семинары по марксизму-ленинизму), политической, так и в организаторской сфере. На курсе его не воспринимали как представителя партии.

В своей партийной работе, где он в особенности должен был сотрудничать с руководителями групп ССНМ, он не был надежным. Он часто хвастался и задавал на партсобраниях провокационные вопросы по поводу работы ССНМ, но сам выполнял свои поручения очень плохо и только после многократных «подталкиваний». Хотя секция на этом курсе охотно приняла бы больше товарищей, тов. Штиллеру было ясно отказано. В общем, тов. Штиллер хоть и обладает четкой партийной позицией, которую он защищает, ему недостает зрелости, и он не всегда делает правильные выводы из этой позиции для своего поведения и манеры себя вести.

(рукописная приписка офицера МГБ:

НС «Хаазе», НС Реф. 1 МА секции физики;

Не очень надежен, политически сложно оценить (отказался от переселения), хотя и коммунист.

Штройбель)

(BStu, MfS, ZA 32421/90, Bl. 49f.)

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ОПЫТ

Первое время после моего поступления на службу в МГБ 1 августа 1972 года мне приходилось для «акклиматизации» выполнять разные рутинные поручения и продолжить военную подготовку. Она включала обучение на парашютиста, что меня очень радовало. В 1973 году я, как и многие другие, привлекался к обеспечению безопасности на Международном фестивале молодежи и студентов в Берлине, во время которого меня распределили в группу охраны Ясира Арафата. Потом работа стала интересней. Однажды я получил отчет управления «Объекта Висмут». Это было подразделение МГБ, занимавшееся защитой урановых месторождений ГДР. Во время Второй мировой войны Советский Союз с помощью своих агентов, таких как Клаус Фукс, узнал об американско-британском проекте создания атомной бомбы и даже получил важные документы и материалы, касающиеся ее конструкции, в дальнейшем получившие свое дальнейшее развитие благодаря уже их собственным ученым. После американской атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года Советы приложили все усилия, чтобы как можно скорее догнать американцев. Но у них не хватало исходного материала: урана, пригодного для обогащения. Его новые владельцы нашли на рудниках в оккупированных территориях Восточной Германии и Чехословакии, в Рудных Горах. Эти рудники мгновенно перешли под советский контроль, после чего начались их интенсивная эксплуатация и расширение, причем никто не обращал внимания на опасность излучения для шахтеров и на вред для окружающей среды. Так как атомная программа была совершенно секретной, добыча урана тоже защищалась чрезвычайными мерами. Наряду с советскими органами госбезопасности этой задачей с 1950 года занималось и восточногерманское МГБ. Секретная служба ГДР была организована по территориальному принципу: изначально она делилась на земельные управления, а после ликвидации земель в 1952 году – на окружные. Висмут был исключением – им занималось собственное управление объекта.

Работавшие там товарищи обратили внимание на одного человека из ФРГ, который собирал камни неподалеку от вскрышных отвалов урановых шахт. Человека этого сопровождал гражданин ГДР, его родственник. Бдительный полицейский заметил обоих, проверил и записал их данные. Его отчет был отправлен в соответствующую службу Штази, откуда он попал к нам в берлинский центр. Дальнейшие проверки показали, что этот западный немец прибыл из Карслруэ и работал там в центре ядерных исследований.

Так как этот центр высоких технологий был главным объектом нашего реферата, дело направили к нам в отдел XIII Главного управления разведки, и оно оказалось, наконец, на моем столе.

Исходное досье было тонким, оно включало заявление с просьбой на въезд некоего господина Нистроя в гости к своему родственнику, доклад внимательного полицейского и результаты первой оперативной проверки личности. Я начал с обычного рутинного контроля, включавшего проверку данных на Нистроя в нашей центральной регистратуре. Без этого шага дальнейшая работа была невозможна, ведь могло случиться так, что этим же человеком уже занимался другой сотрудник МГБ, или даже уже завербовал его для себя. Итак, я получил разрешение зарегистрировать его для себя и дал ему псевдоним «Нестор». Любой другой сотрудник Штази, который бы в будущем захотел бы запросить в центральной регистратуре данные на господина Нистроя, не получил бы о нем никакой информации, прежде чем запрос не прошел бы через меня. Уже потом я мог бы сам решить, следует ли мне самому расспросить сотрудника, сделавшего такой запрос, или позволить ему получить нужную информацию. Это было обычной практикой в ГУР. Мы сами не всегда получали полную информацию, какое именно лицо к кому относилось. Например, всех, кто работал одновременно и на разведку советского КГБ, нам никогда не раскрывали. Мы в таком случае просто не получали наш бланк запроса назад и могли лишь догадываться о причинах этого.

Нистрой, разумеется, к данному моменту давно уехал, после проверки он постарался как можно быстрее вернуться на прекрасные берега Рейна. Мои коллеги, скорее всего, не придали бы этому делу большого значения, но ведь зачем-то в их отдел назначили свежее испеченного дипломированного физика? У меня сразу появилось подозрение, что Нистрой бродил там не просто ради сбора цветных камешков и не был путешественником-минерологом-любителем. Я предположил, что он, скорее всего, занимался поиском следов радиоактивных веществ. Другая сторона хотела, вероятно, узнать, каково содержание радиоактивного материала в руде, которую СССР добывал в ГДР для своей атомной программы. Поэтому я сразу сел на поезд, ибо разрешения на вождение, как это называлось в ГДР, у меня еще не было. В Ауэ я побеседовал с товарищами из управления «Объект Висмут», которые за прошедшее время уже успели подробно допросить бдительного полицейского. Тут всплыли некоторые детали, в некоторой степени противоречившие моему изначальному подозрению. Это вовсе не было целенаправленным сбором камней. Восточногерманский родственник просто выгуливал свою собаку и хотел ее чем-то занять. Для этого он поднимал камешки, бросал их и командовал: «Апорт!» Гость с Запада в этом процессе вовсе не участвовал, камни не поднимал и ничего не засовывал в свою сумку, висевшую у него на плече. То есть, всё было совершенно безобидно? По крайней мере, так виделось местным товарищам. Но мне эти события представлялись несколько странными. Профессионал из ядерного научно-исследовательского центра не отправится просто так гулять с собакой в таком месте. Он ведь знал, что такое радиоактивные материалы, и вероятно спрятал пару целлулоидных пленок в кармане пальто, к которому на короткое время подносил камешки, принесенные собакой. В Карлсруэ он отдал бы пленки на проявку и по интенсивности черной свили мог бы сделать вывод об уровне радиоактивности в непосредственной близости урановых шахт и о силе излучения на самой шахте. Из внешне безобидной вскрышной породы, образцы которой даже не требовалось брать с собой, можно было делать выводы о получении и характеристиках исходного материала для советского ядерного оружия и о том, что на Востоке считалось пригодным для промышленной разработки. Американцы таким путем с помощью своих компьютерных расчетов могли бы оценить, на какое количество атомных бомб хватило бы добытого в Рудных Горах материала. И как раз то, что «Нестор» не клал камни в свою сумку, делало его в моих глазах еще более

подозрительным. Я был почти уверен, что его направили сюда специально, все равно – из Пуллаха, Лэнгли или Лондона. Если он придет сюда в следующий раз, меня следовало информировать в момент его въезда. Тогда я занялся бы им интенсивней.

Разведывательная работа с самого начала возбуждала меня в определенной мере, потому что в мое время она все еще в большой степени включала в себя по сути отношения между людьми. Возможно, сегодня различные технические средства, вроде наблюдения со спутников, контроля Интернета и радиоэлектронных средств связи, дают гораздо больше информации, чем старый добрый шпионаж «агент против агента», но если такой «человеческий шпионаж» правильно организован, правильно подготовлен, обеспечен и хорошо управляется, то он, по моему мнению, намного эффективней. Хорошо внедренный информатор в сети «Аль-Каиды», возможно, смог бы предотвратить теракты 11 сентября 2001 года. А с гигантским потоком самых разных данных всех технических средств наблюдения и контроля, напротив, аналитики справляются все хуже и хуже.

Разведывательная работа в классическом смысле объединяет самым захватывающим образом элементы торговли, то есть – «давать и брать», и оказания психологического влияния. К этому добавляются оценка риска, необходимость хладнокровной работы в случае опасности, а также дезинформация и блеф – радость для каждого игрока в покер. Прошло немного времени, и я уже был уверен, что нашел свое призвание.

Но система ГДР не стала от этого для меня более симпатичной. Скорее, наоборот. Мои коллеги с удовольствием сплетничали, что наш наиглавнейший шеф Эрих Мильке по каждому торжественному поводу по-прежнему провозглашает первый тост за товарища Сталина. Мышление по старым схемам особенно четко проявлялось именно в МГБ, и готовности к реформам я тут не видел ни у кого.

Меня также ошеломило, что система внутреннего контроля и собственной безопасности в начале семидесятых годов была такой слабой. Если кто-то однажды попадал в аппарат спецслужбы, то внутри него он мог двигаться почти совершенно свободно. Не было детектора лжи для проверки сотрудников, который, возможно, заставил бы меня отказаться от некоторых моих планов. Контроль честности и надежности сотрудника осуществлялся практически лишь при помощи устной оценки его руководителя. При этом основное внимание уделялось социалистической морали. Супружеские измены и сексуальные эскапады сурово наказывались и обычно становились причиной увольнения из МГБ. К счастью о моих склонностях и действиях в этой сфере никто не узнал, я смог хранить все в тайне и чувствовал себя в этом смысле достаточно безопасно. Проверки проводились лишь в случае конкретных подозрений. Если таковых не было, то сотрудник Штази чувствовал себя едва ли не свободней обычного гражданина ГДР «снаружи», повседневную жизнь и политические взгляды которого постоянно контролировали стукачи и информаторы гигантской машины наблюдения и контроля ведомства товарища Мильке.

Постепенно у меня возник вопрос – сначала в подсознании, потом втайне, затем все более осознанно – что было бы, если бы я прямо здесь, в логове льва, стал бы работать на кого-то еще. Мне казалось, что я достаточно хорошо изучил аппарат и мог бы оценить уровень риска. Кроме того, мне всегда нравились разные авантюры, и риск меня возбуждал. Постепенно эти мысли стали принимать конкретные формы. Если другая сторона могла бы мне гарантировать, что в случае серьезной опасности она меня отсюда каким-то образом вытащит, этот план казался мне вполне реальным. Теперь нужно было только подождать, пока появится возможность установить контакт.

ПОПЫТКА КОНТАКТА С ДРУГОЙ СТОРОНОЙ

Оперативной зоной, которой я занимался, была в первую очередь, ФРГ, но что она собой представляет на самом деле – об этом я не имел ни малейшего представления. Некоторые из моих коллег бывали в Западной Германии в качестве НС, но это было уже несколько лет назад. К тому же, они мало об этом рассказывали, тема была чем-то вроде табу. Все мои попытки выехать в служебную заграникомандировку, проваливались в самом начале. Всё, что мне было известно о Западе, я узнавал из прессы и телевидения или из донесений моих западных агентов. Когда мне окончательно стало ясно, что меня не отправят на Запад несмотря на обещания в момент моей вербовки, у меня созрело решение установить контакт с другой стороной самостоятельно на свой страх и риск и сотрудничать с нею ради перспективы оказаться на Западе.

В своей первой книге «В центре шпионажа» описание моего первого контакта с БНД по желанию коллег из Пуллаха было специально искажено и отличалось от действительности. Это сделали, чтобы не помешать аналогичным попыткам установления контакта. В 1986 году я написал, что с другой стороны прибыл некий церковный служака, который завербовал меня как перспективного агента. Там еще была история с разделенным амулетом, отсутствовавшая часть которого служила бы опознавательным знаком связника, и описание многолетнего сотрудничества. Все это было написано для введения МГБ в заблуждение и сокрытия настоящих обстоятельств дела. Сегодня спустя двадцать лет после окончания Холодной войны, я могу рассказать, как это было на самом деле. А именно: инициатива исходила от меня, а не от БНД.

В 1974 году, через три года после моей вербовки и через два года после принятия меня в кадры МГБ, мне стало ясно, что я попал в тупик, принял ошибочное решение, и мне нужно что-то предпринять, если не хочу отупеть или превратиться в алкоголика, как некоторые мои коллеги. Кроме того, моя личная жизнь сильно страдала от работы и связанных с нею ограничений. Нам было приказано хранить в тайне нашу работу в службе внешней разведки. На все вопросы я должен был отвечать, что работаю в Министерстве науки и техники, но мне даже не дали номера телефона, который я мог бы сообщить своим знакомым, не говоря уже о хоть какой-то информации для подкрепления легенды. В результате личные контакты вне круга МГБ со временем сузились настолько, что приходилось общаться только с коллегами по службе, тем более что все мы жили в одном квартале. В 1973 году мы переехали из нашей дыры в заднем дворе в районе Пренцлауэр Берг в красивую квартиру в районе Йоханнисталь, но наш новый многоэтажный дом на улице Штерндамм был полностью заселен сотрудниками госбезопасности.

Внешне я в ту пору производил впечатление надежного и делающего быструю карьеру офицера разведки, уже добившегося некоторых успехов. Я провел мою первую вербовку агента с Запада и заполучил в качестве информатора итальянца немецкого происхождения Рихарда Тайхнера, псевдоним «Эрнесто». Он в письменной форме обратился в Министерство высшего и специального образования, так как был коммунистом и не мог найти работу в Италии. Это был исходный пункт, чтобы завербовать его сначала для безобидного исследования в открытой литературе, а потом для настоящей разведывательной работы. Он был физиком, как и я, и должен был внедриться в одно западногерманское военно-промышленное предприятие. Вскоре с успехом должна была завершиться и вторая вербовка высококлассного агента – профессора Хауффе из Гёттингенского университета.

Но внутри все выглядело совсем иначе. Меня все сильнее раздражали постоянное давление, заставлявшее приспосабливаться к обстоятельствам, и строгая иерархия. Если какое-то указание представлялось тебе бессмысленным, или у тебя появлялась лучшая идея, сказать об этом было невозможно. Царила система беспрекословного выполнения приказов. Даже осторожные критические замечания отменялись сходу. Я все чаще и чаще слышал фразу, касавшуюся всего общества, но в особенности актуальную для МГБ: «Мы не можем позволить себе критики». Потому я решил дождаться возможности установить без большого риска для себя контакт с другой стороной, а потом посмотреть, что из этого выйдет. Что такой шанс представится столь скоро, я не мог и предположить.

1974 год был годом чемпионата мира по футболу, проходившего в ФРГ, в который впервые своими силами пробилась футбольная команда ГДР. Я взял неделю отпуска, чтобы в живописном доме отдыха на берегу озера близ Берлина посмотреть как можно больше матчей и при этом посвятить больше времени своей жене, которая из-за моей служебной нагрузки видела меня лишь в качестве редкого гостя дома и уже начала ворчать.

Незадолго до отпуска мне пришлось стать свидетелем того, как на партийном собрании Штеффен Хайнрих, коллега из реферата 2, прозванного у нас в шутку «рефератом маленьких животных», так как там занимались бактериологическим оружием, гордо выпятив грудь, по-военному доложил начальнику отдела Хорсту Фогелю: - Товарищ подполковник, вернулся из поездки на вражескую территорию, никаких особенных происшествий не было. Я прислушался. Не имел ли он в виду посещение им чемпионата мира в качестве «болельщика»? Просочилась информация, что в общей сложности пятьсот избранных кадровых работников направлялись на каждый матч с участием национальной команды ГДР, чтобы ее подбадривать. Все понимали, что ГДР не пройдет отборочные матчи в своей группе, в которой были представлены еще Австралия, Чили и Федеративная республика. Но вдруг наша команда в сине-белой форме выиграла 14 июня у Австралии со счетом 2:0 и сыграла 18 июня вничью против Чили со счетом 1:1. Для любителей футбола в ГДР взошло солнце. Ничьей в игре с командой ФРГ 22 июня было бы достаточно для выхода в следующий этап.

20 июня меня вызвали к начальнику отдела, где уже сидел мой руководитель реферата Кристиан Штройбель. - Что ты собственно делаешь на следующей неделе? - спросил он меня в совершенно невинном тоне. - Я взял неделю отпуска, - правдиво ответил я. Заявление об отпуске я подал, и врать не было смысла. - Ладно, хорошо, - кратко ответил Фогель. Однако я продолжил, догадываясь, о чем шла речь: - Но, товарищ подполковник, я буду совсем близко от Берлина, и если есть какие-то важные служебные дела, то я, конечно, в вашем распоряжении. - Ну, хорошо, тогда 30 июня ты поедешь в Гельзенкирхен на чемпионат мира, при условии, конечно, что ГДР станет победителем в своей группе. Рассматривай это как бы в качестве награды. И до поездки никому ни слова!

Внезапно столь долго ожидаемый объект желания оказался так близко. Но на пути к нему стояло огромное препятствие: игра против Федеративной республики. Для того чтобы стать победителем в группе, наша команда должна была выиграть этот матч. Занявшая второе место в группе команда должна была играть в другой день, но на этот матч Фогель, очевидно, не стал бы давать билеты. Редко какой футбольный матч так же волновал меня на протяжении целых дней, как этот поединок двух немецких команд.

22 июня мы встретились в большом соседском кругу и вместе смотрели игру. Мы демонстрировали оптимизм, для хороших членов партии это было само собой разумеющимся. Капитан Линднер из Первого главного управления предоставил нам для

этого свою гостиную, Франк Тамм из отдела XV Главного управления разведки (занимавшегося военной техникой) тоже принимал участие. В холодильнике стояла хорошо охлажденная на льду водка. На этот раз в таком важном для имиджа ГДР событии принимали участие и наши жены. Им как закаленным товарищам наслаждение крепкими напитками вовсе не было чуждым. И тогда действительно произошло прежде невообразимое: Юрген Шпарвассер своим единственным голом в том матче вывел сборную ГДР в соревнование за выход в полуфинал. Я не мог сдержать радости.

Двумя днями позже я подал заявление на получение паспорта в занимавшийся этими вопросами отдел VI. Для меня подобрали фамилию Шиллинг, под которой мне предстояло отправиться в Рурскую область для поддержки нашей команды. Внезапно я почувствовал: новой такой возможности вступить в контакт с другой стороной может не представиться еще долго. На западногерманской территории я смог бы без большой опасности отправить сообщение моим профессиональным противникам. Формой такого сообщения могло быть только письмо. Но кому мне следовало его отправить? Господину президенту БНД? Это само по себе могло возбудить любопытство почтовых служащих, со всеми предсказуемыми последствиями. В ближайший полицейский участок? Но тогда, возможно, меня сразу после этого принялись бы искать. Я решил, наконец, выбрать судебную инстанцию. Суд - это учреждение, где документам придают особенное значение.

У нас была специальная библиотека в министерстве со всеми западногерманскими телефонными книгами и с адресными книгами больших городов. Там я выбрал самого подходящего для меня получателя. Так была решена первая проблема. Но теперь нужно было подобрать и правильного отправителя, чтобы нельзя было по письму выследить меня. И любой адрес из адресной книги Гельзенкирхена представлял опасность, потому что если бы мое письмо вернулось назад, это сильно удивило бы так называемого отправителя, и он мог бы начать какие-нибудь розыски. После длительных раздумий я, наконец, решил выбрать адрес психиатрической больницы в Гельзенкирхене. Если письмо вызвало бы какое-либо возбуждение или попало не в те руки, такой обратный адрес рассеял бы любые подозрения. Теперь оставалась третья и самая трудная проблема: текст. Что касается содержания, я более-менее знал, что я хотел написать, но в какой форме? Незашифрованный текст был слишком опасен, значит, требовалось шифрование. Но насколько сложное? Слишком простое не подходило потому, что какой-то судейский служащий с небольшим умением смог бы понять плохо зашифрованный текст. Но также не устраивал и слишком трудный шифр, чтобы весь проект не потерпел неудачу при расшифровке. Естественно, БНД как каждая порядочная секретная служба располагала отделом дешифровки, а в каждом порядочном отделе дешифровки должен быть как минимум один математик, ну, а любой математик должен знать о числе «пи». Итак, текст должен был начинаться с 14159, ибо 3,14159 слишком было бы приметно. Тогда маленькая, едва ли заметная пауза и затем в двойных группах соединения букв, соответствующие ближайшим знакам числа «пи». «Пи» - это так называемое иррациональное число с, по-видимому, бесконечным количеством знаков после запятой. До сих пор, насколько мне известно, рассчитано несколько миллиардов знаков. Мы все знаем «пи» как 3,14, но гораздо точнее - 3,141592653589793. Первые 5 знаков 14159 образовывали ключ и потом каждые два следующих знака соответствовали букве алфавита, то есть, $26 = a$, $53 = b$, $58 = c$, $97 = d$ и так далее. Все это кажется для посторонних действительно сложным, но для математика с небольшим опытом дешифровки эта задача не потребовала бы никаких усилий.

Содержание письма состояло в том, чтобы Федеральная разведывательная служба подходящим образом сообщила мне условный адрес, на который я мог бы отправлять

дальнейшие сообщения. В конце концов, нам требовалось сначала прозондировать друг друга и познакомиться «обходным путем». У нас в читальный зал МГБ поступала ежедневная западногерманская газета «Ди Вельт». Потому я придумал, что другая сторона должна была дать в воскресном номере этой газеты в рекламном приложении под рубрикой «Покупка и продажа животных» объявление о том, что заводчик собак хочет продать «красивых щенков афганской борзой по 850 немецких марок за штуку». Это была очень хитрая идея, в общем, но содержала, тем не менее, некоторый остаточный риск. Если письмо попадает вопреки всем мерам предосторожности не в те руки, то отдел дешифровки МГБ тоже мог бы расшифровывать письмо и затем предложить «продать щенков» в той же газете «Ди Вельт». Потому мне предстояло продумать еще одну «страховку», задание, которое было бы простым для БНД, но сложным для МГБ. К большому раздражению вождей СЕПГ постоянно поливаемый в ГДР грязью газетный концерн Акселя Шпрингера построил свой новый офисный центр в Западном Берлине почти рядом со Стеной. Оттуда гигантский небоскреб сиял огнями как роскошный лайнер, посылая свет в тусклое уныние восточно-берлинских будней. Товарищи с Норманненштрассе, конечно, могли сделать многое, но не всё. И поэтому я попросил получателей письма на Хайльманнштрассе в Пуллахе под Мюнхеном, чтобы они в определенный вечер примерно через две недели после отправки моего письма, выключили весь свет примерно на три секунды на одном из верхних этажей здания. Если другая сторона заинтересована в следующем контакте, то свет следовало бы выключить примерно на десять секунд. Тогда мне казалось, что секретная служба и на Западе, как на Востоке, может легко использовать газетную редакцию для своих целей.

После того, как я переписал в библиотеке университета в Восточном Берлине бесконечное количество знаков после запятой в числе «пи», я, наконец, составил текст. Основная фраза в нем была: «предлагаю сотрудничество центр МГБ». Шифрование всего текста с объявлением о собаках и с выключением света в офисном небоскребе заняло несколько часов, но я успел его закончить своевременно перед поездкой в Гельзенкирхен. Самым красивым почерком я вписал в письмо длинные колонки чисел.

Теперь осталась только одна проблема: письмо нужно было опустить в почтовый ящик в Федеративной республике, поэтому на конверт нужно было наклеить западногерманскую почтовую марку. Времени почти не оставалось, но в восточно-берлинских филателистических магазинах продавались «чудесные пакеты» с иностранными почтовыми марками по относительно невысокой цене, что показалось мне безобиднее, чем пытаться купить непосредственно негашенные марки. В этих пакетах большинство марок было проштамповано, но мне повезло, и я нашел марку как раз нужной стоимости. Теперь можно было начинать.

22 июня 1974 года в 6.30 с вокзала Берлин-Шёнефельд отправился поезд особого назначения на Гельзенкирхен. Со мной в купе ехали еще пять товарищей из Главного управления разведки, в том числе Арно Мауэрсбергер и Герберт Вайдлинг из моего отдела. У нас не было с собой дудок или свистков, как полагалось обычным болельщикам, но зато во внутреннем кармане моей спортивной куртки лежало письмо участковому суду Аугсбурга, самого близкого к Мюнхену большого города, а в его конверте находился еще один конверт с надписью: «Пожалуйста, не распечатывая, перешлите в БНД, Пуллах, под Мюнхеном». Конечно, я чувствовал себя немного не по себе, путешествуя с таким опасным грузом, так как в случае аварии или неожиданного обыска при переходе границы письмо могло быть обнаружено – и тогда, спокойной ночи, Мария! На прощание жена сказала мне: «Возвращайся домой и привези бутылку западного шнапса!»

Поезд катился на Запад: Магдебург, Мариенборн, пограничный шлагбаум и, наконец, Хельмштедт. Тут я мог бы обратиться к первому встречному чиновнику пограничной охраны или к полицейскому и попросить политического убежища. Впрочем, сбежать можно было и в Гельзенкирхене. Но мои планы выглядели иначе: я не хотел просто скрыться на Западе, я хотел большего. Я мечтал сыграть важную роль в международном противостоянии разведок, сделать что-то серьезное. Естественно, меня снова и снова одолевали сомнения, но не столько в правильности моего решения, сколько в осуществимости всей операции. Хотя я хорошо выучил свое ремесло, но сомневался, достаточно ли я предусмотрителен и внимателен, чтобы перехитрить хорошо продуманную систему. Я часто действовал инстинктивно, а не после тщательного планирования, и мои друзья хорошо знали о моей неловкости и рассеянности.

Пограничный контроль проходил абсолютно без проблем. Чиновники Федеральной пограничной охраны только пробежали снаружи мимо вагонов, кратко спрашивая: - Есть тут какие-нибудь иностранцы? Сидящий в вагоне товарищ из СЕПГ ответил: - Мы все иностранцы! В конце концов, здесь мы были не просто какими-нибудь немцами, а гражданами ГДР. Официально калмыки и крымские татары, молдаване и чукчи были ближе нам, чем какие-то соседи на западе, которые случайно тоже говорили по-немецки. Больше не было никакой единой немецкой нации, мы были народом государства ГДР.

Поезд шел мимо Порты-Вестфалики, где когда-то германцы разгромили римские легионы, через Билефельд и Дортмунд, пока мы не достигли, наконец, Гельзенкирхена. Нас встречала не самая солнечная сторона Германии, но, все же, значительно более высокое благосостояние очень бросалось нам в глаза. Меня, в отличие от попутчиков, интересовали не столько деловые расходы, сколько почтовый ящик поблизости, куда я мог бы незаметно бросить свое письмо. Еще незадолго до выхода нас проинструктировал старший нашей группы, капитан Арно Мауэрсбергер: - Товарищи, мы будем держаться вместе, никому не удаляться от группы!

После короткого осмотра центра города мы вместе отправились поехать в знаменитый «Дом Ганса Сакса», где обед считался самым недорогим в городе. Нам любезно предоставили по 10 западных марок на питание, но я еще хотел выполнить поручение моей жены и купить бутылку западного шнапса. В кафе после одного дозволенного нам бокала пива я сымитировал желание выйти в туалет. Туалеты находились в направлении выхода, а снаружи на улице в нескольких метрах стоял почтовый ящик федеральной почты, который я заметил, еще заходя в кафе. Чтобы бросить в ящик письмо мне хватило нескольких секунд, и прежде чем все остальные коллеги снова потянулись к стакану, я уже опять сидел на своем месте.

Так я сделал самое важное для себя в этот день и теперь мог спокойно предаться туристической программе, которая включала, в частности, посещение Львиного парка графа Вестерольта. Немецкий дубовый и буковый лес и в нем большие кошки из Африки и Индии. Но накануне прошел дождь, и поэтому Царь зверей лежал в грязи по самые уши. Я спрашивал себя, зачем нужны такие издевательства над животными.

Тот футбольный матч оказался тяжелым разочарованием. Команда ГДР под руководством тренера Георга Бушнера проиграла голландцам с их гениальным капитаном Йоханнесом Кройффом со счетом 0:2. Мы, официально посланные «болельщики», как и положено, делали все возможное, чтобы поднять настроение нашим игрокам, но это мало помогло. Затем мы снова пошли к нашему специальному поезду, чтобы ночью вернуться домой, на родину всех прогрессивных немцев.

Еще незадолго до границы при проезде через Кёнигслуттер я вдруг почувствовал сомнение. Действительно ли я правильно оценил, на что только что решился? За измену в ГДР полагалась смертная казнь. А то, чем я собирался заняться сейчас, считалось государственной изменой и шпионажем с особымиотягчающими обстоятельствами. На помилование не стоило и рассчитывать. Если бы я вышел на следующей остановке в Хельмштедте, то моя жизнь была бы вне опасности. Но что будет с моей семьей? Я встряхнулся, и тогда все мои сомнения исчезли. Кто сказал «А», должен сказать и «Б». Бог ненавидит трусов. Этими пословицами я пытался придать самому себе храбрости. С их помощью мне и позже не раз приходилось изгонять из моих мыслей страхи и сомнения.

В бюро мы ничего не могли рассказывать о нашей прогулке под чужими именами. Мои коллеги по реферату предполагали, где я был, и хотели бы узнать подробности, но им пришлось удовлетвориться моим соответствующим инструкции ответом: - Я был в отпуске и ловил рыбу. И это даже не было полной ложью.

Только, к сожалению, никто не клюнул на мою удочку. День, когда свет должен был погаснуть в небоскребе, прошел без какого-либо видимого знака. Я как зачарованный и в следующие дни пристально смотрел по вечерам в указанное время на здание, но ничего так и не произошло. Под различными предлогами я получил доступ к последующим воскресным приложениям «Ди Вельт», но никто не хотел продавать красивых щенков афганской борзой. Примерно через шесть недель я сдался. Моя попытка не удалась. Как мне позднее сообщили в Федеральной разведывательной службе, мое письмо так никогда и не попало к ним. Вероятно, избранный мною адрес отправителя все же не был правильным выбором. Ответственный за прием корреспонденции служащий суда, пожалуй, счел странные колонки чисел из психиатрической больницы какой-то глупостью и выбросил его. Он просто не хотел, чтобы коллеги из БНД смеялись над ним. Как бы то ни было, мне снова пришлось начинать с нуля.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Внутренне я уже ориентировался на то, что стану в будущем слугой двух господ. На одной стороне МГБ, а конкретно Главное управление разведки, а на другой стороне БНД из Пуллаха под Мюнхеном, где еще ничего не знали о привалившем им счастье, о том, что они смогут располагать источником информации в самом центре разведслужбы противника. По отношению к моему непосредственному окружению я не чувствовал никаких сомнений относительно моей будущей работы также и для другой стороны. Там вряд ли был кто-то, кого я искренне уважал. Единственным исключением был наш действительно всеми почитаемый шеф - генерал-лейтенант Маркус Вольф. Он на самом деле являлся привлекательной личностью, настоящим интеллектуалом, одаренным харизмой и всем тем, что необходимо для настоящего руководителя. Собственно, именно потому он не «вписывался» в ряды туповатой и серой верхушки СЕПГ. Мне казалось, что ему, как и мне, тоже приходилось страдать от ежедневного идиотизма ГДР, только он, очевидно, еще надеялся на то, что в ГДР однажды восторжествуют разум и рациональность. Это, пожалуй, объединяло Маркуса Вольфа с его братом Конрадом, который, будучи Президентом Академии искусств, все время пытался смягчить давление сталинского догматизма и явно страдал от глупости и надменности геронтократов из партийной верхушки. На них обоих такие грубые и неотесанные типы как Эрих Мильке наверняка производили отталкивающее впечатление. (Я почувствовал полное удовлетворение, когда после падения Стены бывший министр госбезопасности отправился в тюрьму за убийство в спину двух полицейских еще в тридцатые годы.)

В середине семидесятых годов мне в моем положении, которое я сам для себя избрал, нужно было решать три задачи:

Во-первых, я должен был выполнять свою обычную работу офицера разведки ГДР и выполнять ее как можно лучше. Это было необходимо, чтобы прикрыть мой тыл. Ведь к успешному сотруднику у начальства, конечно, возникает гораздо меньше вопросов, чем к неуспешному. Если разведчик не мог показать своих достижений, то сразу возникал вопрос: он не может или не хочет? То, что я мог, это уже было известно, потому при отсутствии результатов меня бы заподозрили, что я не хочу, а это вызвало бы вопросы о моих политических убеждениях, или, еще хуже, о недостаточной «классовой ненависти». Да, классовая ненависть была у нас обычным понятием, у нас не было противников, а только враги, а их нужно было ненавидеть. Потому в понимании МГБ классовая ненависть принадлежала к основным чертам личности каждого настоящего коммуниста. Но успешная работа представлялась мне нужной и полезной не только по этой причине. Ведь каждый завербованный мною неофициальный сотрудник, каждая полученная с Запада информация давали мне возможность двинуться на шаг дальше. Я получал доступ в моем отделе к гораздо большему количеству дел, мне доверяли более важные задания. Все это в будущем пошло бы мне на пользу. Кроме того, я по своей природе не любил халтурную и скучную работу.

Во-вторых, я поставил себе задачу через круг моих непосредственных обязанностей собрать как можно больше информации о Министерстве госбезопасности вообще и о связанных с ним военных сферах. Чтобы добиться этого мне показалось разумным проявлять свою активность в партийных структурах СЕПГ, там я порой узнавал о вещах, рассчитанных даже на уровень лиц, принимавших политические решения. Потому я постоянно держал глаза и уши открытыми, анализировал обрывки информации, пытался, насколько возможно, составить из этих обрывков оценки ситуации и запоминал их. При необходимости я делал и пометки, которые прятал в междуэтажном перекрытии в используемой мною конспиративной квартире «Бург» («Замок»). На более-менее регулярных попойках в кругу коллег я напрягал слух, ведь как раз в таких обстоятельствах рассказывались самые разные истории и сплетни, из которых можно было извлечь достаточно много полезного. Только один пример: в 1976 году мой коллега и будущий начальник реферата Петер Бертаг ездил на конспиративную встречу в Прагу. После возвращения он с гордостью рассказывал мне, что у него там была возможность попробовать материал одного западного агента, о котором я знал, что он играет ключевую роль в так называемой венской резидентуре. После моего ухода в 1979 году этот клочок информации помог мне идентифицировать главного агента этой важной агентурной группы, работавшей в области научно-технического шпионажа. (Но об этом позже.)

Насколько важными бывают на первый взгляд чепуховые вещи – это нам вдалбливали во время учебы и работы снова и снова. В качестве примера нам рассказывали поучительную историю легендарного шпиона Джорджа Блейка, офицера британской разведки, с начала 50-х годов являвшегося важным агентом КГБ. Во время своего пребывания в Вене он узнал о подключении к системе связи советского посольства в австрийской столице. Группа американских специалистов выкопала тогда специальный туннель вблизи посольства, чтобы подключиться к его телефонным кабелям и подслушивать переговоры советских дипломатов. Некоторое время спустя Блейк посетил Западный Берлин и в коридоре берлинской резидентуры ЦРУ встретил одного из людей, устанавливавших ту самую систему прослушивания телефонов в туннеле в Вене. Из этого Блейк сделал вывод, что в разделенном городе ведутся работы над аналогичным проектом, и проинформировал об этом своих работодателей в Москве. Это было решающим указанием на существование шпионского туннеля, с помощью которого подслушивались телефонные переговоры между правительством ГДР и советским посольством, а также штабом советских войск в

Вюнсдорфе к югу от Берлина. В апреле 1956 года туннель был разоблачен с большим шумом и приглашением журналистов. (Его части можно и сейчас увидеть в Музее союзников в берлинском районе Целендорф.)

Итак, я собирал всё, что казалось мне полезным, чтобы в один прекрасный день предстать перед господами из БНД с великолепным портфолио. Так это и случилось. Помимо знаний из моего непосредственного круга обязанностей, у меня в 1979 году был материал, позволявший вычислить людей и события, о которых я собственно никак не мог бы знать, если бы система внутренних «перегородок» функционировала так хорошо, как она была задумана.

Третья и самая важная задача, которую я себе поставил в 1974 году, была одновременно и самой трудной: мне было нужно надежным и безопасным путем установить контакт с БНД. После неудачной первой попытки я искал самые разные новые варианты, причем моя личная безопасность оставалась главным критерием. Мильке никогда не скрывал, как, по его мнению, следует обращаться с предателями. Во всяком случае, это означало смерть, причем нельзя было быть уверенным, будет ли это «гуманная смерть» в форме расстрела или что-то похуже. Как нам сообщали, в Советском Союзе одного предателя для запугивания коллег и для полного уничтожения останков преступника просто бросили в доменную печь. Можно было предположить и длительные пытки для выбивания информации о участниках.

По этой причине я изначально исключил вариант просьбы о посредничестве какого-либо незнакомого мне человека, даже если речь шла о сотруднике Постоянного представительства ФРГ в ГДР или об аккредитованном западном журналисте. Именно эти люди постоянно находились под наблюдением МГБ, и либо за ними постоянно следили, либо они сами были завербованы МГБ. Одно время мне приходила в голову мысль выбрать себе в качестве партнера не БНД, а американцев или англичан, потому что в их структуры агенты Штази проникли в намного меньшей степени, чем в западногерманские учреждения. Но после более конкретного рассмотрения вариант с англичанами тоже отпал. После дел Джорджа Блейка (разоблачен в 1959 году), Гордона Лонсдейла (разоблачен в 1961 году) и Кима Филби (сбежал в СССР в 1963 году) было ясно, что МИ-6 достаточно «пропитана» двойными агентами, работавшими на Советский Союз. В условиях тесного сотрудничества КГБ и МГБ это означало, что обо мне скоро узнают и на берлинской улице Норманненштрассе. Американцев у нас в свою очередь считали разгильдяями, работавшими спустя рукава. Они казались нам неосторожными, в случае опасности они якобы защищали только своих земляков и бросали в беде агентов из других стран.

Так после всех размышлений я снова вернулся к соплеменникам из-под Мюнхена, с которыми, как мне казалось, я лучше всего найду общий язык. (Последующие события показали мне, что я ошибался.) Некоторое время я носился с идеей использовать мою собственную агентурную сеть, скажем так, в других целях. В конце концов, я ежемесячно посылал нескольких завербованных мною граждан ГДР в «оперативную зону» - в ФРГ, чтобы встречаться там с западными агентами или контактировать с новыми интересными лицами. При этом мы, как правило, использовали настоящие загранпаспорта ГДР с фальшивыми именами или фальшивые западногерманские паспорта с вымышленными именами. Это было обычной рутинной работой и не контролировалось нашими начальниками. Подобному НС я мог бы легко вручить письмо для отправки его на Западе, придав этому делу вид служебного поручения. Но кому адресовать такое письмо? Какие-то государственные учреждения исключались сразу, это вызвало бы подозрения. Но я мог бы написать любое имя, например, Лизхен Мюллер, скомбинировав его с адресом

Федерального ведомства по охране конституции в Кёльне. Мой агент из ГДР вряд ли догадался бы, что это за адрес. Сотрудник отдела приема корреспонденции в ведомстве по охране конституции, хоть и не нашел бы госпожу Лизхен Мюллер в списке сотрудников, но скорее всего сообщил бы о письме своему начальнику. А затем письмо после обычной канцелярской волокиты попало бы прямо в Пуллах. Мне казалось, что я нашел колумбово яйцо, и начал готовить соответствующий текст, который на этот раз не стал зашифровывать так сложно. Но потом произошло нечто неожиданное. На еженедельном собрании реферата мы получили подробные инструкции, кто, когда и какие маршруты и местности должен избегать в будущем. «Крот» в Штази достал для нас секретный западногерманский список разыскиваемых лиц, и в ГДР теперь знали, кого ищут на Западе и в каких местах нужно опасаться тщательного контроля. Некоторые из НС попали в список разыскиваемых лиц совсем случайно, как например, мой прежний коллега Хартмут Гиттер, которому во время поездки в Западный Берлин нужно было как-то убить время и он потому обосновался в детской песочнице. Перепуганные западноберлинские мамы тут же позвонили в полицию, потому что приняли его за педофила. О таком явлении в то время в ГДР вообще никто не знал. Помимо прочего, в списках были, прежде всего, активно действовавшие в то время в ФРГ террористы, которыми, наряду с Федеральным ведомством уголовной полиции (БКА), занималось и ведомство по охране конституции. Я тут же догадался, что отдел IX Главного управления разведки, занимавшийся спецслужбами противника, скорее всего, располагает одним или несколькими источниками в ведомстве по охране конституции. Потому я решил отказаться от письма по этому адресу. Затем в различной литературе я принялся искать адрес, который мог быть связан с БНД, не вызывая при этом сразу подозрения, но не нашел ничего подходящего. Вообще мое доверие к этому варианту установления контакта сильно пошатнулось.

То, что мы называли оперативным режимом, то есть, комплекс политических, инфраструктурно-логистических и разведывательно-контрразведывательных условий в Федеративной республике, только осложняло мои планы. Славные годы открытой границы уже ушли в прошлое. Пожилые коллеги часто во время празднования дней рождений с ностальгическим сожалением рассказывали о прекрасных условиях работы в старые времена. Перед постройкой Стены можно было легко обучить ловкого молодого человека азам разведывательной работы и, купив ему билет на городскую электричку, просто отправить на Запад. «Беженцев из республики» было пруд пруди, и агенты ГУР среди них никак не выделялись. Даже если кто-то из переселившихся таким путем навсегда пропадал из виду на Западе, все равно достаточно было тех, кто давал о себе знать и даже делал потрясающую карьеру в качестве агента. Мои собственные НС «Шпербер» («Ястреб») в Париже и «Штурм» в Мюнхене, как и вся резидентура «Хартманн», управлявшая, как минимум, шестью хорошо размещенными источниками, среди прочего, в ядерном исследовательском центре в Карлсруэ и в Институте аэробиологии в Графшафте в Зауэрланде, были прекрасными примерами успешного использования такого метода. Но 13 августа 1961 года положило конец этому старому беззаботному варианту создания агентурных сетей. Теперь нужно было искать новые пути. Мои коллеги заполучили личные данные немцев, эмигрировавших в дальнее зарубежье или – еще лучше – умерших там. Потом в ГУР прекрасные мастера по изготовлению фальшивых документов создавали «двойника», который по всем данным совпадал с эмигрантом, и он вдруг «возвращался» в ФРГ из какой-то далекой страны. Казалось, философский камень снова найден. Но под влиянием студенческих волнений 1968 года в Западной Германии в начале 1970-х годов образовалась террористическая группировка «Фракция Красной армии» (РАФ), которая действовала очень конспиративно и использовала практически те же методы, что и ГУР. Органы контрразведки и правопорядка ФРГ, то есть, ведомства по охране конституции и полиция, получили новые

задачи и соответственно подготовились к их выполнению. Прошло не так много времени, и им удалось реконструировать внедрение террористов и агентов через их обратную связь с границей. В ходе так называемой операции «Обратная связь» одним махом были разоблачены десятки агентов МГБ. Электронная обработка баз данных тоже нашла себе применение в этой области, и так называемый «сетевой розыск» стал логическим ее продолжением. До этого времени наши НС отправлялись в командировки частично с фальшивыми западногерманскими паспортами и с западноберлинскими удостоверениями личности с вымышленными данными. Но после того как на Западе сравнили данные о регистрации жилья, счетах за воду и электричество, и первые посланцы ГУР были арестованы в местах их деятельности, этой практике пришел конец. С того времени за документами должна была стоять реальная основа, действительно существующий человек, что, разумеется, подразумевало риск того, что двойник мог столкнуться со всеми неприятностями реального лица и должен был прекрасно знать мельчайшие детали его биографии. Контрольные опросы становились все более целенаправленными и подробными. Я сам в этой связи отправлял моих восточногерманских НС из аэропорта Берлин-Шёнефельд сначала в Вену, Копенгаген или Хельсинки, чтобы они только после этого летели дальше в ФРГ, тогда контроль был не таким строгим. Но такими обходными путями пользовались и многие мои коллеги, что привело к тому, что на определенные рейсы образовывались действительно большие очереди, ведь, в конце концов, не все пассажиры, летевшие из Берлина в Вену, были агентами ГУР.

Летом 1975 года моей жене пообещали предоставить путевку в санаторий в Бад-Эльстере в саксонском Фогтланде. Наш брак к этому времени, как мне казалось, был в полном порядке, хотя я сравнительно редко бывал дома, что, конечно, сердило мою жену, и время от времени приводило к конфликтам. Но такая ситуация была в большинстве семей в нашем многоэтажном «чекистском» доме, у других жен тоже была схожая судьба. По вечерам я редко приходил домой раньше семи часов вечера, и выходные тоже часто становились жертвами служебной необходимости. Сразу после ее отъезда я стал владельцем новенькой «Шкоды», на которую сменил мой старенький «Трабант». («Трабант» я продал за половину цены одному нетерпеливому человеку, не желавшему ждать десять лет в очереди на получение автомобиля.) В качестве служебной машины у меня был «Вартбург», которым я тоже время от времени пользовался в личных целях, но своя машина – это ведь своя машина, а в ГДР она особо ценилась. Чтобы сделать своей жене сюрприз, я отвез нашу дочку к родственникам и отправился в Бад-Эльстер. И там я не на шутку удивился, увидев мою половину, прогуливавшуюся рука об руку с каким-то мужчиной. Сначала меня это шокировало, но, с другой стороны, как я подумал, в этом не было ничего по-настоящему катастрофического. Я решил не показываться ей на глаза и поехать дальше, умолчав пока об увиденном. Разведчиков учат собирать информацию и ждать момента, когда ее можно будет использовать с наибольшей эффективностью. Кроме того, я всегда считал, что лояльность – это не улица с односторонним движением, и у меня тоже уже были интрижки на стороне. Но этот случай спонтанно породил в моей голове новую идею: а если попробовать завязать контакт с Западом через женщину?

За прошедшие месяцы я проигрывал в уме разные сценарии, но все безуспешно. Среди них были и письмо через Венгрию на домашний адрес президента БНД с применением самодельных симпатических чернил, и использование дядюшки моей жены, венгра, не любившего коммунизм и иногда выезжавшего на Запад, и попытка завязать беседу с кем-то из американских солдат, которые по условиям статуса города Берлина могли свободно перемещаться между его секторами. Но у всех этих идей был один недостаток. Если мое письмо и попадет по правильному адресу, как я смогу получить ответ, если с самого начала не сообщу им свои личные данные?

Во время одной из моих поездок на поезде в южные районные центры ГДР я оказался в одном двухместном купе с католическим священником. Мне взбрело в голову попросить его о возможном посредничестве. Я задел в разговоре с ним несколько политических тем, но священник не стал поддерживать разговор. Я решился на стремительную атаку и сходу придумал волнующую семейную историю о том, какую трагическую роль сыграла в ней Берлинская Стена, после чего перешел к вопросу, не сможет ли церковь помочь мне с установлением контакта. Мужчина долго и пристально смотрел на меня и ответил, что ему очень жаль, но церковь не может вмешиваться в политику и вызывать тем самым раздражение властей. Когда я позднее – конечно, с другим антуражем, рассказал об этой беседе в Отделе XX окружного управления МГБ в Дрездене, там не на шутку удивились позиции священника. У них там наверняка был другой опыт общения с церковью и некоторые очень хорошие контакты с католическими священниками. После моих дополнительных расспросов я узнал, что далеко не все становились помощниками МГБ совершенно добровольно. Рука священника под рубашкой причетника, или рука причетника под сутаной клирика наверняка в том или ином случае являлись «элементом убеждения».

После того, как все эти попытки ни к чему не привели, я начал искать контакт с подходящей женщиной, которая так же не испытывала бы симпатий к государству Хонеккера, как и я, и располагала бы при этом родственными связями на Западе. Для нас в МГБ любые родственные контакты в западном направлении были строжайше запрещены.

Как почти повсюду в мире, у славных мужей в ГДР тоже были любовницы (обычно на работе), а у их верных жен – друзья для определенных часов. Нехватка других приключений и возможностей развеяться, состояние «запертости» в маленьком восточном мире сделали супружеские измены чем-то вроде национального спорта. Свобода в сфере смены партнеров не только требовалась, но и часто предоставлялась. По крайней мере, в этой области люди хотели и могли быть свободными. Только сотрудникам МГБ нельзя было заниматься этим любимым национальным спортом всей ГДР. Они должны были оставаться образцами высокой морали. Если о подобных делишках сотрудников низшего звена становилось известно начальству, это, как правило, грозило им партийным взысканием и переводом на малоинтересную работу, вроде наружного наблюдения или почтового контроля. На верхних этажах такие факты старались скрывать, или же приходилось – если скрывать больше не получалось – вносить полную ясность во взаимоотношения. Маркус Вольф, например, официально развелся со своей первой женой Эмми Штенцель и вскоре представил свою супругу номер два, которую даже брал с собой в служебные командировки (об этом позже). В восьмидесятых годах за ней последовала и жена номер три, что, скорее всего, послужило одной из причин его ухода с поста заместителя Мильке в 1986 году.

Во время моих регулярных командировок в окружные центры ГДР, где у меня за это время уже была создана агентурная сеть из примерно сорока верных государству и партии товарищей, информировавших меня о состоянии и требованиях предприятий и использовавшихся в роли курьеров, я почти всегда останавливался в гостиницах сети «Интеротель». Товарищи из местных управлений бронировали для меня в них номера. В ходе этих поездок я также узнал, что номера с постоянно установленными микрофонами и скрытыми камерами располагаются всегда на одном определенном этаже. В Хемнице, тогда еще Карл-Маркс-Штадте, Дрездене, Галле, Ростоке, Лейпциге, Зуле и Магдебурге я знал, на каком именно этаже есть такие подготовленные номера. Для моих встреч с агентами с Запада я всегда просил забронировать такие «нафаршированные» номера, чтобы не записывать ход нашего разговора, и не пытаться натушно запоминать всё сказанное, а придать нашей встрече вид непринужденной беседы. Так я за несколько

месяцев изучил состояние дел на месте и в случае частных встреч старался найти себе номер на каком-то другом этаже.

В каждом «Интеротеле» был ночной бар с танцевальным залом, задуманный не только для командировочных из высшей касты, но и для исполнения особой функции.

Привлекательные дочери страны, готовые предоставить свои тело и душу ради дела социализма, искали там встреч с интересными западными иностранцами, чтобы, если возможно, втянуть их в конспиративные сети. Для этого им предоставлялись специально оснащенные «жучками» и скрытыми камерами помещения. Шантаж в качестве основы вербовки рассматривается всеми секретными службами мира как несколько грязный, но общепринятый и полезный инструмент. МГБ в этом плане не представляло исключения и систематически использовало в своих целях мужские слабости. Для этого у них были в достаточном количестве и свои «Ромео», и свои «Джульетты».

Маркус Вольф в своих мемуарах упоминал, что он сам «курировал» трех дам такого рода в качестве НС.

Потому мне приходилось быть осторожным, подыскивая во время командировок женщину, которую я мог бы посвятить в свои планы. «Ласточек» («swallows» – знающие английский язык легко распознают этимологию этого ласкательного прозвища) мне не стоило опасаться. Их интересовали господа с Изара и Рейна, а не с Заале и Шпрее. С другими жаждущими удовольствий дамами всё обстояло сложнее. Здесь я имел дело то с женой крановщика, скучавшей во время ночной смены ее супруга, то с одинокими солдатскими женами или студентками, у которых хоть и были постоянные партнеры, но они хотели подзаработать денег к своей маленькой стипендии. Кроме того, красивая одежда была только в государственных магазинах «Эксквизит», а там все было безумно дорогим.

В ходе моих поисков я выловил кое-какую рыбку, но истинного улова, удовлетворявшего моим целям, так и не получилось. Лишь один раз я столкнулся со студенткой-германисткой, у которой был брат на Западе. Он, судя по ее описанию, мог бы подойти для установления желаемого мною контакта с БНД. Она была умной, критически настроенной к ГДР и с тягой к приключениям. У меня родился план завербовать ее как НС и через какое-то время после перепроверки отправить ее в качестве так называемого «выездного кадра» на Запад. Там она могла бы помогать мне в роли моего тайного партнера. Но этот план не удался по чисто личной причине: хоть я и сказал ей, что женат, но скрыл от нее существование дочери. Когда я, наконец, ей открылся, она отдалилась от меня: она не хотела бы лишать ребенка отца. Кроме того, она не знала, что еще я от нее скрывал и каковы мои настоящие намерения. Последовало прощание. Как я уже сказал, она была действительно умной.

СБЛИЖЕНИЕ С ЗАДНЕЙ МЫСЛЮ

Примерно в 1975 году мой коллега майор Вернер Хенгст, бывший еще в мою бытность НС моим куратором, с которым я делил кабинет в это время, был переведен из реферата и с тех пор руководил так называемой рабочей группой 1 реферата. Ее заданием было растить кадры подрастающего поколения неофициальных сотрудников ГДР, которых потом планировали по мере надобности предоставлять в распоряжение оперативным сотрудникам. Я не считал эту идею удачной, так как всегда старался самостоятельно находить своих агентов, в конце концов, эта работа строится на личном доверии. Но я унаследовал от него контактное лицо с псевдонимом «Габи». Ее мать жила в ГДР, и дочь посещала ее, по меньшей мере, раз в год. «Габи» работала секретарем в Немецком

атомном форуме в Бонне, учреждении, к которому у нас был огромный оперативный интерес. Тот факт, что такое важное контактное лицо передали именно мне, означал, с одной стороны, скорее всего, признание моих успехов в работе, а с другой – сигнал, что моя карьера в МГБ в будущем пойдет вверх. Обычно таких очень интересных людей «курировала» политическая разведка под непосредственным надзором Маркуса Вольфа.

Кроме того, Вернер Хенгст выследил верного члена партии, располагавшего также необходимым космополитическим внешним видом, хорошими манерами и определенным шармом. Он завербовал его как НС специально для обработки «Габи» и соответствующим образом обучил его. Действительно, у «Эгона» были все данные вербовщика, то есть, человека, умеющего превращать нормальных людей в агентов. «Эгон» смело и мастерски провел несколько поездок на Запад, в том числе в Бонн, и был готов для оперативного использования. Его подвели к матери «Габи» и несколько раз он очень любезно встречался с ней. Случайно у пекаря или мясника они вступили в безобидную беседу, и «Эгон» вскользь проронил, что ему вскоре предстоит поездка в Кобленц по служебным делам. Мать, как и ожидалось, схватилась за это. У нее ведь дочь в Бонне, работающая там секретаршей. Может ли она передать с ним кое-что для нее, поинтересовалась она. Так как близилось Рождество, речь шла о бандероли с настоящим дрезденским «штолленом» - рождественским пирогом - и маленькими личными подарками, по поводу которых нельзя было быть уверенным, пройдут ли они таможенный контроль в ГДР. Таможня строго следила за тем, чтобы в посылках за рубеж не было дефицитных в ГДР товаров, потому существовали длинные списки запрещенных к вывозу предметов, с разной степенью строгости. (Однажды такой рождественский «штоллен» был возвращен отправителям в ГДР, так как он был завернут во влажное кухонное полотенце – для лучшего сохранения свежести пирога при длительном сроке доставки, а это полотенце нарушало запрет на вывоз домашнего текстиля.)

Мать «Габи» сообщила письмом дочери о визите «Эгона». Все шло как по маслу. Посещение дочери в Бонне было полным успехом. Посылку с подарками она приняла с радостью, а затем они вместе выпили еще по бокалу вина. «Габи», как и многие другие секретарши в Федеральных министерствах, которым часто приходилось работать до поздней ночи, была не замужем и порой на самом деле чувствовала себя одинокой. Они расстались, пообещав друг другу встретиться еще раз по ту или по эту сторону.

«Эгон» принес еще одну небезынтересную информацию. «Габи» была восторженным членом летного клуба в Хангелааре около Бонна. Однако у нее отсутствовали средства, чтобы принимать в работе клуба более активное участие. Последовали новые встречи, как в ГДР во время посещений ею матери, так и близ Бонна, куда «Эгону» теперь чаще приходилось ездить по служебным делам. Так развивалась эта история до момента, когда Вернер Хенгст передал мне ее дело. Он сделал это со вздохом сожаления, так как уже выполнил действительно большую подготовительную работу и должен был теперь наблюдать, как другой, возможно, соберет плоды его трудов. - Если ты успешно завершишь это дело, тебе больше не придется беспокоиться по поводу своей карьеры, - объяснил он мне. - Однако никогда не упускай из виду, что «Габи», вероятно, может сознаться ведомству по охране конституции. Конкретных признаков этого пока нет, но после того, как несколько секретарш были разоблачены в Бонне за последнее время, там господствует определенная паранойя, и неизвестно еще, как она будет вести себя при дальнейшем продолжении контактов.

Это прозвучало увлекательно и соблазнительно. Как раз то, что мне нужно. Кроме того, вероятно, мне тут представлялся шанс, наконец, через посредника сблизиться с другой стороной.

Если «Габи» уже открылась контрразведке, значит, сейчас ее, как говорится, отпустили на длинном поводке, и другая сторона сознательно разрешила ей установить контакт с нами. Если этого еще не произошло, тогда я, вероятно, смог бы управлять ею таким образом, чтобы она действительно так поступила. Я усердно принялся за работу. С «Эгоном» я еще раз проштудировал весь процесс развития этого дела до самой последней детали, а затем начал с планирования. В центре моих соображений была не совсем простая, но зато логичная стратегия. Если мне не удавалось приблизиться, так сказать, через мои связи к западной службе контрразведки, тогда мне следовало подвинуть другую сторону так, чтобы она приблизилась ко мне. Они ведь не могли не заинтересоваться возможностью заполучить «крота» в МГБ. Однако в любом случае я должен был непосредственно вступить в контакт с «Габи».

Я смог убедить моего начальника подполковника Кристиана Штройбеля в том, что процесс разработки с использованием «Эгона» застрял на мертвой точке, и, вероятно, не продвинется дальше правильно, потому что «Эгон» влюбился в «Габи». Это не соответствовало действительности, но зато объясняло, почему мне необходимо было включиться в разработку. Кристиан был недоверчив по натуре, но еще более он был помешан на успехе. Вербовка секретарши на одном из наших основных разрабатываемых объектов в Бонне дала бы сильный толчок для его карьеры, а это подняло бы его престиж в иерархии разведки. Он согласился с моим наглым требованием, я соответственно проинструктировал «Эгона». Во время следующей поездки «Габи» к ее матери за ужином на двоих он завел речь об известном ему сотруднике Министерства науки и техники ГДР, который охотно пообщался бы с нею. «Габи» возразила, что не может себе представить, какой с этого мог бы быть толк, но потом все же, наконец, согласилась. На следующий день, как раз было чудесное бабье лето, я встретился с нею в кафе в маленьком городке, где жила ее мать, и пригласил на маленькую прогулку, чтобы показать ей красоты ландшафта. Для этого я получил в министерстве «Фиат-Мирафиори» почти с иголки, который я посчитал лучше подходящим к моей роли чиновника Министерства науки научного министерства, чем грохочущий служебный «Вартбург». Мекленбургская озерная равнина показала себя в тот день во всей своей красе. Мы направились в идиллическую деревенскую гостиницу с рестораном, которую мне специально порекомендовали знакомые из окружного управления. Беседа во время поездки туда вертелась вокруг великолепной немецкой природы на востоке и на западе, причем мы в разговоре дошли также до красот долины Рейна, в особенности, если смотреть на нее с воздуха. Вместе с тем мы упомянули о захватывающей тяге полетов, которой «Габи» действительно, кажется, не могла противостоять. При этом я в то же время узнал, что членами летного клуба в Хангелааре были многие действительно важные люди из сферы боннской политики.

Деревенская гостиница с ее рестораном действительно оказалась замечательным советом. Обслуживание было исключительно приветливым, сам владелец предлагал замечательную форель из собственного садка, и в прекрасном белом вине из Румынии не было недостатка. Я рассказал о нескольких веселых событиях из жизни научного мира и пытался произвести как можно лучшее впечатление на «Габи». Только когда нам подали пудинг с ванильным соусом, и я уже держал в руке маленькую ложечку, я снова положил ее, и взял быка за рога: - «Габи», я хочу быть с вами честным. Я сижу здесь не случайно, я долго готовился к этому дню. Я могу себе представить, что у вас есть допуск к таким делам и сведениям, которые нас интересуют, и я полагаю, что в качестве компенсации за это могу сделать для вас кое-что хорошее.

Ее реакция была неплохой. А именно, она совсем ничего не сказала, но только вопросительно посмотрела на меня. Итак, дальше была моя очередь. – Конечно, то, что я вам предлагаю, не совсем безопасно, но с надлежащей осторожностью и соответствующим поведением риск незначителен и поддается контролю. Разумеется, бывают и неприятные случаи, но полет на самолете, вероятно, более опасен. Я не хочу, чтобы вы принимали решение прямо здесь и сейчас. Вы же еще несколько дней пробудете здесь. Я предлагаю, чтобы мы еще раз встретились перед вашим отъездом, и вы тогда дадите ответ. Если он будет отрицательным, то я, само собой разумеется, приму его, и у вас тоже не будет проблем при будущих поездках к вашей матери.

Так мы оставили эту тему и снова перешли к приятной болтовне. Никаких дополнительных вопросов, ничего. Через несколько дней мы снова встретились в кафе. «Габи» сообщила: - Я посмотрю, смогу ли я сделать кое-что для вас. Но в любом случае мне хотелось бы, чтобы господин «Эгон» впредь полагал, что я отказалась от предложения, если он о нем знает. Мне тоже необязательно встречаться с ним.

Я дал ей один условный адрес в Восточном Берлине, на который она могла бы сообщить о возможном прибытии на вокзал Фридрихштрассе, если ей доведется прилететь в Западный Берлин на самолете. Потом я пожелал ей хорошей поездки назад на Рейн. Она вдруг внезапно заторопилась домой.

Возвращаясь в Берлин, я подвел баланс: без сомнения «Габи» знала, с кем имела дело. Она не выказала удивления, не задавала никаких вопросов. Никаких признаков наивности. Ее ответ на основной вопрос тоже был профессиональным: «Я посмотрю, смогу ли я сделать кое-что для вас». Такой ответ оставлял все открытым, не был ни четким «да», ни четким «нет». Я видел в нем скорее приветливое «может быть». Можно было почти предположить, что она хотела согласовать свои дальнейшие действия с кем-то еще.

В моем докладе Кристиану Штройбелю я только немного изменил ее высказывание: «Я посмотрю, что я смогу сделать для вас». В таком виде, как-никак, оно сразу звучало гораздо перспективнее. Тут же мой шеф побежал к руководителю Сектора науки и техники (СНТ), полковнику Хорсту Фогелю, чтобы доложить ему. Примерно через две недели на условный адрес пришло письмо с лежащей внутри открыткой: «Дорогая мама, буду по служебным делам в Берлине. Мы могли бы встречаться в ... в «Кафе Оперы»..» В адресе отправителя на конверте не было ни имени «Габи», ни ее адреса и сам он был написан очень правильными печатными буквами. Это просто явственно пахло профессионализмом. В указанный день я уже примерно за три часа до оговоренного срока встречи стоял в особом месте недалеко от вокзала Фридрихштрассе, откуда хорошо мог узнавать и не упускать из виду въезжающих с однодневной визой западных немцев. Мне бросилось в глаза, что среди прибывающих было довольно много одиноких мужчин в возрасте от 25 до 40 лет. Многие из них, пожалуй, стремились познакомиться с молодой гражданкой ГДР с целью эротических наслаждений, или подыскать такую в одном из подходящих ночных баров, подумалось мне. Они, очевидно, не предвидели, что их там ожидали с нетерпением среди прочих также и служительницы любви из ведомства Маркуса Вольфа. Многие удачные вербовки агентов на Западе начинались именно так, мне это было известно. У нас делали ставку на естественный талант у дам, друзья из КГБ занимались этим намного профессиональнее. Там существовали настоящие учебные курсы для молодых, спортивных мужчин, прозванных «воронами», и красивых ловких девушек, называвшихся «ласточками».

Где-то спустя час наблюдения с посторонними мыслями в голове я обнаружил «Габи». Она, как видно, въезжала за два часа до указанного ею срока. Через отдел VI Главного

управления разведки я организовал дело так, чтобы ее багаж не проверяли. Она должна была чувствовать себя расслабленно и прибыть на встречу с неомраченным настроением. Как мне бросилось в глаза, «Габи» вела себя удивительно спокойно и незаметно. Я следовал за ней на некотором удалении. Прежде всего, меня интересовало, была ли она со своей стороны под наблюдением. Однако этого, кажется, не было. Если она действительно работала на другую сторону, ее могли ожидать также и в «Кафе Оперы». Потому я поспешил туда. Так как был солнечный осенний день, между Дворцом Кронпринца, Университетом Гумбольдта, Маршталем и мемориалом Нойе Вахе было полно туристов, они фотографировали всё что видели. Потому я никак не мог узнать, следит ли там кто-либо за нами. «Габи» появилась на месте встречи точно в назначенное время. Она непринужденно приветствовала меня. На мой вопрос, не проголодалась ли она, она ответила отрицательно, поэтому мы сразу пошли к моей машине, которую я запарковал за Собором Св. Ядвиги. Насколько я мог заметить, никто не следовал за нами. Я забронировал на этот день конспиративную квартиру нашего реферата, которая была сравнительно хорошо обставлена. У «Габи» была довольно большая сумка через плечо, на которую я снова и снова бросал любопытные взгляды. После обыкновенных вежливых фраз о поездке, погоде и летном клубе в Хангелааре она за чашкой кофе открыла свою сумку и вынула из нее довольно большую пачку отпечатанных листов. – Это то, что могло бы вас заинтересовать? Мне даже не требовалось внимательно рассматривать документы. Это были отчеты IBM, которые мне уже были известны от моего другого источника «Штурма». Не углубляясь в рассмотрение материала, я заметил: - Несомненно, в частности, если речь идет об операционной системе OS/VS2.

«Габи» заметила, что я был знаком с вопросом. По моему опыту, теперь не следовало долго болтать: я положил две тысячи западногерманских марок на стол и спросил об ее расходах на поездку, на сумму которых я еще увеличил ее гонорар. Я, кажется, достаточно верно определил сумму. Она была не слишком малой, чтобы вызвать недовольство, но также и не слишком большой, чтобы не создавать завышенных ожиданий на будущее. Я вынул квитанционную книжку и попросил ее подтвердить получение денег, естественно, ее собственным почерком, а не печатными буквами. Она согласилась также с моим несколько бесцеремонным требованием подписаться псевдонимом, а именно, как «Габи». От кого она получила деньги, осталось открытым. Если нужно, мы всегда могли бы вписать в расписку МГБ. Тем самым налицо имелся бы состав преступления – передача информации разведке иностранного государства, а это давало бы возможность шантажа. Но как раз это не было моим намерением. Затем мы обсудили тему обеспечения безопасности и методов связи. «Габи» продемонстрировала живой ум. Во время следующих визитов она должна была при въезде в Восточный Берлин класть материал, к которому у нее был, по-видимому, легкий доступ, в камеру хранения вокзала Фридрихштрассе. Мы бы забирали его оттуда сами. Она не задавала вопросы о точном функционировании «лазейки для багажа» и казалась не особенно любопытной и в остальном. На первой настоящей агентурной встрече я и сам не хотел предъявлять чрезмерные требования. Я не спрашивал ее, к чему еще у нее есть доступ, какие отношения и какой режим в ее министерстве, как зовут ее шефа и так далее. Вместо этого мы пошли в кафе «Москва» на Карл-Маркс-Аллее, где было самое лучшее мороженое. Прощаясь, мы еще раз оговорили срок нашей следующей встречи. Все прошло на удивление легко.

Таким образом происходили и наши следующие встречи. Всегда это протекало по одной схеме: «Габи» поставляла материал, а я платил. Я разъяснил моему начальнику Кристиану Штройбелю, что она поставила условие поддерживать контакт только со мной. В этой связи я не мог использовать никого другого.

Следующей весной «Габи» снова захотела, как обычно, посетить свою мать в ГДР. Мы условились, что она выйдет в Магдебурге из поезда межзонального сообщения и останется там в отеле на ночь. Потом на следующий день я отвез бы ее к матери. Таким путем я мог проверить возможное наблюдение за ней другой стороны, и у нас было бы достаточно времени, чтобы поговорить обо всем. Но при этом она поразила меня новостью, что сменила место работы и теперь трудится в близком к СДПГ Фонде Фридриха Эберта. Я очень испугался, так как тем самым она выходила из круга моей компетенции, еще до того как я установил с ней по-настоящему доверительные отношения, с помощью которых я мог бы в будущем установить контакт с западной стороной. Но она попробовала меня успокоить, говоря, что там у нее тоже есть доступ к интересным материалам. Как доказательство она снова вынула из сумки новые сообщения IBM. Затем мы посетили еще гостиничный ресторан и после этого ночной бар. После нескольких коктейлей настроение стало достаточно расслабленным, но «Габи» быстро дала понять, что какие-либо эротические дела в ее повестке дня не значились. Это был, тем не менее, очень симпатичный вечер, взаимная симпатия не вызывала сомнений. Высшей точкой доверия было то, что она предложила мне перейти на «ты».

На следующий день в машине последовал новый сюрприз с ее стороны. Она заявила, что частые поездки в ГДР не приветствуются ее новым работодателем. Ее об этом надлежащим образом уже предупредили. Это замечание усилило мое впечатление, что ею управляли извне. Также и мнимая или настоящая смена места работы указывала в этом направлении, так как раньше она никогда не упоминала, что ей больше не нравится работа секретаря в министерстве, и она ищет новую работу. Противоположной стороне, очевидно, было жаль снабжать нас ценной информацией, не получая ничего осязательного взамен. Теперь я тем более хотел поддерживать с нею контакт, так как это давало мне реальный шанс выйти через нее на связь с западной спецслужбой. Итак, я предложил ей в будущем встречаться с большими интервалами в других странах, например, в Австрии или Югославии. За это время я как раз удачно провел в ходе моей первой операции в Югославии проверку наших агентов, выезжающих на Запад, и считал, что получу и соответствующие новые разрешения. Так как «Габи» и без того хотела через несколько недель поехать в Штирию ради горного туризма, я предложил ей оттуда на короткое время приехать в Любляну. В принципе, у нее не было возражений. Чтобы я смог сначала получить одобрение этого плана у меня в бюро, я попросил ее о второй встрече во время ее пребывания у матери.

Мой руководитель сектора полковник Хорст Фогель не считал смену места работы «Габи» столь проблематичной, а мыслил, пожалуй, прежде всего, с точки зрения карьеры: теперь там у нас как раз есть важная позиция в политическом Бонне, благодаря этому мы будем еще лучше выглядеть с точки зрения вышестоящих товарищей. Он быстро принял решение и дал мне зеленый свет на встречу в Любляне. Я не мог сам себе поверить, настолько легко все шло. Уже на следующий день я встретился с «Габи» в городке ее матери. Мы оговорили время и место встречи: отель «Слон» в Любляне. Если что-то изменится, она должна будет сообщить об этом на известный ей условный адрес в Восточном Берлине.

Я обдумывал: если «Габи» действительно управляла противоположная сторона, кто-то от них должен был появиться в Югославии, а если нет, то следующая встреча произошла бы как раз в Австрии, и тогда я смог бы действовать активно по собственной инициативе. Я предложил бы Зальцбург, так как он находится недалеко до Мюнхена, и тогда я смог бы лично постучать в двери БНД. Наконец, кажется, передо мной открывался реально прямой путь к цели.

К договоренному сроку я прилетел в Загреб и в первую очередь насладился там прекрасной едой, понравившейся мне со времен моего последнего посещения: поросенком на вертеле с конскими бобами. На следующий день я отправился на поезде вдоль живописной долины реки Савы в Любляну и поселился в «Слоне», богатом традициями пятизвездочном отеле. Я был в напряжении, но при этом настроение мое было приподнятым. Во второй половине дня я позволил себе отправиться в автобусную экскурсию в Камник у подножья Альп. После двухчасового марша я стоял перед моим первым «двухтысячником». Почему же Хонеккер и компания так хотели скрывать это от граждан ГДР? По какому праву господа-товарищи лишали, собственно, нас права на это? Так как я теперь уже наслаждался привилегией быть «снаружи», я запланировал отдых по полной программе и на следующий день нашел еще время для второй туристической поездки, а именно в Копер на побережье Адриатики. Единственный портовый город Словении излучал неповторимый шарм. Но еще больше меня интересовала непосредственная его близость к Триесту, и тем самым – к Италии. Я гулял примерно в пяти километрах от пограничного перехода и с огромным удивлением отметил, что тут не было ни стены, ни проволочных заграждений. В стороне от контрольно-пропускного пункта стояли только несколько щитков, которые указывали на линию границы. Я оторопел: отсюда больше не было никаких препятствий в сторону запада. Теперь я понял, почему граждане ГДР не могли путешествовать в эту социалистическую братскую страну. Вдруг у меня снова возник вопрос, не сделать ли мне прямо сейчас решающий шаг и просто уйти. Многие другие на моем месте с удовольствием бы поступили так. Это устранило бы всякий риск для меня, стало бы шагом в безопасное будущее. С уже накопившимися у меня знаниями о внутренней жизни Министерства госбезопасности БНД наверняка приняла бы меня с радостью. Но это казалось мне слишком простым, слишком примитивным, слишком скучным. Мне больше хотелось быть работающим на две стороны агентом, испытывать особенное возбуждение этого рискованного существования, проверить себя и доказать свои способности. Кроме того, у меня была еще семья в Восточном Берлине. Я повернул назад и вернулся в Любляну.

На следующий день я ждал «Габи» в вестибюле гостиницы. При планировании встречи я отказался от обычной процедуры с предварительной явкой, проверками на маршруте, сигналами об отсутствии наблюдения, что многие из моих коллег рассматривали как догму. Такая процедура предусматривала сначала визуальный контакт в точно определенное время в определенном месте, потом следовали проверочные мероприятия на случай слежки со стороны противника на специальном проверочном маршруте. После этого только, не раньше чем через один час, должна была состояться основная встреча. По моему представлению, однако, именно в этом процессе крылась также опасность слишком заметного для наружного наблюдения поведения. Почему бы просто не сесть за столик в пивной с садом или в ресторане быстрого питания, а партнер по встрече как бы случайно подсядет рядом? Или договориться о поездке в метро, войти по очереди в один и тот же вагон на двух разных станциях и потом усестись рядом. Это казалось мне намного естественней. Итак, я ждал в холле, часы проходили, а «Габи» все не появлялась. Не было и звонка в регистрационное бюро гостиницы, о котором мы договаривались на случай возникновения неожиданного объективного препятствия. Ничего. Мое настроение упало до точки абсолютного нуля. Я уже был полон иллюзий, что другая сторона сделает решающий шаг, и полагал, что нахожусь недалеко от цели. Но, как и в случае моей прежней попытки контакта, эта тщательно продуманная мною попытка тоже закончилась в тупике. Многомесячная подготовка оказалась напрасной. Я был на грани отчаяния и обдумывал в панике, не пойти ли мне еще перед моим вылетом, запланированным на следующий день, в консульство ФРГ в Загребе, чтобы оттуда установить контакт с Федеральной разведывательной службой. Но тогда было бы слишком много нежелательных посвященных и соучастников. Я решил не делать этого.

В Берлине мне пришлось признать свою неудачу в ходе официально запланированного укрепления контактов с источником в Бонне и потому дать заявку на проверку в будущем всей переписки между «Габи» и ее матерью. Но во всех открытых письмах не было обнаружено никакого скрытого намека, не стало известно и о новых планах поездок «Габи». Ничего. В конце концов, я сам захотел внести ясность и лично отправился к ее матери. «Габи» ранее представила меня своей матери как господина «Шиллинга», с которым у нее была пара дружеских встреч, и который очень заинтересовался ею лично. Поэтому мать без особых проблем дала мне адрес «Габи» и попросила меня спокойно почаще писать ей. В своем последующем письме дочери она тоже сообщила о визите к ней господина «Шиллинга». Я едва мог дожждаться ответного письма. Наконец, служба почтового контроля МГБ, отдел М, прислал копию ее ответа. «Габи» писала, что господин Шиллинг может спокойно писать ей сам, он ведь знает, что она не замужем. Во время следующего посещения она с удовольствием встретится с ним. Но это, скорее всего, произойдет нескоро, потому что на новом месте у нее очень много работы и в ближайшее время на отпуск она не может рассчитывать. Но так как господин Шиллинг, судя по его рассказам, время от времени ездит в служебные командировки в Федеративную республику, он мог бы сам приехать к ней. Она очень охотно увидится с ним, даже если он не совсем похож на мужчину ее мечты.

Я понял, что это значило. Другая сторона хотела выманить меня на свою территорию, чтобы там, вероятно, арестовать или каким-то образом шантажировать. Мой шеф Кристиан Штройбель тоже почуял, что пахло жареным. Он был настоящим профессионалом и с самого начала учитывал возможность того, что за всем этим делом могла стоять вражеская спецслужба. Потому он приказал дожждаться следующего приезда «Габи» в ГДР, а пока на первое время приостановить контакты. Прошел целый год, пока «Габи» в письме матери не упомянула о своей будущей поездке в ГДР. Но, тем не менее, к указанному в письме сроку она так и не приехала, а переносила встречу раз за разом. За это время мать вышла на пенсию и сама уже неоднократно ездила к дочери на Рейн. Мне пришлось окончательно похоронить свои планы сближения с другой стороной через посредство «Габи».

После моего перехода в Федеративную республику мои предположения подтвердились. «Габи» за время наших контактов испугалась, опасаясь того, что ее отношения с матерью окажутся под угрозой, если она продолжит иметь с нами дело. Как подтвердил мне господин Шорегге из ведомства по охране конституции в Кёльне, господа из тамошней контрразведывательной службы поставили на то, что я соглашусь вступить с «Габи» в контакт на западной территории. Тогда на своей земле, где они чувствовали себя уверенно, западногерманские контрразведчики увидели бы, кто я такой, что я делаю, и в чем собственно суть всего этого дела. В конце концов, это было недоразумением между двумя секретными службами. А ведь как великолепно всё могло бы быть: «Габи» официально была бы неофициальным сотрудником МГБ, но на самом деле курьером между БНД и мной. Какая чудесная двойная игра!

Но и контрразведка госбезопасности очевидно тоже о чем-то знала. Уже через три дня после моего ухода на Запад, когда в Штази собирали и анализировали всю информацию обо мне и моей работе, контрразведка раскрыла, что ей было известно о контактах «Габи» с западногерманскими органами контрразведки. Такие сведения они могли получить только от внутреннего источника в Федеральном ведомстве по охране конституции. Причем этим «кротом» никак не могли быть позднейшие перебежчики Клаус Курон и Гансйоахим Тидге, потому что они, как известно, начали сотрудничать с ГУР лишь в 1981 и 1985 году соответственно.

НОВАЯ ПОПЫТКА: «ДИАНА»

В мои служебные обязанности в Министерстве государственной безопасности входила вербовка «неофициальных сотрудников» (НС) в ГДР, которых можно было использовать в качестве посредников для контактов с нашими западными агентами. Для этого мои НС, их было уже около сорока, получили приказ идентифицировать подходящих для разведывательной работы людей, оценивать их и сообщать о них мне. Я работал по принципу, чем больше сеть и чем меньше у нее ячейки, тем больше рыбы в нее попадет. На меня работали несколько профессоров, как из университетов, так и из Академии Наук, которые обычно по служебным делам ездили на Запад и располагали там соответствующими контактами, а также ученые из подрастающего поколения, надеявшиеся таким путем ускорить свою карьеру. Наряду с ними существовали еще сотрудники в области связи, которых при необходимости отправляли на Запад как курьеров и инструкторов. Особенный интерес вызывали студенты, которых можно было подготовить как кандидатов на переселение. От них ожидали, что они однажды устроятся на работу на каком-то из «обрабатываемых» нами объектов на Западе. Наш реферат отвечал, в частности, за ядерный научно-исследовательский центр в Карлсруэ, исследовательскую ядерную установку в Юлихе, фирму «Интератом» в Бенсберге, военно-промышленный концерн «Мессершмитт-Бёльков-Блом» (МББ) в Мюнхене и технологическое предприятие «Хераус» в Ханау.

Но так как со времен «сетевого розыска» становилось все трудней устраивать граждан ГДР на Западе с документами «двойника», не вызывая подозрений, необходимо было искать новые способы работы. К таковым относилось привлечение к сотрудничеству с нами западногерманских граждан, уже работавших в соответствующих фирмах или научно-исследовательских учреждениях. По идеологическим соображениям вряд ли хоть один из них согласился бы на нас работать, потому нужно было либо платить им много денег, либо шантажировать, либо использовать оружие любви. Для последнего варианта у нас были наши «Ромео», соблазнявшие дам, находящихся на должностях, где у них был доступ к нужным знаниям. После моего ухода на Запад некоторых из них разоблачили. Среди работающих на восточногерманскую разведку женщин были, в частности, Ингрид Гарбе, псевдоним «Ирис», секретарь руководителя Политического отделения посольства ФРГ в Брюсселе, Урсула Хёфс, псевдоним «Уте», секретарь федерального бюро партии ХДС, Инге Голиат, псевдоним «Херта», секретарь депутата Бундестага доктора Вернера Маркса (ХДС), Кристель Брошай, псевдоним «Кристель», старший секретарь заместителя федерального председателя ХДС профессора Курта Биденкопфа, а также Хельга Рёдигер, псевдоним «Ханнелоре», секретарь в Федеральном министерстве финансов. При переходе на Запад я прихватил с собой кое-какой материал о резиденте, «курировавшем» «Ханнелоре», из-за чего она в марте 1979 года вернулась назад в ГДР.

Впрочем, ловушки «Ромео» были разгаданы западной контрразведкой еще раньше, поэтому там были введены специальные перепроверки для секретарш на ответственных должностях, если им приходилось работать с конфиденциальными и секретными документами.

В связи с этим у меня родилась идея, обернуть копьё острием в противоположную сторону и просто послать на Запад не «Ромео», а «Джюльетту», которая смогла бы очаровать мужчину с доступом к секретным материалам.

По моей оценке, женщины, во всяком случае, лучше подходят для разведывательной работы, чем мужчины. У них лучшая наблюдательность, особое внимание к деталям, они восприимчивее и умеют лучше поставить себя на место другого человека.

Мою первую «Джульетту» звали Кристиной, псевдоним «Диана», она была студенткой стоматологии в Берлине. Мне порекомендовал Кристину, или, как говорят на шпионском жаргоне, «навел на нее», один из моих НС. Я достал для себя ее фотографию с удостоверения личности, и она меня сразу же покорила. Кристина была членом СЕПГ, хотя без особых карьеристских замашек, и при этом очень хорошей студенткой. После того, как я основательно ее проверил и навел все возможные справки, я познакомился с ней - и был пленен ею еще сильнее. У нее была прекрасная фигура, она была красноречивой, с чувством юмора, и, похоже, вовсе не была против при необходимости помочь МГБ. С усердием я взялся за работу и добился ее согласия на сотрудничество. Затем она прошла обыкновенные этапы обучения, такие, как поиск и установление людей и объектов, наблюдение, установление контактов, обнаружение и уход от наружного наблюдения, закладку тайников и т. д. При этом она оказалась ловкой, общительной и всегда деловой. Можно было подумать, что она рождена для разведывательной работы. Я даже представлял себе, что буду подводить ее к интересующему меня лицу «под чужим флагом», то есть так, чтобы она выступала перед ним не как агент ГДР, а напротив как сотрудница западной разведки.

Однако, мое воодушевление, как мне пришлось признаться самому себе через некоторое время, было не только профессиональной природы, все большую роль играла личная симпатия. Впрочем, именно тут и появилась дилемма. Почему я должен был отправлять ее в постель другого мужчины? Этот вариант вдруг показался мне совсем нежелательным. На самом деле, в этом состояла моя слабость: мне очень трудно было сопротивляться подобным искушениям. Совсем наоборот, приключения и риск привлекали меня прямо-таки с волшебной силой.

Мы регулярно встречались приблизительно каждые четырнадцать дней на конспиративной квартире «Бург», где беседовали сначала о служебных вопросах. Однако я ждал благоприятного момента, чтобы раскрыть «Диане», что происходило в моей душе. Последующие события я представлял себе так: если «Диана» питала ко мне такие же чувства, что и я к ней, то я завязал бы с ней секретную интимную связь, и при этом смог бы разузнать, что она думала на самом деле. Всё это, разумеется, следовало делать в строжайшей тайне, потому что стоило кому-то из моего руководства узнать о такой личной близости, то тут же последовал бы приказ разорвать любое сотрудничество и передать ее на связь другому оперативнику.

Мои зондирования уже показали в итоге, что политико-идеологическая убежденность «Дианы» на самом деле была довольно слабой. Она, как будущий врач, специалист по стоматологическому протезированию, вполне понимала, насколько отстала ГДР в этой области от западных стран. Это мнение она уже выразила в разговоре со мной. Если ей предстоит ездить на Запад в качестве НС, то она, скорее всего, увидит это отставание своими глазами, причем еще более отчетливо, потому я мог говорить с ней об этом вполне открыто. И если личная связь стала бы достаточно сильной, я доверил бы ей также мои самые тайные планы. Тогда она смогла бы устроить для меня ожидаемый контакт с другой стороной. Таким было мое стратегическое планирование. В реальности, однако, все вышло иначе. «Диана» тяжело заболела, и ей потребовалось серьезное и действительно очень длительное лечение. Когда же она выздоровела, я уже успел установить связь с БНД.

После моего побега «Диану», как и всех моих НС, сначала «отключили», прекратив с ними связь. Их посчитали разоблаченными, так как я мог выдать их другой стороне. Разумеется, действующий внутри страны отдел XX окружного управления МГБ в Берлине, отвечавший, в том числе, и за науку, некоторое время спустя решил ее «реактивировать». Под псевдонимом «Катрайн» ей поручили шпионить за коллегами в берлинской больнице «Шарите», но к этой деятельности она, впрочем, почти не проявляла никакого интереса. Еще до падения Стены при первой подвернувшейся возможности она через Венгрию сбежала на Запад. После падения Стены я попытался было снова найти «Диану», но из-за ее замужества и смены фамилии все мои усилия были безрезультатными. Только позже, получив доступ к рассекреченным документам Штази, я смог найти правильный след. После тридцатилетнего перерыва мы снова начали встречаться. В разговоре «Диана» однажды подтвердила мне, что мои тогдашние планы, узнай она о них, вызвали бы у нее живой интерес. Так что я отнюдь не ошибся в ней. Сегодня мы с ней близкие друзья.

СНТ/Отдел XIII

Берлин, 30.01.1984

КРАТКАЯ СПРАВКА на НС «Диана»"

***, Кристина

род. в 16.12.1955 в ***

прожив. 1071 Берлин, ***

Деятельность: Зубной врач, область медицина, клиника «Шарите» Университета Гумбольдта

Была завербована ГУР в 1977 году в качестве НС. Она обработала большое количество оценок людей, в частности, студентов и ученых Университета Гумбольдта. Кроме того, ее использовали для установления контактов с интересными с оперативной точки зрения людьми в оперативной зоне. НС «Диана» была завербована и курировалась предателем «Шакалом». По этой причине сотрудничество было остановлено (1979).

При последующем сотрудничестве следует обратить внимание: НС «Диана» не может быть использована в агентурной сфере в направлении оперативной зоны. В исключительном случае необходимо обеспечить согласование с ГУР, Рабочей группой безопасности.

Наличающиеся документы по НС «Диане» хранятся запечатанными в архиве ГУР, архивный номер 17028.

Капитан Фишер

(BStU, MfS, BV Berlin, XX 1260/84, Bd. 1, Bl. 13)

Отдел XX / 3

Берлин, 04.07.1984

Предложение для предварительного установления связи с НС (псевдоним «Диана»)

предлагается, с
***, Кристиной, доктор,
род. 16.12.1955 в ***
прожив. в 1071 Берлин, в 1055 Берлин, ***,
зубной врач «Шарите», секция стоматологии, поликлиника стоматологического
протезирования

установить связь для использования в качестве НС.

Обоснование

«Диана» была завербована 29.11.1977 ГУР, СНТ, отд. XIII, и готовилась для использования в качестве НС в оперативной зоне. Вербовку, инструктирование и неофициальное сотрудничество осуществлял предатель «Шакал».

«Диана» обработала большое количество оценок людей, в частности, студентов и ученых Университета Гумбольдта в Берлине, область медицины. Кроме того, были сделаны первые попытки для установления ею контактов с интересными с оперативной точки зрения людьми в оперативной зоне.

«Диана» познакомилась с «Шакалом» через тов. Зимса, Вернера. Встречи с ней происходили на конспиративной квартире «Бург». Связь с «Шакалом» осуществлялась по телефону 5589332/112 или по адресу 1020 Берлин, а/я 347. «Диане» были известны как псевдоним («Шиллинг»), так и настоящее имя предателя.

Сотрудничество было остановлено в 1979 году, после чего состоялась еще заключительная беседа.

С оперативной точки зрения с того времени не было обнаружено никаких признаков того, что она была завербована или перевербована противником.

Из актуальных сведений о действиях противника в результате измены «Шакала» можно предположить возможность, что с «Дианой» был установлен контакт либо существует такое намерение.

С оперативной точки зрения нужно обратить внимание, что «Диана» полностью расконспирировалась и раскрылась перед НС в области безопасности «Зессельманном», с которым поддерживала контакт во время неофициального сотрудничества.

Актуальные неофициальные оценки показали, что «Диана» очень хорошо выполняет свою профессиональную и научную работу, что у нее есть большая карьерная перспектива в «Шарите». В качестве выездного кадра в несоциалистические страны ее нельзя рассматривать еще в течение следующих пяти лет. Политическая основная позиция характеризуется как очень положительная. Ее рассматривают как надежного товарища. Исходя из оперативной ситуации, считаем необходимым в связи с оперативным контролем «Дианы» восстановить с ней неофициальное сотрудничество. При неофициальном контакте с «Дианой» нужно учитывать, прежде всего, следующие проблемы:

- Восстановление доверительных отношений с МГБ;
- Проведение проверочных мероприятий особенно с точки зрения возможного контакта или вербовки противником. Выработка окончательных выводов об ее честности или нечестности;
- Подготовка к возможному будущему установлению контакта со стороны противника;

- Использование «Дианы» в области «Шарите», в особенности, в стоматологии, для неофициального проникновения и контрразведывательного обеспечения. Проведение перепроверок обработанной информации.

Установление контактов с «Дианой» происходит после телефонной договоренности в кабинете 362 онкологической клиники или при наличествующей возможности в квартире «Дианы». Следующие встречи проводятся у НС по конспиративному обеспечению «Нойбау».

Отдельно вырабатываются предложения по установлению контактов и концепция по сотрудничеству и проверке.

Старший лейтенант Гальстер

(BStU, MfS, BV Berlin, XX 1260/84, Bd. 1, Bl. 10f).

Отд. XX / 3

(сентябрь 1989)

Срочное сообщение о НС «Катрайн»

(...)

3. Учетные данные

В случае с доктором ***, Кристиной, речь идет о НС «Катрайн», регистр. номер XX 1260/84 нашей базы данных.

НС «Катрайн» была завербована, инструктирована и готовилась для неофициального сотрудничества при использовании в ОЗ с 1977 по 1979 годы.

4. Время совершения преступления

А. с середины августа 1989 года пребывала в отпуске в Венгерской народной республике.

4.9.89 А. позвонила по телефону в секретариат секции Стоматологии «Шарите» и сообщила, что она больше не вернется в ГДР. 11.9.89 А. по телефону позвонила своему мужу из Гиссена.

5. Место происшествия

После оценки сложившейся ситуации нужно исходить из того, что А. незаконно покинула ГДР через ВНР. Конкретное место происшествия до сих пор не известно.

(BStU, MfS, BV Berlin, XX 1260/84, Bd. 1, Bl. 64)

РЕШАЮЩИЙ КОНТАКТ С ХЕЛЬГОЙ

Итак, все мои усилия связаться с противоположной стороной поначалу окончились неудачей. В начале 1978 года у меня все еще не было контакта с Федеральной разведывательной службой. (В моей первой книге 1986 года это было представлено несколько иначе. Западные контрразведки в то время были заинтересованы в том, чтобы

как можно дольше запутывать Министерство госбезопасности, для чего была выдумана моя якобы более длительная деятельность в роли двойного агента.) Потому я продолжал поиск подходящего посредника.

11 января 1978 года я выехал в заваленный снегом Оберхоф, чтобы на следующий день встретиться там с моим не очень надежным НС Гюнтером Зэнгером, псевдоним «Хаузер», который работал на одном из кабельных заводов концерна «Сименс» около Кобурга. Автобан и магистральная дорога на Зуль были в определенной мере посыпаны, но в самом Оберхофе высота снега достигла уже 25 сантиметров, а службы уборки снега не было ни видно, ни слышно. Во время ужина в ресторане «Интеротеля» при выборе стола мое внимание привлекла одна очень привлекательная официантка. Она, пожалуй, была на несколько лет старше меня, и производила впечатление своей осанкой. Я сел таким образом, что мог ожидать, что меня будет обслуживать именно она. Так и получилось.

Она была чрезвычайно приветлива, прекрасно знала свое дело и показалась очень общительной. Мы разговорились и договорились немного выпить в гостиничном баре после окончания ее работы. При этом я представился инженером, приехавшим в командировку на одно из предприятий Зуля. Она объяснила свое желание выпить крепкого виски тем, что руководители ГДР как раз подсунули ей большую свинью. Брат пригласил ее на свою свадьбу в Кобург, куда, собственно, в подобном случае «безотлагательных семейных обстоятельств», ее следовало бы пустить, но ей было отказано в поездке, хотя ее несовершеннолетний сын оставался бы дома как «залог». Несмотря на запросы, причину для отклонения просьбы ей не назвали. Она чувствовала себя «подставленной» вельможами и не скрывала своего недовольствия. Я высказывался в нейтральном и сочувствующем духе, и угощал ее все новыми и новыми бокалами хорошего виски, но сам при этом сдерживался. Поздно вечером я предложил ей подвезти ее домой на машине, так как тротуары едва ли были убраны и местами оставались очень скользкими. Она приняла это предложение с благодарностью. Тем не менее, на стоянке я теперь столкнулся с проблемой. Снег продолжал идти, и с моими летними шинами у меня было мало шансов въехать на гору. ГДР могла строить блистательный социализм, но зимние шины, к сожалению, не входили в программу. Потому мне впервые в жизни пришлось натягивать на колеса цепи против скольжения, которые наша транспортная служба заботливо положила в мой багажник. Это мне с некоторым трудом удалось, но я все же очень сильно вспотел, и поэтому снял пальто и пиджак. После этого моя белая рубашка выглядела соответствующе. Когда я привез ее домой, моя новая знакомая Хельга вызвалась почистить рубашку, прежде чем я поеду назад, так как в такое позднее время служба сервиса в отеле уже не работала. Сказано, сделано, но рубашка не хотела сохнуть так быстро, а без рубашки я не мог вернуться назад в отель. Итак, Хельга открыла бутылку шампанского, и мы позволили себе расслабиться. Когда я утром попрощался с ней, следующая вторая половина дня была уже полностью распланирована. Мы хотели непременно увидеться вновь.

Как я узнал ночью, отношения Хельги с ее западным братом были исключительно тесными. По крайней мере, раз в месяц он приезжал к ней в рамках т.н. «местного приграничного сообщения». Он был учителем по профессии, то есть, разбирался и в более сложных вопросах. Хельге ничего, совсем ничего не нравилось в ГДР, как и в социалистической системе в целом, хотя дела у нее шли, собственно говоря, гораздо лучше, чем у среднестатистического жителя государства рабочих и крестьян на немецкой земле. Но она слишком часто встречала в «Интеротеле» в Оберхофе западных немцев, и эти контакты, пожалуй, особенно наглядно демонстрировали ей экономический контраст между двумя системами.

В моей голове что-то щелкнуло: вероятно, через Хельгу мне предоставится шанс сблизиться с ее братом, а с его помощью установить контакт с Федеральной разведывательной службой. Это всё было далеко от Берлина и не в непосредственной сфере контроля моего министерства. Чтобы, однако, подстраховаться и узнать, с кем я столкнулся, я отправился в окружное управление МГБ и посетил ответственного за отель сотрудника отдела XX, который как раз забронировал для меня номер. Я поблагодарил его и сообщил о том, что узнал в отеле об идеологических проблемах одной из официанток. - Ах, эта, - прозвучал ответ, - она сравнительно безвредна. Там есть гораздо более плохие типы, с которыми мне приходится биться. Вся эта лавочка полностью коррумпирована Западом.

Кроме того, он пожаловался мне на проблемы с детьми высших функционеров из Берлина, которые приезжали группами в отель и порой просто валялись там в грязи, как поросята. Я выразил понимание трудностей его работы и попрощался с благодарностью. Я узнал самое главное: Хельга никак не была связана со Штази и не находилась под особым контролем. С этой стороны ничего не могло помешать зародившемуся у меня плану.

Настоящая цель моей поездки очень быстро была улажена, так как НС «Хаузер» не появился к указанному сроку. У него, очевидно, возникли большие проблемы, чем казалось. Как я узнал на нашей следующей встрече летом, его брак за это время развалился, причем он был обязан по условиям развода заплатить очень большую компенсацию жене и ее четырём детям от предыдущего брака. Хорошая причина подработать себе кое-что неофициально. В последний раз я видел его в конце того года, незадолго до моего бегства на Запад. Мы провели два дня в «Интеротеле Нептун» в Варнемюнде. Он был мне симпатичен, но я, естественно, не мог прямо предостеречь его. Тем не менее, я предложил ему как можно скорее уехать в США и оставить фальшивый след для семьи. Все же, там он бы смог надежно спрятаться от денежных требований кучи детишек. Потом мы бы встретились снова. Он согласился со мной и заметил, что уже сам подумывал о таком варианте. Когда я вручил ему две тысячи западногерманских марок за поставленную информацию, я еще заметил, что этого должно было в любом случае хватить для покупки билета на самолет. На следующий день после моего перехода и передачи всех привезенных мною документов «Хаузер» был арестован. В его сумке чиновники Федерального ведомства уголовной полиции нашли билет на самолет в Бразилию. Он получил незначительное наказание и после этого, надо надеяться, наверное, все-таки добрался к цели своего запланированного путешествия.

Во второй половине дня Хельга уже ждала, когда я приду к ней домой. У нас была чудесная ночь, и следующим утром стало ясно, что мы хотим непременно поддерживать наши отношения. Я не стал скрывать от нее, что у меня была жена и ребенок, но это, кажется, не особо ей мешало. Но она, однако, была вначале очень возмущена, когда я открыл ей, что я не инженер, а офицер государственной безопасности. Она отреагировала очень спонтанно: - Вон из моей квартиры! Я хочу тут же забыть, что когда-то встречала тебя. Я попросил ее о нескольких минутах внимания и разъяснил ей, что я ни в коем случае не был приставленным к ней шпиком, и полностью разделяю ее отрицательное отношение к ГДР. Тут же я перешел в наступление и объяснил, что я нуждаюсь в ее помощи для осуществления моих намерений. О чем конкретно идет речь, я пообещал объяснить ей в следующий раз. Единственное, что я попросил у нее, было не говорить никому ни слова, так как тогда мне крышка. Хельга обещала, что сохранит это необычное дело в тайне. Мне, пожалуй, тогда было немного не по себе, так как я в то время понятия не имел, что она думает и что чувствует внутри себя. Однако мне ничего другого не оставалось, кроме как довериться ей.

Я умудрился организовать себе уже через две недели снова командировку в Оберхоф, и вскоре после этого мы встретились в начале февраля в Лейпциге. У Хельги было несколько свободных дней, а я воспользовался служебной командировкой. В гостиничном номере я как всегда включил радио. Оно делало подслушивание при контролируемом тихом разговоре почти невозможным. Отдел 26, отвечавший за подслушивание, располагал стереомикрофонами, которые могли ловить шумы из различных частей помещения, но из собственного опыта я знал, что они при тихой беседе были практически бессильны против музыки, звучащей из радио на заднем фоне. Хельга явно влюбилась в меня и хотела продолжения наших отношений почти любой ценой. Когда я разъяснил ей, что мы не сможем вечно скрывать нашу аферу, и если о ней станет известно, то Штази вмешается в наши отношения со всей мощью своего аппарата, потому что супружеские измены официально не допускались, она поняла, что перспектива у наших отношений могла бы быть, собственно, только вне ГДР. Я раскрыл перед ней мой план. С горой информации, которую я уже накопил и увеличивал почти ежедневно, я мог разоблачить не только непосредственно мой Сектор науки и техники (СНТ), но в значительной мере также и зарубежный шпионаж ГДР в целом. Для БНД это было бы в высшей степени интересно.

Хельга сделала необходимые выводы сама: - Значит, ты хочешь, чтобы другая сторона как вознаграждение за информацию, которую ты дашь им, вытащила бы нас отсюда. Но как ты себе это представляешь?

Теперь я ввел в игру ее брата. Именно он мог бы передать соответствующим образом подготовленное сообщение западногерманской разведке БНД. Тогда удалось бы и все остальное. - Я не знаю, сделает ли он это, - ответила она, - но у нас такие хорошие отношения, что даже если он откажется, то будет молчать. Теперь стало ясно: Хельга решила и была готова рискнуть со мной на эту авантюру.

Когда брат сообщил, что в следующий раз приедет к Пасхе 1978 года, я принялся все готовить на профессиональном уровне. Отношения с Хельгой стали из-за этого несколько более деловыми, так как отныне все следовало делать строго по конспиративным правилам. Телефоном теперь можно было пользоваться только в случае крайней необходимости, и я принципиально звонил лишь из телефонных будок, причем не называл никаких настоящих имен, а дни и часы указывал всегда по принципу «плюс один», то есть, из произнесенной даты или часа нужно было вычесть единицу. К счастью, у нее был телефон в квартире, так как если человек работал в «Интеротеле» и располагал западной валютой, можно было иногда добиться и у Германской Почты ГДР чего-то для других невозможного. Если ей непременно нужно была поговорить со мной, было решено, что она звонит мне домой, но снова вешает трубку тут же после первого звонка. Я тогда догадывался, в чем дело и мог перезвонить из телефонной будки. В конце концов, наши отношения следовало скрывать не только от Штази, но и от моей жены.

Ее коллеги в отеле, которые, естественно, со временем узнали, что в ее жизни появился новый мужчина, она рассказала, как мы и договорились, что он работает в FDGB, Союзе свободных немецких профсоюзов ГДР. Это было настолько же скучно, как Демократический женский союз или общество рыболовов, и не вызвало там следующих вопросов.

Насколько обоснованны были эти меры предосторожности, я почувствовал при моем втором посещении Хельги в Оберхофе, когда меня там случайно заметил мой начальник полковник Фогель, у которого тоже была конспиративная встреча, разумеется, служебная, в том же самом месте.

Приездах Хельги в Берлин мы встречались на конспиративной квартире «Бург» («Замок») на Мариенбургер Штрассе в районе Пренцлауэр Берг, которая использовалась только мной и поэтому считалась надежной. Мои семейные обстоятельства уже в некоторой мере были к этому времени расшатаны. Моя жена стала недоверчивой, так как я бывал дома все меньше, и однажды даже обнаружила следы царапин на моей спине. Я признался ей в своей афере, однако, пообещал, что сразу же с ней покончу. Мы все более отдалялись друг от друга, но оба знали, что в нашем доме МГБ нужно делать вид, будто все в порядке, так как в противном случае я мог бы потерять работу.

И вот в конце апреля 1978 года наступила Пасха. Мы договорились, что Хельга сначала сама поговорит с братом и разъяснит ему наш план. В зависимости от его реакции я бы тогда появился при следующем его посещении. О результате беседы она подала бы мне косвенный знак. Если реакция была положительной, она по телефону как бы между делом сообщила бы дату его следующего въезда - естественно, по принципу известного нам ключа, а в противном случае говорила бы только о всяких мелочах. Все праздники я просидел как на иголках. Никакого сигнала не было. Вечером второго дня Пасхи я уже не выдержал и сам позвонил ей. И действительно она назвала мне дату. Я узнал, что следующий приезд брата запланирован на первое мая.

Дверь в БНД, добраться до которой я так долго пытался, вдруг оказалась открытой. С этого момента речь шла уже не только о «штабных учениях», всё вдруг начало превращаться в реальность. И одновременно возрастал уровень опасности, так как отныне каждая ошибка могла стоить жизни. Как лучше всего предложить свои услуги другой стороне? Инструктировать брата только устно, определенно было бы самым безопасным вариантом, но это также могло бы привести к недоразумениям, поэтому письменное сообщение являлось лучшим методом, чтобы исключить ложную информацию. С самого начала должно быть ясно, кто с кем будет иметь дело, и какими будут основные условия.

Следующим вопросом было, что я должен рассказать о самом себе. Я хотел бы скрыть свое настоящее имя, но в любом случае указать название моего служебного подразделения. Предложение звучало так: передача информации в течение определенного периода о внутреннем мире МГБ, а после этого в качестве вознаграждения вывоз меня, Хельги и ее сына из ГДР на Запад. Так как любая секретная служба точно хочет знать, что она получает взамен за что, мне пришлось уточнить мою запланированную поставку информации: имена минимум десяти агентов ГДР на западе, сведения о самой новой структуре ГУР, а также об ее методах работы, основных направлениях деятельности и уязвимых местах.

Я готовился к тому, чтобы как можно точнее и подробнее проинструктировать брата Хельги. Ему следовало отдать мое письмо непосредственно начальнику Федеральной пограничной охраны (БГШ) в Кобурге, прибавив просьбу о непосредственной передаче в Федеральную разведывательную службу. После обучения в ГУР мы знали, что у Федеральной пограничной охраны действительно были хорошие отношения с БНД. Я тогда сначала записал мой текст для себя и зашифровал его, превращая буквы в цифры. Я использовал для этого один из последних номеров журнала «Шпигель». О номере журнала и соответствующей странице в нем брат Хельги должен был сообщить служащему БГШ устно. Это уже обеспечивало определенную безопасность. Сами числа, каждое из которых соответствовало букве из текста на указанной странице «Шпигеля», я написал на шелковой бумаге, чтобы сделать письмо как можно более тонким. Затем я изъясился из фонда западных портмоне, которые использовались моими агентами из ГДР во время операций в Федеративной республике, одно подходящее, отделил подкладку,

засунул письмо под нее, и снова закрыл подкладкой. Снаружи письмо в этом тайнике никак нельзя было прощупать, и оно даже не шелестело подозрительно, если потереть подкладкой по наружной части.

Под предлогом вымышленной новой попытки контакта с «Хаузером», я отправился в Оберхоф. Брат с его новой женой уже были там, и Хельга представила меня им. Пока женщины готовили обед, у меня был случай поговорить с братом один на один. Он заверил меня в своей принципиальной готовности помочь нам, но выразил некоторые сомнения и показал определенную нерешительность. Он считал, что не рожден для таких действий и вряд ли у него получится. Однако, в конце концов, он заявил о своей готовности выполнить это особенное желание его сестры, даже если ему придется кое в чем переступить через себя. Я передал ему подготовленное портмоне и попросил его положить в него свои собственные документы. Я проинструктировал его, чтобы он после перехода границы вынул свои документы из портмоне и передал его, якобы пустое, начальнику Федеральной пограничной охраны с просьбой о немедленной передаче в БНД. Для этого он должен был назвать номер «Шпигля» и страницу с кодом. И то, и другое легко было запомнить.

В поездке домой я снова проанализировал, не упустил ли я чего-нибудь, и где еще могли подстергать возможные опасности. Брату можно было доверять. Исключено, чтобы он мог быть осведомителем МГБ. Но он относительно часто въезжал в ГДР в гости к сестре. Это могло привлечь к нему внимание контрразведки ГДР, заподозрившей в нем курьера западной разведки. Уже несколько ненормальное поведение могло привести к допросу. Если тогда на границе прибавится еще и нервозность, его могут вытащить и обыскать. Но на этот случай я кое-что предусмотрел. В портмоне в боковом кармашке лежали две порнографические фотографии, о которых он - и, прежде всего, его жена - не имели никакого понятия. При обыске, если их найдут, они объяснят и его нервозность. У офицеров ГДР будет кое-что, что они у него заберут и чему смогут порадоваться сами, после чего, по моим соображениям, ему снова разрешат войти в поезд и ехать дальше. То, что органы власти ГДР, сверх того, стали бы разрезать портмоне гражданина ФРГ, было почти невероятно, так как это нарушило бы соглашения о местном приграничном сообщении и предполагалось бы исключительно в случае серьезного подозрения или официального ареста.

Вернувшись в Берлин, я сразу позвонил Хельге. Она смогла успокоить меня. Брат уже позвонил и сообщил, как и договаривались, что благополучно приехал домой. Мне сразу стало легче, и теперь я мог только расслабленно ждать, как отреагирует другая сторона. В последующее время я решил чуть больше уделить внимание своей семье, так как определенное чувство вины уже мучило меня. Кроме того, я хотел, чтобы внешне все выглядело хорошо и стабильно.

В конце мая я в следующий раз встретился с Хельгой в Карл-Маркс-Штадте. Мы договорились больше не обсуждать ничего, совсем ничего, что имело бы отношение к нашей операции, по телефону. Во время встречи она сообщила мне: - Послушай, мой брат позвонил и упомянул, между прочим, что друг Гюнтер из Мюнхена был у него в гостях. Вот и всё. Контакт, очевидно, состоялся, но все же что должно было это значить, я не знал. Ожидание продолжалось. До середины июля ничего не произошло. Я, как и было запланировано, во время отпуска поехал с семьей к родителям жены в Венгрию. Оттуда я каждые два дня звонил - имитируя необходимость служебных контактов с министерством - из телефонной будки Хельге. Примерно через неделю я услышал оговоренный пароль: она пожаловалась на ужасную мигрень. Я привел в свое оправдание безотлагательные проблемы на службе, оставил семью на остаток отпуска в Венгрии и улетел в Берлин.

Я встретился с Хельгой на конспиративной квартире «Бург». Незадолго до этого к ней снова приезжал брат. Он сообщил, что «Гюнтер» из БНД уже неоднократно посещал его и интенсивно расспрашивал обо всех подробностях. В заключение ему сообщили о местонахождении тайника в Восточном Берлине, описание которого он пересказал Хельге. Тем самым он выполнил необычное желание своей сестры и больше не хотел иметь ничего общего с этим делом. Прежде всего, по соображениям безопасности он не стал больше приезжать в ГДР.

Я очень сожалел, что брат Хельги прибыл как раз в то время, когда я застрял в Венгрии и поэтому не мог побеседовать с ним лично. После того, как теперь контакт с Федеральной разведывательной службой был, наконец, установлен, я охотно дал бы ему с собой в дорогу ряд практических предложений и советов для другой стороны, чтобы та могла осуществлять будущее сотрудничество со мной как можно более безопасно, просто и надежно. Впоследствии это оказалось очень важной помехой.

РАДИОКОНТАКТ И ТАЙНИК

Был жаркий летний день в начале июля 1978 года. Мы дождались сумерек и отправились в путь. Как нам сообщили, тайник находился в Плэнтервальде, парке близ Шпрее. Описанную тропинку мы нашли легко, равно как и заметный дуб с расколотым стволом. Пока я стоял на страже, Хельга сделала вид, что ей необходимо облегчиться, и присела на корточки. Вернувшись, она шепнула мне: - Все в порядке.

Мы поехали в наш «Бург». Там она вынула из сумочки толстую деревянную доску, величиной примерно 20 на 15 см, по ее цвету можно было догадаться, что она уже довольно долго пролежала во влажной лесной земле. Доска была довольно прочной, и мне пришлось постараться, чтобы ее расколоть. Наконец, мне это удалось. Доска распалась на две части и внутри была видна небольшая ниша. В ней находился запаянный в черную фольгу пакет. Разрезав фольгу, мы нашли внутри: приветственную записку, десять надписанных, но не запечатанных конвертов с западным адресом и адресом отправителя из ГДР и с наклеенной почтовой маркой ГДР, белый лист бумаги, длинную бумажную ленту со стоящими один под другим пятизначными числами, а также 400 западногерманских марок.

Приветственная записка была выдержана в дружеском, но деловом тоне. Она разъясняла способ кодирования информации с помощью колонок чисел на бумажной ленте и доски для ключей «Твоя звезда». Метод был таким: перевести буквы в числа, вычестить их из пятизначных групп чисел на ленте, что дает в итоге новые пятизначные группы, затем письмо с «маскирующим» безобидным текстом положить на жесткое основание, на него чистой лист бумаги, обработанный средством для тайнописи, сверху него уже другой лист бумаги, на последнем написать новые пятизначные группы с сообщением, затем написать на "маскирующем" письме актуальную дату, положить в конверт, заклеить и бросить в почтовый ящик.

Следующая часть инструкций касалась одноканальной радиосвязи с Западом на Восток на частоте 3,7 и 4,1 МГц. Эти частоты можно было принимать только на радио с широким коротковолновым диапазоном. Каждые два часа вечером отправлялась новая радиограмма и повторялась на протяжении нескольких дней. Наш радиопозывной был 688. Четыреста марок были выделены для покупки соответствующего коротковолнового радиоприемника,

потому что аппаратов с широким диапазоном коротких волн в ГДР не выпускали, их приходилось приобретать в валютном магазине «Интершоп» за твердую западногерманскую марку. Здесь я в первый раз сильно удивился. Это был явно опасный момент, так как при покупке подобного товара в «Интершопе» можно было легко попасть под наблюдение. Если бы я был начальником контрразведки в МГБ, я бы регистрировал каждого покупателя такого приемника. Почему брат не привез нам этот радиоприемник? Можно было изменить его шкалу таким образом, что он действовал бы как совершенно обычный приемник. На следующий день я со смешанными чувствами и 400 марками послал Хельгу в «Интершоп» на вокзале Остбанхоф. Предварительно я проинструктировал ее, как она могла бы узнать радио с широким коротковолновым диапазоном, так как спрашивать об этом продавца могло бы быть слишком рискованно. Вернувшись, она сияла. Мы ощутили заметное облегчение, так как никто ничего не спросил при продаже. Вечером в 8 часов мы напряженно сидели перед приемником размером с сигарную коробку, вооружившись каждый блокнотом и шариковой ручкой. Мы хотели записать возможное сообщение вдвоем, чтобы потом сравнить записанное и избежать ошибки. Точно в назначенное время на частоте 3,7 Мгц зазвучал нарастающий и ослабевающий звук «Гимна Весселя», прозванного так по фамилии прежнего президента БНД Герхарда Весселя. После этого последовало невыразительное объявление женским голосом: есть сообщения для..., для... и для 688, 147 групп. И вот дело пошло. Мы писали как пчелки. Передача продолжалась примерно пятнадцать минут. Затем началась настоящая работа: дешифровка, концепция ответа, кодирование текста ответа, записывание закодированного ответа средством для тайнописи на письме с «маскирующим текстом», проставление даты, заклеивание и отправка через почтовый ящик на площади Александерплац. Это оживленное место в центре Восточного Берлина находилось достаточно далеко и от моей личной квартиры в юго-восточном районе Йоханнисталь и также на почтительном расстоянии от конспиративной квартиры на Мариенбургер Штрассе.

Пока Хельга на следующий день в воскресенье ехала домой, я принялся за анализ нашей ситуации. Контакт с Федеральной разведывательной службой состоялся, по-видимому, без проблем. У нас была двусторонняя связь, с Запада на Восток по радио и с Востока на Запад посредством писем на условный адрес. БНД обещала период примерно в один год вплоть до нашего вывоза из ГДР. До тех пор я должен был продемонстрировать им свои возможности поставки информации и в определенной мере их доказать. Установление связи в форме личных контактов не было предусмотрено. Самый главный принцип сотрудничества: безопасность. Однако они приступили к делу слишком уж осторожно, подумалось мне. Они ведь получают то, что является наивысшей мечтой каждой разведслужбы, агента в самом внутреннем кругу в центральном аппарате противника, как бы преподнесенного им на блюде, и они даже не предпринимают попытку добиться из этого большего. Ведь можно было бы целенаправленно вывести определенные вещи, но они, похоже, интересовались только раскрытием агентов Штази на Западе. Я должен был им выдать их как можно быстрее.

Однако в своем ответном письме я сообщил им, что они получают эти имена только после моего перехода. Это было простой самозащитой, так как если они таким путем получают уже все сразу, зачем им тогда нас вытаскивать? Кроме того, БНД в любом случае инициировала бы соответствующие расследования, чтобы проверить мои указания, или, еще хуже, передала бы мои данные в Федеральное ведомство по охране конституции. Это означало бы огромную опасность для Хельги и для меня, так как, с одной стороны, агенты МГБ могли заметить соответствующие действия и сообщить на следующей встрече о своих подозрениях своим «кураторам», что повлекло бы за собой обязательное расследование у нас в министерстве, или же в ведомстве по охране конституции мог

сидеть «крот» - агент ГДР, который сообщил бы на Восток о разработке моих НС западными службами контрразведки. Этот риск был просто слишком велик, из-за чего я сначала не называл никаких имен, но зато информировал о внутренних вещах, которые мог знать только человек на моей должности, например, о новейшей структуре Главного управления разведки и именах соответствующих начальников отделов. Для начала это должно было их удовлетворить.

Мой анализ обнаружил еще одну проблему. От получения радиограммы до окончания написания ответного письма требовалось от трех до четырех часов высококонцентрированной работы, причем, насколько возможно, в спокойной обстановке. Однако у меня не было так много свободного времени. Мой нормальный рабочий день как офицера ГУР и так насчитывал от десяти до двенадцати часов. Добавьте к этому многочисленные командировки по всей ГДР для встреч с моими НС. Кроме того, мне необходимо было думать и о моей семье. В начале года родился наш второй ребенок, сын Андреас. Поддерживать без перерывов и ошибок контакт с БНД можно было только в том случае, если бы я смог приобщить Хельгу к получению радиограмм и отправке корреспонденции. У нее было относительно много свободных дней, потому что в отеле она работала посменно и по выходным. Тогда ей пришлось бы для каждой новой отправки приезжать в Берлин.

Мне пришлось подумать и над следующей проблемой. Где нужно будет опускать будущие письма на условный адрес? Я знал, что почтовый контроль МГБ был очень профессиональным и покрывал всю страну. Отдел М контролировал практически все почтовые отправления на Запад и открывал те из них, которые казались им несколько подозрительными. Я подумывал, не опускать ли мне письма во время моих командировок в разных местах, но тогда, если контрразведка МГБ обнаружит их, она, возможно, сравнит эти факты с датами и местами моих командировок, сможет выйти на меня. Вариант использования всегда одного и того же почтового ящика, тем более что так называемый отправитель жил как раз поблизости, я тоже отверг, так как за ящиком можно было установить визуальное наблюдение. В общем, мне казалось предпочтительным выбрать несколько почтовых ящиков в разных местах в Восточном Берлине, за исключением близких к моему месту жительства и к объектам органов госбезопасности. Наконец, я решил выбрать центр города и несколько почтовых ящиков в плотно заселенном районе Пренцлауэр Берг.

В конце своего анализа я составил список источников опасности: во-первых, глупый случай, во-вторых, моя жена, в-третьих, связь с Хельгой и, в-четвертых, почтовая связь.

КОНТРАЗВЕДКА НАЧИНАЕТ ПОИСК

Что произошло потом, я могу реконструировать по полученным позднее сообщениям, примерно так:

Товарищ М. роптал на свою судьбу. Из-за незначительного в общем служебного проступка, управления машиной в состоянии опьянения, его сняли с его прежнего места службы во Втором главном управлении, занимавшемся контрразведкой, и перевели в Третье главное управление, отвечающее за радиоперехват и контрразведку в области средств связи. Более скучную службу трудно себе представить. В трехсменном режиме он и его коллеги должны были следить за известными радиопередатчиками иностранных спецслужб, в частности прослушивать и записывать радиограммы БНД и ЦРУ. «Гимн

Весселя» постоянно преследовал его, и однажды он даже стихийно принялся его насмивать, весьма удивив этим своих коллег.

Прекрасным летним вечером в конце июля 1978 он сел перед высокочувствительным приемником советского производства, надел удобные наушники западного производства и установил частоту 3,7 МГц. Он знал позывные радиостанции Федеральной разведывательной службы почти наизусть, а также обычную продолжительность передач. Сидящие в ряд с ним его коллеги делали то же самое на соответственно других частотах. Так как никто не может все рабочее время на протяжении дня слушать и записывать группы пятизначных чисел, часть смены занималась также анализом услышанного: сколько радиogramм было послано, к кому они были направлены, насколько длинным был соответствующий пакет сообщений, как часто его повторяли? Профессионалам Третьего главного управления было ясно, что БНД посылала целый ряд «холостых» радиogramм, то есть тех, у которых не было получателя, и что номера позывных получателей периодически менялись. Но, тем не менее, определенные образцы были установлены. К изменениям следовало прислушиваться. Большого из этого также нельзя было сделать, ибо закодированные радиogramмы невозможно было расшифровать.

Часы показали восемь. Сначала «Гимн Весселя», затем обзорное объявление: есть сообщения для... В том числе впервые позывной 688 и сразу с 147 группами. Товарищ М. слегка поморщил лоб. Такое длинное сообщение было необычным. Новая игра БНД? Но целых пятнадцать минут, только ради забавы?

В конце смены он доложил своему начальнику о новом адресате и необычно длинной радиogramме. Тому это тоже показалось подозрительным, и он решил завести дело на радиопозывной 688, получивший псевдоним «Пират». Последовало распоряжение записывать все последующие сообщения. До конца сентября удалось задокументировать четыре радиogramмы для позывного 688, каждая из которых была длиннее обычного. Кроме этого радиogramмы необычно часто повторялись. Из этого следовали лишь два вывода: либо радиоотдел Федеральной разведывательной службы от скуки маялся дурью, либо действительно появился настоящий новый шпион, настолько важный, что ему отправляли очень длинные сообщения, которые он должен был принять в любом случае, потому их повторяли так часто. «Пирата» приняли всерьез и доложили о нем начальнику Второго главного управления, только что получившему ученую степень доктора генерал-майору Гюнтеру Кратчу, с 1976 шефу контрразведки ГДР. В высоком, полном и добродушно выглядевшем генерале на первый взгляд не были видны его острый ум и исключительный профессионализм. Но он полностью контролировал свое ведомство и очень осложнял западным разведслужбам их попытки ступить своей шпионской ногой на землю ГДР.

(Здесь я позволю себе забежать вперед. После конца ГДР я несколько раз встречался с товарищем Кратчем, и мы обменивались профессиональным опытом, причем он рассказал мне также и о подробностях поиска меня до и после 1979 года. Наконец, я прямо спросил за бокалом коньяка в саду его дома в пригороде Берлина: - Почему ты все-таки не поймал меня? Я же почти был у тебя в руках. Не хватило только небольшого усилия. Кратч ответил: - Ты не представляешь, что мне пришлось выслушать от Мильке по этому поводу. Я не знаю, в чем там, в конечном счете, было дело, мы не хотели поспешных действий, собирались действовать наверняка. Наверное, подсознательно я чувствовал к тебе даже симпатию, в конце концов, я ценил настоящих профессионалов, у нас в МГБ их не так много было. Генерал Кратч хотел еще написать книгу, причем, я должен был ему в этом помочь, но потом он очень тяжело заболел и умер в мае 2006 года. Он был честным,

открытым, прямодушным человеком, и действительно искренне верил в мечту о социализме и о лучшем обществе).

А тогда Кратч вызвал к себе начальника подотдела 1 подполковника Бомбик и обсудил с ним дело «Пирата». Бомбик подскочил от неожиданности: - Это очень похоже на нашего «Шакала»! Как оказалось, другое служебное подразделение уже напало на след нового шпиона. Теперь их силы были объединены в розыскную группу «Шакал», и об этом доложили министру Мильке. Давление на контрразведку после этого еще более возросло, так как нужно было как можно скорее выследить врага в собственной стране и обезвредить его.

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПОЧТОЙ НА ЗАПАД

Если верить одному анекдоту, некий благородный офицер британской разведки, которому передали перехваченное вражеское письмо с важной информацией, кисло скривил лицо и заметил: «Джентельмены не читают чужую почту».

В ГДР прогнали дворянство, и лордов такого вида тут не было. Здесь у Министерства государственной безопасности и его отдела М были совсем другие принципы. В большом здании почтамта недалеко от Шёнхаузер Аллее в отдельных кабинетах сидели десятки служащих МГБ перед корзинками, полными писем и открыток. У этих писем была общая судьба: им предстояло пересечь границу в западном направлении. Если бы всё зависело от одного лишь желания Эриха Мильке, возможно, вообще не было бы никакого непосредственного контакта с врагом, так же, как это долгое время происходило в Северной Корее. Но такой подход не соответствовал требованиям партийного руководства, которое было заинтересовано в улучшении имиджа ГДР на международном уровне, а также нуждалось в обмене для выживания экономики. Но то, что нельзя было предотвратить, хотели, по крайней мере, контролировать. Таким образом, все письменные отправления на запад проходили контроль органов государственной безопасности в отдельных районах ГДР. Там за ними подглядывали и обнюхивали. Все адресаты и отправители сравнивались с длинными списками, и если была заявка на почтовый контроль, письмо или бандероль отсортировывали, открывали, контролировали и либо копировали, снова запечатывали и отправляли дальше адресату, либо конфисковали.

23 или 24 августа 1978 года один из усердных шпииков провел одним письмом возле своего носа и унюхал что-то затхлое. Сразу зазвонили колокола тревоги. Именно для таких случаев этих товарищей и учили. Здесь было не обычное свежее письмо, а пролежавшее спрятанным уже довольно долго, очевидно где-нибудь во влажной среде. Письмо тут же открыли с помощью пара и передали для химической проверки в отдел 34 МГБ. И там под совершенно безобидным текстом на самом деле проявился написанный тайнописью шифр: группы пятизначных чисел, в общей сложности 129.

Адресат:

Госпожа Х. Больцинг
D-3352 Айнбек

Недденштрассе 75

Отправитель:

Г. Мёлер
DDR 102 Берлин 2
Хольцмарктштрассе 75

22.08.1978

Дорогая Хайде!

Твое письмо, за которое мы тебя сердечно благодарим, очень успокоило нас, все же, ты была раньше такой подавленной. Однако, как видишь, всё однажды оборачивается к лучшему, и первые признаки этого уже видны.

Угроза с адвокатом, кажется, уже несколько помогла с Максом.

Надо надеяться, вы тоже действительно получите теперь все деньги, что Макс вам должен.

Хорошо хотя бы то, что он больше не живет в Айнбеке и тебе не приходится встречаться с ним каждый день.

Хотя это, наверное, не очень хорошо, если вы раньше так нравились друг другу, а теперь вам приходится общаться через адвоката, но после того, как вы своим разводом подвели окончательную черту, нужно теперь чисто решить и вопрос с финансами.

Вероятно, ты сможешь, если ты получишь деньги от Макса, позволить себе, наконец, машину, которую ты уже давно хотела купить, и тогда однажды приедешь к нам на ней.

Все же для нас намного труднее приехать к вам.

Бабушка, наверное, также с удовольствием снова предприняла бы однажды такую поездку, что она охотно делала, пока дедушка еще был жив.

Мы ужасно были бы рады вашему посещению.

Корнелию, естественно, особенно интересует Урсула, которую она всегда называет своей подругой, хотя они обе пока еще никогда не виделись.

Мы рады, что у тебя на горизонте появилась светлая полоса, и передаем вам всем троим наш самый сердечный привет

Ваши

Гизи, Райнер и Корнелия

(BStU, MfS, MBA41 / 78, Bl. 22-24)

Теперь могло быть лишь два варианта последующих действий: либо изъять письмо, чтобы помешать шпионской переписке и заставить шпиона занервничать, либо отправить письмо дальше адресату, чтобы шпион по-прежнему считал, что он в безопасности, побудив его тем самым к следующим письмам, вследствие чего можно было бы медленно очертить круг подозреваемых лиц и разоблачить шпиона. С группами чисел, т.е. с шифрованным текстом, ничего нельзя было сделать, для расшифровки понадобилась бы шифровальная лента. Все же, только я один знал ключ, и я по инструкции отрезал использованную часть, сжег и спустил пепел в туалет.

Товарищи из отдела М доложили «наверх», и было решено отправить письмо по адресу, в надежде, что шпион или противоположная сторона совершат когда-нибудь ошибку, с которой можно было бы начать его поиск. Итак, группы чисел шифра снова сделали невидимыми, письмо умело заклеили и положили в почтовый мешок, отправившийся на запад. Как я позже узнал, это было наше второе письмо Федеральной разведывательной службе, первое ускользнуло от контроля.

Между тем произошло кое-что, изменившее мои планы. Хельгу и меня проверила полиция во время купания в озере, которое, к сожалению, относилось к запретной военной зоне, причем у нас также взяли наши анкетные данные. При этом, хотя у меня и было фиктивное удостоверение личности с вымышленным именем, все же при соответствующем расследовании можно было бы выйти на мою настоящую фамилию. Тогда открылась бы связь критически настроенной к ГДР официантки из Оберхофа и женатого офицера Штази из Берлина. Это означало, что часы тикали, и мы жили во взятом займы времени. Это побудило меня отказаться от моей первоначальной сдержанности по отношению к Пуллаху и приступить к ускорению всего процесса. После того, как во второй радиограмме от меня потребовали выдать настоящие данные некоторых западных агентов, так как на другой стороне явно боялись, что их обведут вокруг пальца, я согласился при условии, что пока против этих людей ничего не будут предпринимать, так как это угрожало бы мне. В этом отношении второе письмо содержало очень взрывоопасные анкетные данные нескольких западных НС, и с точки зрения МГБ было бы разумно не пропускать его дальше. Но там никто не мог этого знать. Теперь БНД со своей стороны установила, что письмо было открыто, и потребовала от нас, чтобы мы при следующем отправлении использовали другой условный адрес. Разумеется, при этом все эти фиктивные отправители все равно были из центра Восточного Берлина, однажды на Хольцмарктштрассе, в другой раз на Карл-Маркс-Аллее. Как мне представлялось, было бы лучше пусть и оставить лжеотправителей в Берлине, но в более удаленных друг от друга окраинных районах. Я опускал бы письма каждый раз в другом месте, и МГБ не смогло бы сконцентрироваться на одном районе. Следующему письму от 21 сентября, правда, удалось попасть на Запад нескрытым.

При добросовестном анализе перехваченного второго письма товарищам бросилось в глаза, что очень своеобразный почерк в цифрах в «маскирующем» письме отличался от написания цифр в дате письма 22.8, которую я вписал позже. У контрразведки тем самым появился первый пусть даже крохотный образец почерка шпиона, и она проинструктировала точно сравнивать цифры во всех перехваченных в будущем письмах.

В то волнующее время состоялась моя первая настоящая командировка на Запад. Она привела меня вместе с моим шефом Кристианом Штройбелем в конце сентября 1978 года в Хельсинки для встречи там с нашим очень важным агентом Герхардом Арнольдом, псевдоним «Штурм». Я сообщил и БНД об этом путешествии в своем (перехваченном, но затем отправленном по адресу) письме от 22 августа и назвал отель, где мы собирались остановиться. Условия въезда в Хельсинки не были сложными, и мне повезло, что мой чемодан появился на транспортной ленте раньше, чем чемодан Кристиана. Сделав вид, что мне срочно нужно в туалет, я уже прошел через таможенный контроль, чтобы посмотреть, не ожидает ли меня что-то непредвиденное. И действительно. Рядом с ожидавшим нас резидентом ГУР в Хельсинки Клаусом Детлоффом, я к своему ужасу увидел брата Хельги, который очевидно понятия не имел, с кем он стоит рядом. Не захочет ли он поприветствовать меня, причем, возможно, где-то на заднем фоне стоит и сотрудник БНД, направленный сюда, чтобы проверить, существу ли я в реальности? Беспрецедентная глупость с профессиональной точки зрения. Мне не оставалось ничего

другого, кроме как отвернуть взгляд в другую сторону и очень незаметно покачать головой.

Лишь немного позже подошел и Кристиан, и мы вместе поздоровались с резидентом ГУР. Я пояснил, что всё еще не успел облегчить мой мочевой пузырь и исчез в туалете зала для прибывающих пассажиров. К счастью, брат Хельги уже ждал меня там. Невозможно даже представить себе, что было бы, если бы он пришел позже, и резидент бы это заметил. Мы пообщались только очень короткое время. Я предложил встретиться сегодня ночью в нашем отеле «Клаус Курки». У нас с Кристианом были разные номера. Брат Хельги быстро передал мне спичечный коробок, сказав, что информация для меня спрятана в двойном картоне крышечки. Я со своей стороны отдал ему паспортные фотографии Хельги, ее сына и меня, привезенные с собой, они, возможно, могли пригодиться для нашей эвакуации. Позже выяснилось, что это была абсолютно правильная идея. Потом мы снова расстались.

По дороге в город Детлофф явно слишком часто проверял, нет ли за нами «хвоста». Было ли это стандартным поведением резидента или он что-то заподозрил и стал недоверчивым? Эта ситуация немного действовала мне на нервы, но потом все успокоилось. Мы в спокойной обстановке осмотрели вырубленную в скале церковь Темппелиаукио, а затем поехали домой к Детлоффу. Уже после первой рюмки водки «за встречу» резидент спросил меня, в первый ли раз я нахожусь «снаружи», то есть, на Западе. Я ответил, что да. Кажется, это его успокоило. Кристиан ни о чем этом не догадывался. Я и сам удивился, что я во всем прочем чувствовал себя совершенно спокойным и нормально себя вел, тогда как Кристиан, несмотря на свой прежний опыт поездок на Запад, был довольно скованным. Но встречи с БНД в Хельсинки так и не состоялось. Напрасно я ждал ночью стука в дверь моего номера.

Зато после моего возвращения контакт с другой стороной стал намного интенсивнее. Многочисленные радиogramмы и письма с тайнописью направлялись туда и сюда. Однажды сообщение из Пуллаха было таким объемным, что по радио было передано лишь описание тайника, где был спрятан собственно сам текст. Он находился в сломанной отвертке на горе Трюммерберг в берлинском районе Фридрихсхайн. О некоторых этих действиях пронюхала и контрразведка, как я узнал впоследствии. За это время начался интенсивный розыск меня, «Шакала», и Хельги, «Борсте» («Щетина»). После того, как в руки контрразведчиков попали первые образцы наших почерков, они обязательно хотели разоблачить и арестовать лиц, оставивших эти письменные следы.

ПЕРЕДАЧА МАТЕРИАЛА ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Когда ГУР вербовало нового шпиона, на него создавалось два досье: личное дело и рабочее дело. В первое попадали все документы о личности агента, то есть, биография, данные о родственниках, результаты дознаний, анализ рисков для безопасности, оценки, награды, поощрения, план по связи и кое-что еще. (Так требовалось, по меньшей мере, по правилам, причем, естественно, были также и исключения. У некоторых очень важных источников подлинные личности были полностью защищены, не было никаких личных данных, и связь с ними осуществлялась только через тайники: товар в обмен на деньги).

Рабочее дело содержало наряду с этим все отчеты о встречах, поставки материала, оперативные планы, отчеты о командировках, сведения из других служебных подразделений и многое другое. Со временем одной папки рабочего дела больше не

хватало, и приходилось заводить новую папку. Через некоторое время прибавлялся третий том и т.д. У многолетних бойцов их могли быть десять и больше. Этого было слишком много даже для самого большого сейфа для документации, поэтому со временем перешли к переводу документации на микрофиши. У некоторых НС одновременно было микрофильмировано и их личное дело. Как правило, создавались четыре экземпляра. Один получал ответственный сотрудник, один попадал к его начальнику, один шел в регистратуру ГУР, а четвертый – не знаю куда. В течение всего времени моей службы во внешней разведке местонахождение микрофишей никогда не контролировалось. Я знал, что день X уже близок и предложил БНД передать им пакет микрофишей. Я представлял себе это довольно просто: устроить тайник в Берлине, положить туда материал, проинформировать БНД письмом на условный адрес, а потом в Берлин придет их курьер с контейнером, то есть, с сумкой с тайником или чем-то подобным, и заберет горячий товар. В конце концов, речь шла о нескольких тысячах переснятых страниц из личных дел вместе с относящимися к ним шпионскими делами. Уже одна лишь содержащаяся в них информация нанесла бы сильный удар по ГУР и всему МГБ и очень осложнила бы их жизнь.

Но я просчитался, упустив из виду очень важное обстоятельство. Федеральная разведывательная служба побоялась прислать курьера, и предложила вместо этого так называемый Zug-TVK, буквально «мертвый почтовый ящик в поезде», который ехал с Востока на Запад. Я, узнав об этом, мог только покачать головой. (Когда я позже рассказал об этом случае в ЦРУ, то столкнулся с удивлением и растерянностью с их стороны. Только чтобы не потерять курьера, БНД пошла на гигантский риск. Здесь, пожалуй, подошло бы изречение: больше страх, чем патриотизм). По радио мы тогда получили инструкции, какой поезд нам следовало выбрать, какой вагон, какой туалет и какой метод крепления. Я соответствующим образом подготовил материал. Все микрофиши были добросовестно упакованы, завернуты в черную фольгу и обмотаны несколько раз шпагатом и рыболовной леской, чтобы пакет был гибким при креплении. Поезд, о котором шла речь, должен был проехать по территории ГДР из Западного Берлина в Кёльн.

Кому из нас двоих предстояло провести эту операцию? Собственно, такой риск это мужское дело, но Хельга за это время уже поняла, что дорогой Господь Бог дал мне две левые руки и две левые ноги. Потому она настояла на том, чтобы взять все дело в свои руки. В конце концов, в этой операции на карту была поставлена жизнь и смерть нас двоих.

Когда мы незадолго до операции проверили расписание поездов, чтобы решить, где Хельге следовало войти и снова выйти, мы не поверили своим глазам. Поезд, о котором нам сообщили, был поездом межзонального сообщения, который следовал по территории ГДР вообще без остановок. Я ужасно испугался. Что это за партнеры, на которых я положился? Ни малейших признаков профессионализма. Или же это была проверка? Мне следовало действовать самостоятельно и при этом очень быстро. Если обещанный материал не попадет в Пулах, нас, вполне возможно, просто бросят на произвол судьбы. Но мы уже довольно далеко зашли и подозревали, что на наш след уже вышли. Я хорошо знал свою «контору». Потому я попросил Хельгу отправить по условному адресу телеграмму и строго внушил ей писать по возможности четкими печатными буквами, потому что ясно понимал, что оригинальный бланк телеграммы попадет на стол почтового контроля Штази. У меня в то время еще и мысли не было, что условный адрес уже хорошо известен контрразведке, потому что БНД не сочла необходимым сообщить мне, что наши письма вскрывались, и потому условный адрес был раскрыт. Очевидно, они хотели сэкономить свои силы при поиске нового адреса. Как выяснилось впоследствии, дело

обстояло еще абсурднее. Условного адреса вообще не существовало. Это был так называемый адрес для отсылки за выехавшим адресатом. Но телеграммы не отсылались, а отправлялись назад. И внезапно на столе у контрразведки оказался все это дело, с оригинальным почерком в том числе.

Я за это время подыскал в расписании новый поезд и выбрал тот, который следовал из Лейпцига в Мёнхенгладбах. Но тут появилась следующая проблема. Только после того, как горячий товар был бы надежно спрятан в определенном туалете поезда, мы смогли бы с уверенностью проинформировать другую сторону, чтобы она в месте прибытия вынула посылку. В противном случае была вероятность, что поезд бы переформировали или при следующем случае снова использовали на маршрутах внутри ГДР. Не говоря уже о том, что было бы, если бы таможенники ГДР обнаружили пакет во время интенсивных проверок при въезде. Поэтому требовалось снова отправить телеграмму, но уже на другой условный адрес, а для надежности мы решили еще и позвонить брату Хельги, чтобы в закодированном виде сообщить ему номер поезда и номер вагона.

Итак, Хельга взяла микрофиши и в ноябре отправилась в Лейпциг. Сразу после отхода поезда она посетила туалет. От меня она получила четырехгранный ключ, которым можно было открыть крышку на потолке туалета. За ней находилась шахта с трубами для воды и отопления. Книзу, в направлении рельсов, шахта была открыта. При моей знаменитой неловкости пакетик наверняка бы выскользнул у меня из рук и упал на пути. Но Хельга хладнокровно укрепила его на одной из труб и снова закрыла крышку. Как выяснилось, крышку, очевидно, очень долго не открывали, потому что туча хлопьев сажи вылетела оттуда и запачкала все туалетное помещение. Хельге пришлось пожертвовать частью своего нижнего белья, чтобы почистить помещение, чтобы никто ничего не заподозрил. Выйдя в Эрфурте, она проинформировала своего брата и меня, после чего я послал телеграмму. Сыщики Штази тоже получили на свой стол эту телеграмму с обратной почтой, так как ее тоже невозможно было доставить, и теперь могли предполагать, о каком поезде, к примеру, могла идти речь. Они догадывались, что указанные в телеграмме сведения не верны, а другая сторона должна была, основываясь на них, используя определенный ключ, что-то добавить или отнять, но теперь у них уже были конкретные исходные данные. Они уже радовались возвращению соответствующих поездов, предполагая, что другая сторона не получила сообщение и поэтому совсем ничего не знала о передаче. Когда поезда межзонального сообщения, которые они подозревали, возвращались назад в ГДР, техники МГБ разбирали каждый туалет каждого вагона вплоть до отдельных деталей. Гигантская акция - но без успеха. Дублирование передачи информации через брата оказалось великолепной идеей.

Если нам, в конечном счете, удалось успешно провести эту щекотливую акцию и убедить тем самым Федеральную разведывательную службу в серьезности нашего материала, то другой, довольно банальный процесс оказался для нас серьезной проблемой. У Хельги была слабость к отшлифованному вручную горному хрусталу. Она собрала маленькую, но серьезную коллекцию, а так как наш уход был уже близок, она не хотела оставлять лучшие куски образцы жандармам из Штази. Как раз в это время, как мы позже узнали, осуществлялась большая операция почтового контроля «Адлерфлуг» («Полет орла»), направленная против нас, в ходе которой подверглись проверке ни много, ни мало, 460 тысяч почтовых отправлений. При сравнении почерков охотники на шпионов вышли, таким образом, на имя Хельги и на ее адрес. Но чтобы действовать наверняка, они сначала 20 декабря запросили оценку эксперта по почеркам. Слава Богу, было время Рождества, причем самого настоящего Рождества, с сильным морозом и снегом, а к тому же и с новогодними отпусками. Только 3 января 1979 года поступила экспертиза отдела 32 оперативно-технического сектора (ОТС). В ней говорилось, что Михновски, Хельга,

являлась вероятным автором текстов телеграмм на западные условные адреса. Теперь началась захватывающая охота.

Но все же нам помогла зима 1978 года, одна из самых холодных и самых снежных зим за последние десятилетия. Значительные части территории ГДР были непроходимы, тонули в хаосе, частично было нарушено энергоснабжение, на севере Национальной народной армии приходилось целыми днями чистить от снега заметенные деревни, используя танки-бульдозеры. До Оберхофа едва ли можно было добраться, отели оставались закрытыми до наступления нового года. Так как даже в Министерстве государственной безопасности не хватало зимних шин, только 20 января удалось организовать необходимую командировку в Тюрингский Лес, чтобы проверить Хельгу Михновски, допросить и при необходимости арестовать. Но к тому времени птички уже упорхнули. Товарищи смогли лишь детально задокументировать свою неудачу.

Доклад

о командировке 19. - 23.01.1979 г. в окружное управление Зуля

Командировка происходила под руководством заместителя руководителя Второго главного управления товарища полковника Клиппеля. Цель командировки состояла в решении следующих основных задач:

1. Введение контрольных мер и мероприятий перепроверки лица Михновки, Хельги и ее сына перед возобновлением ею работы 21.01.1979 г. в «Интеротеле Панорама», Оберхоф.
2. Проведение дальнейших конспиративных разведывательных мероприятий по Михновски и ее связях с использованием официальных и неофициальных средств и возможностей с целью конкретизировать уже наличествующую оперативную информацию и выработать последующие оперативные указания, для более подробного и точного выяснения установочных данных ее знакомого в Берлине.

Для этого следующие детальные политико-оперативные мероприятия должны быть реализованы окружным управлением Зуля:

- Перепроверка архивных данных в картотеке и срочное принятие специфических контрольных мер в отделах II и VI или М и 26 окружного управления Зуля и ПЦФ (отдела борьбы с почтовой контрабандой) окружного управления Эрфурта, а также районного управления Бад Зальцунгена по отношению к лицу Михновски, Хельга, род. 20.05.1937 г., и ее сыну Михаэлю, род. 30.07.1961 г., а также к ее уже известным связям

a) К ***, прож. 8633 Рёденталь/ФРГ, ***.

b) К ***, прож. 62 Бад Зальцунген

c) Г ***, прож. 62 Бад Зальцунген, ***

d) К ***, прож. 62 Бад Зальцунген, ***.

- Проведение особых мероприятий отделом М или отделом ХХ, таких как проработка наличествующих почтовых документов (посылочные квитанции и подлинники телеграмм) в Оберхофе, так как отдел 32 ОТС в Берлине нуждается в образцах почерка, которые писались при тех же условиях, что и телеграммы; контроль особой почтовой отправки (внутренняя и международная почта) из Оберхофа, в частности, из отеля «Панорама».

В окружном управлении Зуля тов. полковником Клиппелем были 19.01.1979 начаты и реализованы следующие мероприятия при поддержке заместителя по оперативной работе, тов. полковника Шторха:

- Перепроверка всех сообщений НС отделов II и VI с целью установить, какая информация есть о М. и ее связях. Какие наличествующие НС еще могут что-то сообщить по М.? Есть ли у М. автомобиль? Обширная разработка расположения и устройства квартиры; создание системы разработки – у кого есть ключ, подготовка к конспиративному проникновению в квартиру. Проверка отпуска в 1977/78; и, возможно, предварительных заказов номера М. в гостинице «Панорама» и в «Интеротеле» Берлина. Проверка всех въездов к лицу К ***, ФРГ, включая однодневные поездки. Проверка талонов для контрольных часов М. на предприятии, чтобы установить формально, совпадают ли данные об ее отсутствии с данными ее пребывания в Берлине.

- Немедленное установление связи с НС «Йохеном Ассманном» через отдел II. НС знаком с М. по общей профессиональной деятельности. Цель состоит в получении подробных данных о знакомом М.

Уже 19.01.1979 были получены следующие частичные результаты:

- Контрольные меры по линии «М» начаты
- Перепроверка архива показала, что по лицу Л *** (разведенный супруг Г ***) существует архивное дело. К лицу К *** было установлено, что с 29.6.78 был начат процесс Е.
- Сообщения НС по М., полученные от «Тило» и «Пауля» есть в распоряжении отдела VI. Тем не менее, эта информация подтверждает только уже известные сведения.
- НС «Шилль», «Херрманн», «Иника» и ОСБ «Буш» отдела VI знают М. и сообщали о ней в прошлом в устном и письменном виде.

Еще в тот же день было на основании расположения квартиры М. обсуждено, чтобы держать квартиру под контролем.

Эти мероприятия были реализованы при поддержке ОСБ «Буша» (бывший кадровый сотрудник окружного управления, теперь пенсионер) 20.01.1979, с 10.00 ч. Также был задействован отдел VIII. В то же время было проведено мероприятие А отдела 26 с подключением к номеру 648 (квартирный телефон Хельги М). Мероприятие В не могло быть реализовано сразу, так как необходимый специалист окружного управления Зуля, отдела 26, не находился в распоряжении.

Со стороны отдела VI поступила информация, что НС «Бернд» (руководящий служащий «Интеротеля Панорама») сообщил, что 16 или 17.01.1979 он позвонил сыну М. и спросил об его матери. Сын ответил, что знает адрес, по которому находится мать, и что если что-то понадобится по службе, он может ей передать информацию.

С отделом VIII были согласованы задачи по наблюдению, если М., возможно, с ее знакомым или ее сын будут замечены в ее квартире в Оберхофе. Конкретно было указано, если М. уедет из Оберхофа, известить по номеру 2202 (ОКР Второго главного управления) под условным обозначением "Поездка" и продолжать наблюдение до Берлин-Шёнефельд.

Тем самым до 20.01.1979, в 13.00, были начаты самые важные контрольно-проверочные мероприятия, чтобы при появлении М. в ее квартире с помощью мероприятия А установить возможную телефонную связь с ее берлинским знакомым или обеспечить наблюдение при возможном отъезде М. из Оберхофа.

20.1.79, в 13.20., два товарища из Берлина доложили тов. полковнику Шторху по безотлагательному вопросу, касающемуся расследования. Один товарищ представился как ответственное лицо отдела кадров ГУР, а другой товарищ как сотрудник Девятого главного управления.

Товарищи сослались на то, что они срочно ищут некоторое лицо (имя не назвали), которое они должны опросить по безотлагательному делу. В следующей беседе выяснилось, что речь идет о лице М ***, Х. и она связана со случаем измены Штиллера.

Начиная с этого момента, велся фильм, фиксирующий ситуацию о следующих мероприятиях и выработанных результатах.

20.01.1979

13.45 ч. Через ОКР Второго главного управления о ситуации был оповещен начальник отдела 5, тов. подполковник Мюллер.

14.15 ч. Звонок тов. генерала Отто, имел вопросы по личности М., Х.

16.30 ч. Отдел. VI, тов. подполковник Кнеспель информирует, что директору «Интеротеля» позвонил сотрудник К ***. К *** получил от Михновски из Мюнхена телеграмму со следующим текстом: «Все хорошо приехали. Всего наилучшего, ваша Хельга».

17.30 ч. Указание тов. генерал-майора Кратч: лицо К *** пока не опрашивать. К *** установить, мероприятие А начать и просмотреть телеграмму у директора.

18.15 ч. Выемка писем из домашнего почтового ящика М. проведена. Результат: найдены газеты, начиная с 15.1.79.

19.20 ч. Консультация с отделом. VI, просмотреть АОПК К *** с точки зрения, что могло быть выдано или кто мог быть предупрежден?

20.15 ч. Указание тов. генерал-майора Кратча; К *** срочно нужно опросить с ведением протокола.

21.35 ч. Обширное содержимое почтового ящика включало:

- 1 письмо сестры Х. Н ***, 784 Зенфтберг, ***, проштемпелеванное 15.1.79 в Зенфтенберге

- 8 журналов: «Юнге Вельт» и «Фрайе Вельт» от 15.-18.1.1979

- 1 квитанция на посылку.

22.00 ч. Указание тов. генерала:

Проведение конспиративного квартирного обыска в жилище М.

При проработке архивного дела К *** выяснилось, что в 1975, по поводу прощального тоста, им одному НС было упомянуто, что у него есть кузен, являющийся полковником государственной безопасности. В дальнейшем было обновленное указание от более поздней даты, что у К *** есть кузен в органах государственной безопасности в Эрфурте, подполковник. Жена подтвердила это.

21.01.1979

00.05 ч. Введение местного контроля въезда к лицу К *** и его жене / ФРГ.

01.45 ч. Опрос – К *** - окончен.

09.20 ч. Звонок тов. полковника Мёллера, требуются:

- отпечатки пальцев М. из ее квартиры,

- написанные от руки документы сестры.

09.45 ч. Оценка опроса – К ***:

- Уже примерно один год М. постоянно в ее свободные дни уезжала, в большинстве случаев в Берлин, часто в Галле, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт, Дрезден.

- Последнее совместное пребывание с М. было в пятницу, 12.1.79.

- Телеграмма из Мюнхена была взята через один день из ее домашнего почтового ящика.

- М. звонила Керну 15., 16. или 17.1.79 из Галле из-за своего заказа автомобиля.

11.00 ч. Через участкового оперуполномоченного народной полиции в Оберхофе было обеспечено, чтобы никакая информация о АВВ в верховном дворе застрахованный, что

никакая информация не просочилась через народную полицию, чтобы важнейшее сообщение не попало в окружное управление народной полиции.

11.30 ч. В Главном управлении были собраны следующие материалы и переданы особым курьером:

- Криминалистические улики в форме отпечатков пальцев М. и ее сына.
- Подписка о неразглашении – К *** от 21.01.1979.
- Протокол опроса – К *** от 20.01.1979.
- Оценка лица М *** от 17.3.78 и личных данных о брате и сестре в ГДР.
- Фотокопия письма М. к К *** / ФРГ от 19.3.73.
- 1 оригинальное письмо от 15.1.78, отпр.: Х. Н ***, 784 Зенфтенберг, ***.
- Ксерокопия регистратуры паспортно-регистрационного бюро о К ***, ***, 23.4. ***,
К ***, ***, род. ***, 15.1. ***,
К ***, ***, 20.12. ***,
К ***, ***, род. ***, 27.11. ***.

12.07 ч. Телефонный разговор с - К *** велся - госпожой Ф ***.

14.00 ч. Вскрытие и просмотр вернувшейся к М. посылки. Содержание: 4 хрустальных предмета, таможня не разрешила их вывоз и вернула отправителю (получатель К ***, ***, в 8633 Рёденталь/ФРГ).

14.10 ч. Районное управление Бад Зальцунгена сообщает, что отцом сына М. является лицо ***, род. 2.9.19 *** дипломированный инженер, выписался в 1976 в Дрезден.

14.30 ч. Переговоры с тов. полковником Шторхом:

- Никакие телеграммы пока не поступали,
- Телефонные разговоры: К *** осведомлялся, доехал ли уже Вернер до «Панорамы».
- НС «Диана» сообщила, что жена директора просила М. шить ей одежду.
- Мероприятие «М» (входящие и исходящие) начато по Обердорфу и лицах К *** - М *** - К *** и жителей дома 26.
- Лица Р ***, ***, род. 21.3. ***, Бад Зальцунген, *** и К ***, ***, род. 21.9. ***, Тифенорт, ***, посещались в 1974 К *** / ФРГ.
- Почтовые отправления с отличительными признаками проверяются в рабочей группе министра.
- Личное дело М *** (ксерокопия) было передано тов. Кнеспелю, начальнику отдела VI.
- У НС «Бернда» мероприятие «А» проводится с 22.1.1979.

16.18 ч. Информация отдела VI о НС «Бернде»:

НС по телефону говорил с сыном М. 11.01.1979, а не, как раньше указывалось, 16. или 17.01.1979.

17.40 ч. Информация руководителя отдела VI, тов. Кнеспеля:

При полете в Варшаву 1-4.12.1977 М *** сопровождала нижеупомянутая, а также еще два неизвестных мужчины, западногерманские граждане:

М ***, ***, род. 2.1.19 ** в Лейпциге, создательница игрушек.

Тов. полковник Клиппель приказал отправлять дальнейшие запросы по этим гражданам ФРГ тов. полковнику Вильке, тел. 77/711.

18.15 ч. Оценка сообщения от 20.01.1979 НС «Дорис Альсманн»:

- С 1972 знакома с М. лично по общей работе в «Интеротеле».
- Связь М. с западногерманским гражданином Х ***.
- К *** в 1977 взял займы у М. 1000 марок.
- М. владела коричневым замшевым пальто.
- Последним знакомством М. был мужчина из Берлина. М. познакомилась с ним в отеле. Она часто ездила к нему и много раз с восторгом говорила о нем. Ему было примерно 33-35 лет, и он якобы работал в министерстве на высокой должности; он с удовольствием ушел бы оттуда и переехал в Оберхоф. Последняя поездка М. состоялась на Рождество

1978. В этой поездке М. сообщила НС, что ее знакомый работает в Берлине в Министерстве внутренних дел.

19.45 ч. Информация отдела VI:

Сын М. был замечен в последний раз в 18.01.1979 по месту жительства. Около полудня он с двумя чемоданами сел в красно-коричневое такси.

20.15 ч. Тов. полковник Клиппель возвращается в Берлин.

21.00 ч. Товарищам из отделов VI и XI поручено провести опрос лица К ***, ***.

21.03 ч. По указанию тов. полковника Клиппеля произведено конспиративное проникновение в квартиру М. При появлении М. и ее сына их нужно сразу задержать.

22.01.1979

00.10 ч. Составление промежуточного доклада об опросе К ***, *** и сообщения об этом тов. генералу Кратчу.

09.10 ч. Тов. полковнику Мёллеру предоставлено подробное описание личности М. и ее сына.

По телефонному указанию тов. полковника Клиппеля подписавшийся 22.01.1979, в 10.30 ч., был отозван назад в Берлин.

Были начаты еще следующие оперативные мероприятия, о которых был проинформирован руководитель отдела II, тов. Шиндлер. Он должен отправить результаты НА 11/1.

1. Опрос лица М ***, род. 2.1. ***, прож. в Зоннеберге.

2. Опрос ученика слесаря локомотивов К ***, ремонтное депо железной дороги в Майнингене.

3. Мероприятия перепроверки портного ***, прож. в Бад Зальцунгене.

Майор Кемпе

(BStU, MfS, XV / 5660/85 «Борсте», Bl. 268-274)

Второе главное управление/5

Берлин, 8 февраля 1979 г.

Сообщение

ЦОП «Танне» - дело «Борсте»

В рамках начатой НА II/5 по линии М операции по розыску «Нетц» («Сеть») отделом М Берлина было обнаружено подозрительное с разведывательной точки зрения письмо с почтовым штемпелем от 22.08.1978, 20.00 ч.

Адресат:

Госпожа Х. Больцинг

D-3352 Айнбек

Недденштрассе 75

Отправитель:

Г. Мёллер

DDR 102 Берлин 2

Проведенные проверочные мероприятия показали, что по имеющимся сведениям это письмо может быть предварительно подготовленным письмом БНД. Экспертиза отдела 34 подтвердила это подозрение доказательством использования типичного для БНД шифра (129 пятизначных групп).

Начатые мероприятия:

- Перепроверка и регистрация условных адресов в ЦОП «Танне» («Ель»).
- Введение почтового контроля писем и посылок по адресу в масштабах республики.
- Поиск этого адреса в рамках уже текущей операции по розыску «Адлер» («Орел») отделом М в Берлине.
- Поиск отделом М по почерку по имеющемуся образцу вписанных шпионом цифр среди отправляемых из Берлина писем.

Вторая отправка по тому же адресу была обнаружена в ходе операции «Адлер» во время выемки почтового ящика «Алекс» (старый универсальный магазин «Центрум», Александерплац) 21.09.1978.

В ящике находились всего 251 последующее почтовое отправление, опущенные в ящик в период времени с 11.00 до 16.00 ч. Письмо преступника не открывалось, и было дальше переслано в ФРГ. Исходя из места отправки, была выдвинута версия, что «Борсте» работает или живет в районе площади Александерплац.

Начатые мероприятия:

- Документация выемки из почтовых ящиков и перепроверка писем по цифрам «Борсте».
- Учет по картотеке отправителей частных почтовых отправлений и проверка почерков взрослых членов семьи, через регистратуру паспортных столов по данным цифрам.
- Проведение интенсивного поиска следующих линий почтовой переписки шпиона в выемках из почтовых ящиков.

05.10.1978 снова в почтовом ящике «Алекс» было найдено подозрительное по внешним признакам письмо:

Адресат:

Фриц Хаак

Карлсбадер Штрассе 2

D-6478 Нидда 1

Отправитель:

Рольф Хеккер

Карл-Маркс-Аллее 11 а

102 Берлин 2.

На этот раз в выемке из почтового ящика находились следующие 82 отправления, опущенные в ящик в период времени между 16.00 и 20.00 ч.

Оперативно-техническая обработка письма отделением 34 доказала применение шифра (165 групп цифр), идентичного с шифром в письме на условный адрес Больцинг.

Выработанная прежде версия, что «Борсте» работает или живет в районе Александерплац и, вероятно, занимается экономическим или политическим шпионажем, получила тем самым дальнейшее подтверждение.

Начатые мероприятия:

- Перепроверка и регистрация условного адреса в ЦОП «Танне», а также проведение почтового контроля писем и посылок.
- Проведение мероприятия «Флуг» («Полет») отделом М по почтовому ящику «Алекс» при одновременном сокращении времени выемки писем, начиная с 21.11.1978.
- Документация отправлений, перепроверка по написанию цифр преступника и включение отправителей в сравнительную картотеку.

26.10.1978 следующее письмо, отправленное на условный адрес Больцинг, попало в наши руки.

Сначала оно находилось в числе писем, принятых почтамтом 102 Берлина, Ратхаусштрассе, среди прочих 2353 почтовых отправлений из находящихся там двух почтовых ящиков за период с 14.00 до 19.30 ч. Письмо преступника не открывалось, и было дальше отправлено по адресу.

Начатые мероприятия:

- Документация 2353 почтовых отправлений и сравнение написанных от руки цифр.
- Перепроверка отправителей в сравнительной картотеке двух до сих пор наличествующих выемок и внесение в картотеку новых появившихся отправителей частных отправлений.
- Проведение соответствующих мероприятий для будущего разделения почтовых выемок из двух ящиков почтамта 102 и сокращение интервалов выемки.
- Ускорение мероприятия «Флуг» по ящику «Алекс» и проверка возможности проведения мероприятия «Флуг» в почтамте 102 и перепроверка почерков семей отправителей с помощью регистратуры паспортно-регистрационного бюро.
- Распространение мероприятий по отслеживанию цифр на сферу деятельности ПЦФ Берлина.

Повышенная активность была продемонстрирована «Борсте» 13.11.1978.

Снова в почтамте 102 Берлина она опустила для отправки два письма с шифром по известным адресам Больцинг и Хаак.

Оба письма находились среди 2700 отправлений в общей выемке писем почтамта за период с 15.00 до 19.00 ч.

Начатые мероприятия:

- Документация общего объема выемки писем из ящиков и проверка почерка на них по цифрам.
- Внесение частных отправителей в сравнительную картотеку.

04.12.1978 при обработке исходных подлинников телеграмм почтамта 102 была обнаружена телеграмма, сданная 30.11.1978, 10.00 ч. на условный адрес Больцинг со следующим текстом:

«К сожалению, не могу исполнить желание - плацкарта не выдается гражданам ГДР. Пожалуйста, отвечай поскорее – С приветом, Гизи».

Указанный отправитель был идентичен с отправителем предписанной почтовой линии на данный условный адрес. От почтамта адресата Нидда 1 еще в день передачи пришло обратное сообщение, что доставка телеграммы не возможна, так как получатель и номер дома по указанному адресу неизвестны.

Начатые мероприятия:

- Расширение проверки почерков в отделах М и ПЦФ на впервые полученный образец печатного почерка преступника.
- Перепроверка всех написанных от руки документов клиентов почты за этот день, которые были сданы на окошках почтамта 102 (почтовые переводы, почтово-чековые переводные бланки, чеки, заказные отправления, посылочные квитанции и т.д.)

- Перепроверка почтовых служащих, которые принимали телеграмму, в направлении, можно ли к ним обращаться под легендой, чтобы получить сведения об отправляющем лице.

В результате перепроверки было решено отказаться от этого по соображениям безопасности.

08.12.1978 новая телеграмма на условный адрес Больцинг с тем же самым почерком была обнаружена при перепроверке исходных подлинников телеграмм.

Телеграмма была сдана 07.12.1978 в 19.45 ч. в почтамте 1055 Берлина, Мариенбургер Штрассе.

Текст был таким:

«Хельга отправила документы для поездк 7.12 в 10.30 ч. в Лейпциге
С большим приветом, Гизи».

В связи с текстами обеих телеграмм были выдвинуты следующие версии:

- «Борсте» 07.12.1978 в скором поезде Лейпциг-Мёнхенгладбах, время отправления по расписанию 10.29 ч., заложила в поездной тайник важные сообщения для разведки.
- Или поступили документы на въезд для его курьера / инструктора для отправки.
- Шпион живет в секторе, ограниченном улицами Димитроффштрассе, Грайфсвальдер Штрассе, Пренцлауэр Аллее и Хайнрих-Роллер-Штрассе, в районе Пренцлауэр Берг, а работает в районе Митте, или наоборот.

Начатые мероприятия:

- Принимая во внимание, что условного адреса «Больцинг» не существует, и БНД, вероятно, еще не знает о телеграмме, 07.12.1978 вагоны этого поезда Федеральной железной дороги с 11.12 по 13.12.1978 были осмотрены в Лейпциге и Франкфурте-на-Одере в поисках предполагаемого тайника. Тем не менее, полный тайник не был обнаружен. Обследование багажного вагона еще ожидается, так как он до сих пор не въехал снова в ГДР.
- Учет всех предстоящих въездов граждан ФРГ и Западного Берлина в Берлин-Пренцлауэр Берг и Лейпциг, на основе материалов народной полиции, 11./13.12.1979.
- Поиск по почерку автора текста телеграммы в картотеке паспортно-регистрационного бюро «Пренцлауэр Берг» отдела М Берлина.
- Перепроверка по почерку собранных и новых поступивших почтовых документов почтамтов 1055 и 102 Берлина по тому же образцу почерка отделом М Берлина.
- Легендированное установление контактов и беседа с почтовой служащей, которая принимала телеграмму, для получения словесного портрета отправителя. Беседа не дала никаких полезных сведений.
- Проведение поиска по почерку отделом ПЦФ Берлина 22.12.1978.

В середине декабря 1978 радиоперехватом было отмечено значительное увеличение интенсивности передач радиослужбы БНД, предназначавшихся для радиопозывного 688. Сравнение этого факта с делом «Борсте» указывало на возможную их связь, и могло указывать на вывод, что речь может идти о важном шпионе, действующем в политико-экономической области.

19.12.1978 отдел М передал подозрительный по почерку материал (4 заполненных посылочных квитанции) от почтамта 1055 Берлина, а также один материал из регистратуры паспортно-регистрационного бюро и одну фотокопию письма с признаками почерка «Борсте» на исходном подлиннике телеграммы.

Эти почтовые документы за ноябрь / декабрь 1978 года были отправлены следующим лицом:

Михновски, урожд. Кросс, Хельга

род. *** в ***

место жительства: Оберхоф, Вальдштрассе 26

Место работы: официантка в «Интеротеле Панорама», Оберхоф

На основании этих выводов письма преступника «Борсте», включая телеграммы от 20.12.1978 для сравнения почерка были переданы отделу 32 ОТС.

Результат этого исследования был указан в экспертном выводе 78.1803 от 03.01.1979, который гласил, что Михновски

- вероятно, является автором рукописного текста двух представленных телеграмм и
- как автор шифрованного текста (группы цифр), вероятно, не может приниматься в расчет.

Исходя из результатов исследования и на их основании впервые сделанного вывода, что речь может идти о двух преступниках, была выдвинута версия, что Михновски

- за прошедшее время переехала в Берлин
- или часто останавливается у родственников или знакомых в Берлине.

Полицейская регистрация ее в Берлине не могла быть установлена. У 16 установленных в Берлине людей по фамилии Кросс, которые могли состоять, возможно, в родственных отношениях с Михновски, не было обнаружено никакого сходства почерков с почерком из преступного материала.

Для дальнейшего выяснения и уточнения этого вывода 11/12.1.1979 отделом VI окружного управления Зуля и с его поддержкой было проведено расследование по делу Михновски в Обердорфе, включая получение следующих образцов почерка.

Важный результат расследования:

- Михновски вдова, и у нее уже примерно год есть друг в Берлине, который якобы работает в Министерстве химической промышленности в исследовательской сфере. Она посещает его в Берлине, насколько часто позволяет ей ее свободное время.
 - При более ранних посещениях в Оберхофе он приезжал на голубовато-сером «Вартбурге», теперь он водит "Ладу 1500". Адрес своего друга она до сих пор не раскрывала.
 - Михновски находится в отпуске до 21.01.1979, так как отель из-за непогоды закрыт, и в настоящее время пребывает в Берлине.
 - В 1977 году отделом VI аэропорта Шёнефельд была сделана фотокопия записной книжки Михновски, она содержит три берлинских адреса.
 - Есть несколько общих сообщений отдела VI о разговорах М. с ее проживающим в ФРГ братом ***, в D 8633 Рёденталь, которые она вела во время его приездов к ГДР.
- Полученный в Зуле материал рукописных текстов (личное дело из отдела кадров, копия письма, записная книжка) Михновски был передан 16.01.1979 снова отделу 32 для уточнения первого вывода. В результате этого исследования подтвержден экспертный вывод номер 79.0078 от 18.01.1979, что Михновски
- вероятно, написала две телеграммы, однако, случайное совпадение написания букв не может быть абсолютно исключено
 - вероятно, не писала тексты цифр (в шифрованном письме).

Известные по именам три поддерживающие связь с Михновски лица в Берлине были установлены, и их почерк проверен с результатом, что у лица

***, *** род. *** в *** место жительства: 1055 Берлин, ***

присутствует сильное сходство почерков с цифрами «Борсте». Согласно регистрации в регистрационной картотеке народной полиции он является политическим сотрудником Союза свободных немецких профсоюзов. Соответствующие мероприятия по приобретению последующих образцов почерка этого лица начаты (Шестое главное

управление, народная полиция, картотека регистрации автомобилей, выяснение и перепроверка жителей дома для получения полезных источников).

11.01.1979 отдел М Берлин нашел в общей выемке писем одно подозрительное письмо.

Адресат:
Семья Карл Фандрай
D-3450 Хольцминден

Отправитель:
Райнер Франц
102 Берлин
Карл-Маркс-Аллее 19

с почтовым штемпелем Берлин 10, 79-19. Дата письма «маскирующего» текста была 14.12.1978. В дальнейшем было установлено, что по этому адресу уже 13.12.1978 (почтовый штемпель) от автора с тем же почерком поступило письмо для отправки. Оба письма прошли оперативно-техническую обработку в отделе М.

15.01.1979 отдел 34 подтвердил, что письма от 23.12.1978 и 04.01.1979 имеют тайнопись и код. Установленные шифры обоих писем (64 и 99 пятизначных групп) однозначно принадлежали «Борсте».

На основании этих исключительно активных действий шпиона и данных высказываний о вероятном авторстве почерка писем Михновски при обосновании результатов дознания об ее личности были проведены следующие мероприятия, учитывая версию, что ее друг проживает в районе улицы Мариенбургер Штрассе.

1. Учет запаркованных в этом районе легковых автомобилей "Лада 1500" (номер) и перепроверка владельцев этих транспортных средств по их почерку и профессии (инженер-химик).

2. Контроль отъезжающих скорых поездов Берлин-Майнинген для выяснения, находится ли среди пассажиров поезда Михновски, и прощалась ли она при отъезде с мужчиной. Оба мероприятия не привели к положительному результату.

Перепроверка полученных к отправке писем почтамта 1055 отделом М привела 18.01.1979 к обнаружению двух писем Михновски от 16.01.1979, адресованных ***, в D-8633

Рёденталь с адресом отправителя в Оберхофе.

Оба письма без какого-либо дополнительного текста содержали:

- 8 фотографий для паспорта Михновски, Хельга
- 4 фотографии для паспорта Михновски, ***
- по одному заявлению на получение водительского удостоверения для вышеупомянутых людей

Отправитель: Райнер Франц 102 Берлин, Карл-Маркс-Аллее, 19

- 1 удостоверение об участии в обучении организации «Немецкого Красного креста» на имя Михновски, Хельга
- 4 приходных кассовых ордера (почтовый перевод) каждый на 1000 М для ***
- Справка *** о кредите в размере 200 ДМ (запад) с ее счета для Хельги.

Проводившимся ПК через *** 19.01.1979 была перехвачена видовая открытка (Обердорф) с почтовым штемпелем Берлин 10, 79-1.

Содержание текста:

«Самые сердечные привету к отпуску, если их так можно назвать, шлет вам
Ваша Хельга.

До конца месяца я свободна. Отель закрыт».

Автор письма мог однозначно быть идентифицирован как Михновски.

Из содержания обоих писем Михновски ее брату 16.01.1979 следует, что она активно готовится к незаконному выезду из ГДР.

Поэтому тов. полковником Клиппелем 19.01.1979 были начаты широкомасштабные мероприятия для дальнейшего получения информации о Михновски, «Борсте», и для предотвращения предполагаемого нелегального перехода границы.

Майор Шрёдер

(BStU, MfS, XV / 5660/85 "Borste", Bl. 275-283)

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ «ШАКАЛА» В ГДР

После того, как документы прибыли в Мюнхен, все внезапно начало происходить действительно быстро. Очевидно, у БНД теперь испарились все сомнения в подлинности ее двойного агента. В следующей радиограмме был снова описан очередной тайник. Все же, как я вынужден был убедиться, место для него было избрано не особенно разумно: ниша под тротуарной плиткой на наружной лестнице перед Старой Национальной галереей на Музейном острове. Здесь крылись два опасных момента. С одной стороны, курьер при создании и закладке тайника мог попасть под наблюдение, а с другой стороны, я подвергался риску в момент его опустошения, так как за местом могли следить. Кроме того, это могло привлечь внимание слишком многих людей в этом хорошо обозреваемом месте. Я выбрал самое раннее утро. Холодная зима опять пришла мне на помощь. При двадцати градусах мороза все стремились находиться в тепле, а возможного наблюдателя я легко бы узнал по белому пару изо рта. Я смог беспрепятственно изъять новую передачу, которая снова была запаяна в черную пластиковую пленку. Содержание ее включало заграничный паспорт ГДР с многоразовой выездной визой для всех иностранных государств, а также желтой карточки регистрации въезда и выезда и справки об обмене валют, которые также требовались для перехода границы. Приложенное письмо в незашифрованном виде разъясняло условия. Мне следовало в Магдебурге сесть на скорый поезд из Берлина в Ганновер, выйти в Ганновере и подойти к эротическому кинотеатру на вокзале. Там бы со мной встретились. Но потом следовало: лишь когда я прибуду в Ганновер, можно будет начинать эвакуацию Хельги и ее сына.

Было 13 декабря. Я вызвал Хельгу в Берлин, у нее, к счастью, было несколько выходных дней. От вокзала Лихтенберг мы отправились напрямик к «Бургу». Там я дал ей прочитать письмо и увидел, как ее руки начали дрожать, и лицо становилось все бледнее. Она, очевидно, опасалась того же, что и я: другая сторона при случае могла бы решить бросить их. Прежде чем я сказал хоть что-то, Хельга собралась с силами и заявила: - Иди ты, мы последуем потом за тобой. Я восторгался ее мужеством, но не хотел принять, однако, этой жертвы. Хельга находилась так же глубоко в этом деле как я сам, она взяла на себя такой же риск, или даже еще больший. Могло быть только одно решение: мы должны уходить вместе. Это не обсуждалось. Не полагаясь на сложные письма по сомнительным условным адресам, Хельга позвонила своему брату и сообщила ему в замаскированной форме наше однозначное решение.

16 декабря, в субботу, я снова приехал в «Бург», чтобы в одиночестве спокойно поразмышлять над возникшим положением и обдумать возможные шаги. Сначала я более

внимательно просмотрел документы для поездки, переданные мне БНД. Паспорт ГДР, кажется, был в порядке, но в нем отсутствовали отметки о предыдущих въездах и выездах. То есть, это был новый, ранее не использовавшийся документ. Но этому не соответствовали дата выдачи паспорта и дата получения выездной визы, так как они отнюдь не были новыми. Толковому сотруднику паспортного контроля это могло показаться подозрительным. Сотрудники подразделений паспортного контроля на пограничных переходах хоть и носили форму пограничных войск, но на самом деле все были сотрудниками Шестого главного управления МГБ и были соответствующим образом хорошо обучены. Вслед за тем я сделал еще одно ужасное открытие: Как цвет глаз был написан в паспорте «серый», хотя мои глаза были отчетливо коричневого цвета, почти даже темно-коричневые. Наконец, моя желтая карточка регистрации въезда и выезда тоже не выдержала бы более тщательной проверки. Так как я регулярно по несколько раз в месяц отправлял своих НС на Запад, я имел о ней представление. Присланная мне карточка была старого образца, который уже не использовался. О да, после неудачи с первым тайником в поезде, мое доверие к способностям пуллахцев уже порядком пошатнулось. С такими документами я, вероятно, приземлился бы прямо в тюрьме. Может, они специально рассчитывали на мое разоблачение, после того как получили первую поставку материала? Может, я слишком много уступил им?

Как раз вопрос паспорта был для меня важен, я долго им занимался. Ходили слухи, что на выездных визах ставили секретные защитные знаки, которые были известны только служащим паспортного контроля, и которые периодически менялись, как пароли. У меня были очень близкие дружеские отношения с нашим соседом по дому Гюнтером Либхеном, капитаном МГБ и начальником подразделения паспортного контроля пограничного перехода на берлинской Хайнрих-Хайне-Штрассе. Мы вместе провели несколько летних отпусков в Прерове на Балтийском море, и я на нудистском пляже выманил у него много деталей организации пограничной охраны и проверки паспортов. Тайных защитных значков не существовало, я это знал, но мне также было ясно, как добросовестно на границы принимали во внимание каждую деталь в паспортах. Ничего другого мне не оставалось, как снова искать собственный выход. Я вспомнил, что у меня был еще дипломатический паспорт, который я использовал для поездки в Хельсинки, он лежал в моем сейфе для деловых бумаг, так как его до сих пор никто назад не потребовал. С ним я мог бы уехать когда и куда угодно. Вот его я и хотел попробовать использовать.

Мне следовало как можно быстрее проинформировать Пуллах о новой ситуации. Но к последней тайниковой передаче не прилагались никакие новые предписанные письма, куда я мог бы вписать свое сообщение с помощью тайнописи, а письма из первой передачи были уже израсходованы. Поэтому я написал в незашифрованном виде трогательное письмо бабушки своему внуку на западе по поводу близкого Рождества. Это была мудреная затея, так как одни профессионалы не должны были раскусить истинный смысл послания, а другие профессионалы, напротив, должны были суметь его понять. В качестве адреса отправителя я выбрал дом престарелых для функционеров СЕПГ в Берлине. Используя в письме договоренные слова, я предложил дать мне четыре недели отсрочки для перехода, так как мне сначала нужно было найти собственные способы, и еще раз настаивал на гарантиях для Хельги и ее сына. Теперь днем X должно было стать 18 января 1979 года. Этот день я выбрал обдуманно, так как это был четверг, а в пятницу утром согласно очередности были предусмотрены два часа занятий спортом, потому по-настоящему рабочий день начинался только около десяти часов утра. Только тогда бы обнаружилось мое отсутствие. Это дало бы еще несколько часов дополнительной форы для Хельги и ее сына.

Так началось ужасное время ожидания, совпадавшее с Рождеством и Новогодним праздником 1979 года. Я до сих пор не понимаю, как мне удалось тогда оставаться внешне спокойным и не дать никому заметить что-либо необычное в моем поведении. Вероятно, я в душе уже подвел окончательную черту, потому что я либо вскоре бы ушел, либо был бы мертв. Если бы мои прежние действия всплыли на поверхность, смертной казни я бы не избежал, это мне было совершенно ясно. Но именно без риска ничего нельзя было достичь.

Зима 1978/79 года была самой холодной и самой тяжелой на моей памяти. Незадолго до Рождества температура резко упала с пятнадцати градусов тепла до двадцати градусов мороза всего за несколько часов. Только что шел дождь, и внезапно все покрылось скользким льдом. К этому добавился бесконечный снегопад. Движение по дорогам прекратилось почти полностью, и многие дни только немногие осмеливались выйти на улицу. МГБ тоже значительной частью было парализовано. Разумеется, радиоперехват по-прежнему функционировал, и он зарегистрировал 20 декабря 1978 года возобновление передач для шпиона с позывным 688. Федеральная разведывательная служба не считала необходимым за это время сменить радиопозывной. Однако, из-за праздников, к счастью, только 2 января дошло до анализа обработки по делу «Борсте». Теперь, исходя из сравнения разных образцов почерка, они пришли к выводу, что в деле замешаны два преступника. Мое письмо с незашифрованным текстом, написанное в середине декабря, было выловлено из почты и обработано, но затем на него 4 января все же поставили почтовый штемпель и отправили на Запад. Так как в нем не было обнаружено признаков использования средства для тайнописи, контрразведке о нем тоже не сообщили. Только когда я много лет спустя прочёл об этом, мне стало понятно, как невероятно мне тогда повезло.

Мой план предусматривал выезд 18 января сначала в Прагу - в зависимости от погоды машиной или поездом. Для въезда туда не требовалась виза, лишь удостоверение личности, а в моем письменном столе их было несколько с моей фотографией, но на различные имена. Оттуда тогда я с дипломатическим паспортом вылетел бы в Федеративную республику. Это казалось совсем простым. Поэтому я подал заявку на 18 января на одну из моих обыкновенных командировок в Галле и Карл-Маркс-Штадт, откуда я официально должен был вернуться во второй половине 19 января. Это должно было создать свободу действий для вывоза Хельги и ее сына.

Но все случилось иначе. За неделю до запланированного дня Х мой руководитель реферата Петер Бертаг зашел в мою комнату и самодовольно спросил: - А ну-ка, рассказывай, с каких пор ты тайком катаешься в Западный Берлин? Всё, подумал я, вот и всё. Впрочем, ухмылка на его лице заставляла предположить какой-то двойной смысл в вопросе, потому я с легкомысленным видом ответил: - Там на Кудамме есть одна шлюшка, из-за которой я, к сожалению, потерял голову. Петер ухмыльнулся. - Ну, тогда возвращай поскорей свой диппаспорт, пока ты ничего от нее не подхватил. Я попросил прощения: - Мне жаль, я просто-напросто забыл его вернуть. Затем я подошел к сейфу для документов, и, изобразив длительное копанье в куче хранившихся там паспортов, вынул его и передал ему. Петер исчез с ним в кабинете начальника отдела.

Я сидел как окаменевший в своей комнате. Мой запасный выход был отрезан. Или все еще хуже, может, они меня разоблачили, и тут же последует мой арест? Когда я вскоре после этого еще раз встретил Петера в холле, он, однако, проворчал только: - Разгильдяй! Очевидно, упущенный мною возврат паспорта был замечен только в ходе рутинной канцелярской проверки, и более глубоких причин требования возврата не было. У меня было, скажем так, счастье в несчастье, впрочем, несчастье состояло в том, что у меня

больше не было надежного пути для выезда за рубеж. И так, мне все-таки пришлось бы воспользоваться переданным мне БНД фальшивым загранпаспортом ГДР. Но карточку регистрации въезда и выезда мне в любом случае следовало заменить новой. Для этого у меня был свой план. Также я надеялся на то, что контролеры на границе предположат во мне выездного НС и проявят некоторый задаток доверия по отношению к «коллеге».

Вскоре после этого мне угрожала следующая неприятность. У нас всех были служебные пистолеты марки AP-9 венгерского производства, и я в такой напряженной ситуации очень хотел бы держать пистолет поблизости. Оружие хранилось в закрывавшемся каждый день служебном сейфе соответствующего офицера. Теперь в январе поступило новое распоряжение о том, что оружие нужно сдавать для хранения на центральном складе оружия. Причина не называлась, но ходили слухи, что в последнее время произошло сразу несколько случаев самосуда и самоубийств с применением служебного оружия. Однако в середине января состоялась ежегодная демонстрация памяти убийства Розы Люксембург («свобода это всегда свобода инакомыслящих») и Карла Либкнехта. Во время ее МГБ должно было обеспечивать безопасность партийного и государственного руководства на пути к кладбищу социалистов в берлинском районе Фридрихсхайн. Как свежееизбранный секретарь партийной ячейки нашего отдела, я хотел идти впереди, показывая всем хороший пример того, что на меня можно положиться даже в самый жуткий мороз. Мы получили для этой операции наши пистолеты. Когда спектакль закончился, я остановился на пути домой и засунул оружие в снег. На следующий понедельник на пистолете появилась небольшая ржавчина. Ответственный за хранение оружия, увидев это, скривился от отвращения и отказался принять пистолет, потребовав от меня основательно его почистить. И так, я снова взял его с собой.

Время не терпело. Я больше не мог откладывать день моего ухода, так как на 20 января должен был прибыть для встречи мой НС «Клаус» из ядерного научно-исследовательского центра в Карлсруэ. На предыдущей заявленной встрече у лодочного причала Цюрихского озера он не появился. Наш инструктор зря ждал его. Вместо этого в почтовой открытке, отправленной в конверте на оговоренный условный адрес, он сообщил, что его уличила ревнивая жена, что она что-то пронюхала о нем. Это значило, что за ним наблюдали, то есть, что он уже попал под прицел ведомства по охране конституции. Если бы агент сообщил об этом на официальной встрече в ГДР в присутствии моих начальников, был бы большой шум, и сирены тревоги завывали бы на самых верхних этажах. Неизбежно последовало бы более глубокое расследование моей работы, чтобы установить, не было ли каких-то ошибок или неосторожности с моей стороны. Такой оборот меня действительно никак не устраивал.

Но время торопило еще по другой причине. В конце января меня должны были на полгода послать в районную партийную школу ГУР в Бельциг для повышения квалификации в теории марксизма-ленинизма – обязательной аттестации на пути к должности руководителя реферата. Однако это означало мою абсолютную изоляцию, это было бы пребывание в интернате среди сотрудников МГБ, без малейшего шанса неподконтрольного контакта с внешним миром. Там я бы оказался в абсолютной ловушке.

За три дня до 18 января я покинул свой дом около шести часов утра, как обычно. Моя машина стояла на стоянке рядом с другими служебными автомобилями. Но что это? Там стояла еще и машина западногерманского представительства в ГДР. Я мало что смог разглядеть в темноте, но машина не была пустой. Я осторожно широко расставил указательный и средний пальцы на левой руке: Victory! После этого я взялся за скребок. Когда я очистил ветровое стекло от льда, другой машины уже не было. Пуллах хотел удостовериться, что я еще на свободе.

Мы долго ждали знака из Пуллаха, как теперь должна была происходить эвакуация Хельги и ее сына. Для них до сих пор не пришли никакие документы. Когда, наконец, долгожданная радиограмма прозвучала, это снова был холодный душ: БНД настаивала на том, что сначала на Запад должен был попасть один я, но обещала, что сразу после этого устроит вывоз их обоих, все будет подготовлено. Вывоз должен был осуществиться через третью страну.

Теперь больше не помогало никакое промедление. Все становилось слишком горячим. Хельга и ее сын с вещами приехали в Берлин в понедельник 15 января. Мы увиделись только на очень короткое время. Они вдвоем сели на ближайший поезд до Варшавы, куда в то время тоже можно было ездить без виз с удостоверением личности. Я инструктировал их разместиться там в маленьком, неприметном пансионе, где не уделяют особое внимание формальностям при регистрации. Еще перед моим уходом на Запад нам следовало созвониться, чтобы я точно знал, где они поселились. Там тогда с ними установила бы контакт западная сторона и устроила бы все остальное. Мы расстались в надежде, что все каким-то образом сложится хорошо.

Впоследствии мы задним числом узнали, что в тот момент всё сорвалось. Курьер БНД, верный ХСС «журналист», регулярно приезжавший в страны Восточного блока, приехал в Варшаву с двумя фальшивыми паспортами. Там он должен был оставить все это в камере хранения. Но уже после въезда он заметил, что его собственные въездные документы внешне сильно отличаются от тех, которые Федеральная разведывательная служба передала с ним для Хельги и ее сына. Штемпели, удостоверяющие въезд, не соответствовали, отсутствовали обязательные для туристов гостиничные штемпели и справка об обмене валюты государственного туристического бюро ORBIS. С такими документами они оба могли бы только провалиться. Он самостоятельно решил, что уничтожит эти плохо изготовленные документы и возвратится как можно скорее. Все же, когда, наконец, были изготовлены лучшие документы, пурга занесла снегом Варшавский аэропорт. Никто не знал, что произойдет дальше.

ПЕРЕХОД

Последние недели моего пребывания в МГБ я был занят тем, что как можно незаметней собирал самые важные материалы, которые хотел забрать с собой. Это были указания на западных агентов, важные служебные документы и документы под грифом «секретно». Часть их я спрятал на Мариенбургер Штрассе в нише над потолком кухни моей конспиративной квартиры, а те, наличие которых у меня я мог оправдать служебными потребностями, сберегал в служебном кабинете.

И вот наступил четверг, 18 января, мой день X. Мои коллеги считали, что я нахожусь в командировке на юге республики, а я собирал свои вещи в «Бурге» и уничтожал все, что могло вызвать хоть какие-то подозрения. Здесь я также принял самую последнюю радиограмму из Пуллаха. Вечером, когда по моим расчетам все коллеги ушли домой, я подъехал к министерству, но, впрочем, оставил машину на соседней улице. На пятом и шестом этажах новостройки ГУР вдоль Франкфуртер Аллее, где размещались служебные кабинеты моего отдела, все окна были темны. У дежурного офицера я взял ящичек с ключами от служебных кабинетов отдела. В этом не было ничего необычного, так часто поступали, если необходимо было заняться какими-то срочными служебными делами. Таким путем я попал и в кабинет начальника отдела, где в сейфе хранились особенно интересные документы. Я охотно взял бы и их с собой, но этот стальной шкаф был

крепким и прочно установленным, а попытка открыть его с помощью молотка и зубила произвела бы слишком большой шум. Зато проще оказалось разобраться с сейфом секретарши, в котором тоже было кое-что интересное. Он свободно стоял в помещении, так что я перевернул его, поставил на ребро и смог потом открыть его, как это порой приходилось делать и с нашими собственными металлическими сейфами, когда кто-то забывал ключи. Здесь я нашел то, что было нужно: карточки регистрации въезда и выезда, которыми следовало дополнить мой поддельный паспорт. Однако не только это: я обнаружил в сейфе также служебную заявку на тайную передачу груза через КПП на вокзале Фридрихштрассе, специальные пропуска, разрешающие пребывание в приграничной зоне и соответствующие загранпаспорта. С такими документами я мог появиться там в качестве сотрудника МГБ, а также бесконтрольно перенести с собой через границу кейс. Это сразу показалось мне лучшим вариантом бегства.

При последующем поиске в шкафу я попал еще на другие важные документы, в том числе список материалов, в котором содержалась поступившая в последнее время с Запада разведывательная информация. Я упаковал всё, что казалось полезным и еще могло поместиться в мою сумку. Закрыв все кабинеты, я вернул ящик с ключами дежурному офицеру и любезно с ним попрощался.

По дороге к Фридрихштрассе я еще раз остановился в моей старой конспиративной квартире, чтобы заполнить формуляр заявки для «особого служебного задания» и дополнить его поддельной подписью. На вокзале Фридрихштрассе я воспользовался затем «служебным входом». Кратко нажав на расположенную сбоку кнопку звонка, я обратил на себя внимание. Занавес в служебном помещении отодвинулся в сторону, и показалась голова в офицерской фуражке. Я прижал служебное удостоверение к стеклу окошка. Прозвучал зуммер, и дверь открылась. Помещение за ней было несколько больше. Справа лестница вела наверх к кабинетам дежурного персонала МГБ, который занимался пограничным контролем. Там стояли также мониторы, с которых наблюдали за всеми платформами. Я знал об этом от коллег. Прямо коридор шел к следующей двери без ручки, за которой находилась уже транзитная часть вокзала, с которой поезда ехали на Запад. На левой стороне помещения находился барьер вроде прилавка, за которым сидел капитан в форме пограничных войск, являвшийся, тем не менее, сотрудником нашего Шестого главного управления. Все теперь зависело от него. Я предъявил формуляр на служебное задание, служебное удостоверение, специальный документ на пребывание в пограничной зоне и особый заграничный паспорт. Однако капитан заинтересовался только заполненным мной белым формуляром заявки на служебное задание. Он рассматривал бумагу довольно долго, а потом спросил: - И ты думаешь, что служебная заявка заполнена правильно? На какой-то момент у меня остановилось дыхание, но я ответил как можно более спокойно: - Но мне-то откуда это знать, ее заполняла секретарша, а мой начальник расписался. Собственно, там все должно было быть в порядке!

- Нет, не в порядке, - настаивал товарищ капитан. - С 1 января действует новая служебная инструкция, по ней в заявке нужно обязательно указывать и суть служебного задания. Как видно, ты, похоже, собираешься перенести и оставить там чемодан. Итак, должно быть вписано: «собственная оперативная работа», а в скобках: «передача груза через границу»! Я возразил: - Знаешь, наша секретарша такая тупая, что ей понадобится дождаться следующего нового года, пока до нее это дойдет.

- Хорошо, - прозвучало из-за «прилавка», - на этот раз я тебя еще пропущу. Однако, расскажи об этом в своем отделе, чтобы в следующий раз все было по правилам. Он шлепнул на бумагу выездной штампель и с зуммером открыл мне дверь, ведущую в «западную часть».

Самый важный барьер был преодолен. Последнюю опасность представляли мониторы. Я двинулся в сторону метро, потому что оно находилось под западноберлинским управлением. Эта линия метро связывала юг и север Западного Берлина, проходя без остановок под Восточным Берлином с его закрытыми для входа и выхода «станциями призраков». На ней была лишь одна открытая для входа и выхода станция на восточной территории – здесь, на Фридрихштрассе Городская электричка, наоборот, была под контролем ГДР, и использование ее показалось мне слишком рискованным. Я спрятался на платформе, насколько это удалось, за опорной колонной. До этого момента всё шло по правилам МГБ, потому что сотрудники, занимавшиеся передачей груза через границу, должны были здесь смешиваться с прибывающими пассажирами, а потом бежать с ним назад в направлении выхода, чтобы оставить там что-то в камерах хранения, что они якобы должны были бы снова забрать на обратном пути. Однако в действительности у западных агентов были запасные ключи для соответствующей ячейки, и они могли, таким образом, при следующем случае забрать себе оставленный для них материал, не въезжая при этом официально в ГДР.

Следующий поезд ехал в направлении севера, что было мне очень на руку, так как я хотел как можно скорее добраться до аэропорта Тегель, чтобы оттуда вылететь прямо в Мюнхен. Поезд прибыл вовремя. Однако я не присоединился к прибывающим, а при звонке сигнала об отправлении сначала снова зашел за мою колонну, а потом уже быстро заскочил в первое купе. Поезд двинулся. Если сейчас дежурные на вокзале Фридрихштрассе подняли бы тревогу, они все еще могли бы включить красный свет до того, как поезд достиг бы территории Западного Берлина. Однако поезд притормаживал только на замурованных «станциях призраков» а затем двигался дальше. Когда он остановился в первый раз, мне в глаза бросился щиток с названием станции «Райникендорфер Штрассе». У меня получилось.

ПРИБЫТИЕ В НОВЫЙ МИР

Когда я, наконец, примерно в 22.30 прибыл в аэропорт, оказалось, что авиарейсов в ФРГ этим вечером уже не было. На кассе мне сказали, чтобы я подошел завтра. Но у меня не было времени ждать. Мне необходимо было срочно сообщить БНД, что я беспрепятственно прибыл в Западный Берлин со всеми документами, чтобы они оттуда сразу же занялись подготовкой эвакуации Хельги и ее сына. Поэтому я решил пойти в полицейский участок в аэропорту, чтобы попросить их немедленно связаться с Федеральной разведывательной службой или с ведомством по охране конституции. Когда чуть позже там появился сотрудник западноберлинского земельного ведомства по охране конституции, я открылся ему: - Я офицер Министерства государственной безопасности ГДР и как раз перешел сюда из Восточного Берлина. Сообщите обо мне, пожалуйста, БНД в Пуллахе. Меня там ждут. Как доказательство я положил на стол свое служебное удостоверение. Между тем в кабинете появился и ответственный за безопасность французский офицер, так как согласно статусу Западного Берлина аэропорт Тегель находился во французском секторе – то есть, под властью военной комендатуры французов. Теперь дело пошло. Он привел с собой двух сотрудников французской секретной службы (внешняя разведка), и они тут же начали расспрашивать меня о шпионах ГДР во Франции, обещая в зависимости от моей готовности к сотрудничеству свою дальнейшую поддержку. Я передал им материалы на НС «Шпербера», которые были у меня с собой.

Затем к ним присоединились сотрудники полиции государственной безопасности Западного Берлина, главный комиссар уголовной полиции и другие военные. Обсуждение шло громко и на разных языках, пока меня, наконец, не провели к ожидавшей машине, которая с эскортом быстро привезла меня в полицей-президиум на Темпельхофер Дамм, то есть, в американский сектор. До начала опроса мне предложили что-то выпить, и я высказал свои пожелания по поводу напитков. Я попросил холодного пива и большую стопку водки. Но это вдруг оказалось проблемой для полицейских, потому что водку им сначала пришлось купить на ближайшей заправке. В Министерстве госбезопасности это было бы совсем иначе. Между тем я смог позвонить брату Хельги, который со своей стороны для надежности еще раз проинформировал о моем переходе Федеральную разведывательную службу. Затем полиция государственной безопасности еще пожелала, чтобы я раскрыл им свои материалы и предоставил данные об агентах ГДР в Западном Берлине. Но я объяснил, что никаких срочных мер не требуется, а всё остальное я улажу с БНД.

После полуночи три американца, наконец, забрали меня и отвезли на квартиру в Далеме, где сотрудник ЦРУ сделал мне интересное предложение. Сейчас я находился в американском секторе. Если бы я попросил предоставить мне убежище в Соединенных Штатах, то уже через несколько часов меня бы вывезли в Америку на самолете. Судя по характеру беседы, это было сказано совершенно серьезно. Американская разведка, очевидно, очень заинтересовалась моей информацией и как раз была готова переманить меня у западногерманских партнеров. Но все же я еще должен был сначала позаботиться о бегстве Хельги, а в этом вопросе все ниточки сходились именно в Пуллахе.

Ранним утром мы сели в Тегеле на первый регулярный рейс компании «Пан Америкен», летевший через Нюрнберг в Мюнхен. Мой чемодан с документами всегда был при мне, и я никогда не выпускал его из рук. После взлета в Тегеле самолету предстояло пролететь над территорией ГДР. Мне стал немного не по себе. Что, если контрольный пункт на Фридрихштрассе заметил мое бегство и уже поднял тревогу? Можно ли было принудить самолет к промежуточной посадке в Лейпциге или Эрфурте? Но вот поступила информация из кабины экипажа: «Мы только что пересекли границу около Фульды».

После промежуточной посадки в Нюрнберге я наслаждался чудесным видом нового мира. Как раз дул фён, теплый ветер, благодаря которому при взгляде из иллюминатора открывалась необычайно далекая перспектива. Я узнал вдали Альпы. Оба мои сопровождающие из берлинского бюро Федеральной разведывательной службы были очень рады возможности побывать на родине и с восторгом рассказывали мне о традиционных баварских вареных белых сосисках, которые я непременно сразу должен был попробовать.

После посадки мы вышли первыми из самолета, и нас сразу же провели к группе машин, где нас ждал Фолькер Фёртч, в то время одно из самых высокопоставленных ответственных лиц в Федеральной разведывательной службе, с несколькими коллегами. На короткое время меня привезли в отель «Шератон», чтобы я смог принять душ, а затем под сильной охраной отвезли прямо в Пуллах.

СНТ

Берлин, 19 января 1979 г.

ДОКЛАД О СИТУАЦИИ

Об обоснованном подозрении в дезертирстве с использованием украденных пограничных документов старшего лейтенанта ШТИЛЛЕРА, Вернера, род. 24.08.1947, сотрудника Главного управления разведки, отдела XIII,

18.01.1979

Состояние дела:

07.50.

19.01.1979 тов. капитан доктор Бертаг, руководитель реферата 1 отдела СНТ/XIII, зайдя в свой служебный кабинет - комнату 510 - установил, что стальной сейф находился не на своем месте, дверная ручка висела книзу, и были видны признаки повреждения на сейфе. Рядом с сейфом лежали два больших металлических зубила, которыми насильственно пытались открыть сейф. На двери служебного кабинета не было обнаружено никаких следов насильственного вскрытия.

07.52.

Тов. капитан Бертаг, руководитель реферата отдела XIII, сообщил о случившемся товарищу начальнику отдела XIII, подполковнику Яуку.

07.55

Сообщение тов. Эшбергер, секретаря руководителя отдела XIII, что ее сейф, комната 508, был обнаружен насильственно открытым.

08.10

Тов. подполковник Яук доложил об этом инциденте руководителю СНТ, тов. полковнику Фогелю. Это сообщение было сразу передано руководителем СВТ начальнику штаба, тов. полковнику Шульце. Оба отправились для проверки в это служебное помещение. Первая проверка показала в итоге, что из стального шкафа секретаря были изъяты следующие документы:

1. 2 специальные служебные заявки, экземпляры 113 599 и 113600
2. 1 заграничный паспорт ГДР (используемый только для передачи груза через границу) экземпляр 00197
3. 1 пропуск для нахождения во всех пограничных КПП, экземпляр 00197
4. Список телефонных номеров СНТ (всех сотрудников) с фамилиями, и всех руководителей и приемных Главного управления разведки, без указания фамилий.
5. После проверки кассы было установлено, что в ней отсутствуют 7180 западных марок.

08.25

Доклад Главному управлению кадров и обучения о вышеупомянутом происшествии. В сотрудничестве с Главным управлением кадров и обучения отдано распоряжение о проведении следующих мероприятий:

Проверка нахождения на службе всех сотрудников отдела XIII и других отделов СНТ. В результате было установлено, что сначала отсутствовали три сотрудника отдела XIII. Тов. Стасни и тов. Мюллер находились в отпуске. Перепроверка в итоге показала их отсутствие. Не подтвердилось пребывание Штиллера.

08.40

Отдел VI начал поиски, опираясь на данные похищенных документов. Результат: с украденным документом под номером 00197 и специальной служебной заявкой под номером 113599 18.01.1979, в 21.05 лицо мужского пола пересекло границу через пограничный КПП Фридрихштрассе.

Товарищ генерал Йенике был проинформирован.

Проверка сейфа Штиллера: После первой проверки установлено, что отсутствует служебный пистолет Штиллера с магазином и 7 патронами, пистолета АП 9, номер ВЕ 4330. В настоящее время еще продолжается проверка, какие документы или материалы были похищены.

09.00

Тов. капитан Бертаг, руководитель реферата Штиллера, связался с женой Штиллера по телефону. Жена сообщила, что Штиллер звонил 18.01.79, около 17.00, и сообщил ей, что он отправляется в Дрезден в служебную командировку. Он собирался снова вернуться в Берлин 19.01.1979 во второй половине дня, чтобы вместе с ней посетить празднество вечером 19.01. Затем жена сообщила, что на вопрос Штиллера, не изменила ли она свою точку зрения относительно развода, ответила, что не изменила.

09.30

Подполковник Штройбель позвонил жене Штиллера и тоже спросил о местопребывании ее мужа. Жена Штиллера ответила на этот вопрос так же, как уже указано выше. От руководителя реферата тов. капитана Бертага стало известно, что Штиллер действительно должен был выехать в Дрезден в служебную командировку для осуществления оперативного мероприятия, запланированного на 19.01.1979, 13.00. Впоследствии было выяснено, что Штиллер это запланированное мероприятие не проводил.

09.30

Опрос сотрудников отдела XIII о пребывании Штиллера показал следующие результаты: Старший лейтенант Купфер (дежурный офицер) и тов. Петра Шульце, секретарь отдела XIII, видели Штиллера 18.01.1979, около 19.00, в служебном здании Главного управления разведки. Штиллер брал ящик для ключей от дверей отдела XIII. Примерно через 20 минут он снова появился у тов. старшего лейтенанта Купфера и вернул ему ключи.

10.15

Распоряжение о проведении отделом М почтового контроля, включая розыск писем по образцам почерка Штиллера и его жены.

10.15

Распоряжение о проведении отделом 26 мероприятия А на личном телефоне Штиллера. Подготовка мероприятия В в квартире Штиллера.

10.15

Использование специальной комиссии Девятого главного управления / 7 для обеспечения сохранности следов (комната 506, 508, 510). Точных результатов обеспечения сохранности следов пока еще нет.

11.00

Результат поиска служебного легкового автомобиля Штиллера, «Вартбург», IP 82-55: Автомобиль был найден на стоянке напротив отеля «Метрополь» и конфискован. Первая проверка автомобиля показала, что в дорожной сумке в багажнике было обнаружено несколько ювелирных изделий, таких как кольца, часы, монеты и т.д., вероятно, из золота и серебра, а также предметы личной гигиены.

Обследование автомобиля (на наличие контейнеров, тайников и т.д.) продолжается.

11.30

Телефонный звонок жены Штиллера в служебное подразделение (служебный аппарат Штиллера). Эту беседу проводил тов. подполковник Штройбель. Жена Штиллера интересовалась, исходя из двух предшествовавших телефонных звонков, что, собственно, произошло с ее супругом. Она связалась по телефону со своей золовкой в Галле и узнала, что ее супруг не останавливался у нее в Галле и не находится там сейчас.

12.00

Распоряжение о постоянном наблюдении за женой Штиллера.

14.00

Опрос сотрудников органов пограничной охраны, которые дежурили 18.01.1979 и подтверждали, что в тот же день в 21.05 лицо мужского пола с похищенными пограничными документами прошло через пограничный КПП в направлении Западного Берлина. Сотрудники, старший лейтенант Брюкнер, Мартин и старший лейтенант Пэтц, Вернер, не смогли дать точное описание внешности этого мужчины. Названные ими

приметы включают возможность, что этим лицом мог быть Штиллер. Оба заявили с уверенностью, что это лицо несло с собой портфель и чемодан средней величины.

16.20

Первый результат мероприятия А: [следует затемненный черной краской абзац]

18.00

Опрос жены Штиллера ответственными офицерами Девятого главного управления. Жена сообщила, что Штиллер поддерживает интимные отношения с официанткой в Оберхофе. Жене Штиллера известно ее имя: Хельга и ее номер телефона ***.

[следует затемненный черной краской абзац]

Других исходных данных для поиска Штиллера опрос его жены в настоящее время еще не дал.

Жена Штиллера вела себя очень заинтересованно и заявила о своей готовности содействовать разъяснению наличествующих фактов.

20.30

Следующий результат контроля сейфа Штиллера показал, что картотека парторганизации отдела АРО V / 13 похищена Штиллером и, по-видимому, также похищен список сбора членских взносов.

22.00

Следующий результат проверки сейфа секретаря руководителя, комната 508: 18 секретных документов похищено.

22.45

Следующий результат проверки сейфа секретаря руководителя отдела XIII, комната 508, показал, что похищены материалы отдела V за 1978 год.

Указания министра

Для обеспечения безопасности министерства приказано:

- Заблокировать доступ на все служебные объекты МГБ по служебному удостоверению Штиллера.
- Переустановить важные телефоны ГУР.
- Шестому главному управлению изъять из обращения документы на пересечение границы.
- Обеспечить, чтобы восьмилетняя дочь Штиллера не посещала школу или не оставалась без присмотра.
- Кроме того, проверить, можно ли поместить жену Штиллера и обоих детей на подходящем объекте МГБ, чтобы избежать угрозы мероприятий против них со стороны противника.

(BStU, MfS, HA II 36560, Bl. 8-14)

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Когда мы прибыли на объект «Каштан» близ Изара, никто по-настоящему не знал, с чего теперь следует начинать. Я больше всего беспокоился о Хельге и ее сыне. Несколько смущенно мне объяснили, что произошла неудача, срыв из-за ужасной зимней погоды. Собственно, она уже при прибытии в Варшаву должна была найти в камере хранения документы для выезда, но ячейка была пуста, как я позже узнал. Однако в БНД изо всех сил работали над решением, уверяли они меня. Я разъяснил сотрудникам БНД, что опережение по времени в сравнении с сыщиками, идущими по их следу, минимально, и

что после обнаружения моего побега их тоже можно было быстро идентифицировать. Следовало сделать всё, чтобы вытащить их из Польши, потому что между спецслужбами стран Восточного блока было налажено тесное деловое сотрудничество.

После того, как мне еще раз заверили, что они задействовали все только мыслимые рычаги, я открыл кейс и принялся вытаскивать из него мой обширный материал. Так как я сам не был в должной мере знаком с делами из сейфа секретарши начальника, мне сначала пришлось их упорядочить и классифицировать. Больше всего другую сторону интересовала идентификация неофициальных сотрудников МГБ на Западе, то есть, агентов в западногерманских органах власти, на предприятиях и в научно-исследовательских учреждениях.

После первой общей демонстрации меня попросили отсортировать и сложить вместе все документы, важные для открытия уголовных дел. Несколько позже мы через вход на улице Хайльманнштрассе попали на территорию БНД. Там уже стоял вертолет Федеральной пограничной охраны с вращающимися винтами. На вопрос, куда мы летим, мне ответили, что мы направляемся в Кёльн в Федеральное ведомство по охране конституции (БФФ), где нас уже ждали господа из Федерального ведомства уголовной полиции (БКА), чтобы начать соответствующие аресты. Восточных агентов следовало схватить, прежде чем они успеют сбежать в ГДР.

Меня, среди прочих людей, сопровождал мужчина, назвавшийся «Томасом» и представившийся моим личным куратором. Ему довелось играть эту роль еще больше десяти последующих лет. В Кёльне мы приземлились сразу после полудня. Там в зале средней величины собрались сотрудники из самых разных органов власти. Мне объяснили, что речь здесь шла только об уголовном преследовании шпионов ГДР, тема сотрудничества с Федеральной разведывательной службой вообще в данный момент не должна была затрагиваться. Присутствовали на встрече, среди прочих, президент Федерального ведомства по охране конституции Рихард Майер и шеф управления контрразведки Хериберт Хелленбройх, а также Хайнрих Шорегге из Федерального ведомства по охране конституции. Время от времени появлялись также правительственный директор Гансйоахим Тидге и специалист по контрразведке Клаус Курон, которые оба впоследствии предложили свои услуги Главному управлению разведки. Люди постоянно приходили и уходили. Федеральное ведомство уголовной полиции было представлено, в том числе главными комиссарами уголовной полиции Маром и Кюпперсом. Но над всеми, однако, возвышался Федеральный прокурор Петер Штокманн.

Выяснялась, что БНД на самом деле не передала БФФ еще ничего из уже давно поставленной мной информации об агентах ГДР. Поэтому до сих пор ничего еще не было готово, и теперь пришлось всё делать в спешке. Я продиктовал короткий протокол об известных мне людях и характере их шпионской деятельности, подписался как свидетель, и тогда голос Федерального прокурора Штокманна громко прогремел в зале: «Арест!» Герхард Арнольд, НС «Штурм», мюнхенский предприниматель в области программного обеспечения: Арест!

Райнер Фюлле, НС «Клаус», ядерный научно-исследовательский центр Карлсруэ: Арест! Гюнтер Зэнгер, НС «Хаузер», начальник отдела на кабельном заводе концерна «Сименс» в Кобурге: Арест!

Профессор Карл Хауффе, НС «Феллоу», Гёттингенский университет: Арест!

Рольф Доббертин, НС «Шпербер», ядерный научно-исследовательский центр CNRS, Париж: уже арестован французами.

Аннемари Гутшмидт, НС «Габи», секретарша в Бонне: Здесь попросил слова Шорегге из Федерального ведомства по охране конституции: - Да, господин Штиллер, с «Габи», пожалуй, немного поводили за нос их мы. Значит, так и было! Мое тогдашнее впечатление не было ошибочным. Если бы я знал это, то смог бы уже гораздо раньше и проще выйти на сотрудничество с БНД. Но там обе стороны, пожалуй, были слишком осторожны.

Так мы на первый раз прошлись по делам, в которых поставленный мной материал был достаточен для четкого доказательства их вины.

Следующими на очереди были люди, которых я лично не знал, но о которых собрал достаточно сведений на своем участке работы, исходя из попадавших ко мне отчетов коллег, чтобы сделать возможным их идентификацию. Это был написанный от руки список с 32 пунктами, который позже попал в литературу под названием «списка тридцати двух». Здесь тоже еще несколько раз гремел голос Федерального прокурора Штокманна: «Арест, арест, арест!»

В заключение речь пошла о тех людях, на которых я вышел случайно. Хотя соблюдение конспирации снова и снова подчеркивалось в ГУР как высший принцип работы, но если, например, составлялся план поездки инструктора к западному источнику, это должна была делать секретарша реферата в приемной, через которую проходили регулярно мы все. Так как я научился с некоторым трудом читать перевернутый вверх ногами текст настолько же быстро как нормальный, я легко смог запомнить некоторые имена. То же самое бывало и с делами коллеги, с которым мы вдвоем сидели в кабинете.

К вечеру все более частое урчание в желудке грозило заглушить обсуждение дел, поэтому кого-то послали купить что-то съедобное. Он вернулся с гамбургерами и картошкой фри из «Макдональдса». Я с жадностью впился зубами в то, что, по моему ожиданию, должно было быть хрустящей булочкой, но натолкнулся на нечто без консистенции и вкуса. Из гамбургера, к тому же, жир капал наперегонки с жиром от картофеля фри. С кулинарной точки зрения я представлял себе попадание на Запад совершенно иначе.

В течение следующих долгих дней появились первые сообщения об арестах, однако, все еще не было никаких сведений о Хельге и ее сыне.

Меня позднее часто спрашивали, как я все же справился с моральной дилеммой, когда выдавал агентов, которых я сам вел. Это можно понять, пожалуй, только с учетом моего большого внутреннего отчуждения от ГДР. С годами эта система стала для меня действительно отвратительной, и я все меньше понимал, как можно было без особой нужды предлагать этой системе свои услуги, особенно живя на Западе, где есть так много других возможностей. И после решения по поводу ухода для меня больше не было пути назад. Теперь не называть отдельных людей, даже если они лично были мне симпатичны, означало недоносительство о преступлении и вместе с тем соучастие, как мне со всей ясностью разъяснили в БНД. Мне еще сказали, что за шпионаж в ФРГ наказывали сравнительно мягко. Здесь никому не угрожала ни смертная казнь как в ГДР в те времена, ни двадцать лет заключения в тюрьме Баутцена. В одном случае, когда одному из агентов действительно пришлось отсидеть шесть лет в тюрьме, он после падения Стены так сказал мне во время встречи: - Я не держу на тебя зла за то, что отсидел из-за тебя, но я в обиде на тебя, что ты тогда не доверился мне. Ты знал, что я тоже терпеть не мог этих вождей СЕПГ. Я нашел бы способ перевезти тебя из Югославии в Австрию.

Следующим утром процесс продолжился. Теперь мы принялись за списки с заголовками поставленной информации за два последних года, которые я прихватил из шкафа

секретарши. В них были зарегистрированы все неофициальные сотрудники отдела, с псевдонимами и ответственными за них офицерами. Настоящий золотой запас для другой стороны. Во многих случаях из содержания переданной информации можно было непосредственно выйти на место работы разыскиваемого агента, в других случаях требовались определенные аналитические способности и дополнительные расследования.

В этом помогало особенное обстоятельство, связанное с практикой предоставления псевдонима в МГБ. Мне эта проблема была знакома по моей собственной работе. Некоторым оперативным офицерам приходилось «курировать» до ста активных агентов, все из которых получали псевдоним. Если добавлялось новое контактное лицо, то нужен был и новый псевдоним. Чтобы исключить путаницу и составить для себя маленькие «шпаргалки», офицеры охотно подбирали псевдонимы, имевшие скрытое отношение к данному лицу, будь это его место жительства или профессия. НС «Эмзиг» («Старательный»), к примеру, которого долгое время вел мой коллега по кабинету Петер Бертаг, носил настоящую фамилию Фляйсснер (от слова «фляйссиг» - «прилежный»). Агентом «Хайнфельс» («Скала в роще») был референт Министерства социального обеспечения земли Гессен Эрих Цигенхайн (буквально «козья роща»). Для начальника отдела кадров Рейнско-вестфальских электростанций Карла-Хайнца Глоке кто-то выдумал псевдоним «Бронце» («Бронза»), раз уж его фамилия означала «колокол». Это было удивительной небрежностью для секретной службы, и для упомянутых лиц это обстоятельство теперь оказалось роковым.

ЭВАКУАЦИЯ ХЕЛЬГИ В ПОСЛЕДнюю МИНУТУ

Утром 20 января 1979 года дело Хельги сдвинулось с мертвой точки, чему поспособствовал один необычный случай. С начала 1979 года БНД возглавил новый президент Клаус Кинкель, он и взял этот вопрос под свой личный контроль. Кинкель был близко знаком с министром иностранных дел Гансом-Дитрихом Геншером, штаб планирования которого он возглавлял всего пару недель назад. Потому Кинкель попросил министра о быстрой и нетрадиционной поддержке. Геншер выдал разрешение, что Хельга и ее сын могут отправиться в посольство Федеральной республики Германии в Варшаве, и, находясь там в неприкосновенности под дипломатической защитой, ожидать дальнейшей помощи. У меня был номер телефона отеля Хельги, и я сразу ей позвонил. Ее голос звучал удивительно спокойно и уверенно, хотя я догадывался, с каким внутренним напряжением ей приходится справляться. Я оговоренными намеками попросил ее как можно быстро взять такси и поехать на соответствующую улицу, все дальнейшее она поймет на месте. Там их уже ждали. Через полтора часа поступило успокаивающее сообщение из западногерманского посольства.

Хельга вела себя очень профессионально, разумно выбрав для своего пребывания в Польше отель «Сирена». Это была гостиница самой низкой категории, и никто не заполнял здесь регистрационных формуляров, фамилию постояльца просто записывали в список, без какой-либо проверки. (Как она рассказала мне позже, это было что-то вроде почасового отеля, который молча терпели в строго католической Польше). Хельга была достаточно умна, чтобы использовать не свое правильное имя при регистрации, а назваться девичьей фамилией. Это и спасло их, так как Штази уже шла за ними по пятам. Генерал-лейтенант МГБ Кратч, который руководил охотой на нас, подтвердил мне в нашей беседе после падения Стены, что уже в день моего ухода и неудавшегося ареста Хельги в Оберхофе, ее поиск начался в Чехословакии и Польше. Мильке разбушевался и потребовал сразу арестовать их, безразлично где. В Варшаве все отели подверглись

проверке, но все же нигде в регистрационных списках постояльцев не значилось фамилии Хельги.

Но предоставление убежища в посольстве ФРГ еще далеко не решало все проблемы. В посольстве эта операция не вызвала никакого энтузиазма. Ведь если бы о предоставлении убежища стало бы известно полякам, это очень осложнило бы всю последующую работу дипломатического представительства. Хельгу и ее сына разместили в помещении с походными кроватями, которое не было видно с улицы. Кроме того, ей предстояло в любом случае еще раз ступить на польскую землю, она хотела покинуть страну, и в этот момент ее могли бы там арестовать. Снова началось время ожидания в состоянии неизвестности.

Между тем в Кёльне продолжался анализ доставленных мною сопроводительных списков материалов, который возглавили опытные криминалисты Мар и Кюпперс. Полезными при этом оказались списки партвзносов СЕПГ, которые я тоже привез, так как переселившиеся на запад шпионы или особенно «высококачественные», то есть, действующие по идеологическим мотивам западные агенты ГУР, обязательно являлись одновременно членами СЕПГ в ГДР, даже если они уже в течение долгих лет жили в Федеративной республике. Каждый месяц ответственный офицер-«куратор» должен был уплачивать взнос в партийную кассу СЕПГ за своего соответствующего агента. При этом отмечались псевдоним, номер дела и сумма. В вопросах сбора членских взносов для бюрократии СЕПГ не было шуток. Однако этим псевдонимы снова появлялись в сопроводительных списках материалов, и номер дела указывал, с каких пор упомянутое лицо действовало для МГБ. В нескольких случаях этого было достаточно для идентификации агента. Криминалистам было ясно, что время работало против них, так как параллельно к этому коллеги в МГБ круглые сутки сидели над теми же самыми материалами и анализировали, какие люди находятся под угрозой, кого нужно проинформировать, чтобы они легли на дно или даже вернулись назад в ГДР.

Под вечер 20 января мне нужен был перерыв, многие имена начали уже крутиться у меня в голове. Кроме того, на мне уже больше шестидесяти часов была одна и та же одежда, и она уже в некоторой степени пропахла потом. Мне нужна была свежая одежда. Мой персональный «куратор» привез меня в один кёльнский магазин готового мужского платья, где всего за полчаса меня полностью переодели. Всё из самых тонких ниток. Некоторые вещи из купленных тогда я все еще носил последующие двадцать лет во время моих поездок по всему миру.

Потом вечером в офисе ведомства по охране конституции я смог принять душ и переодеться. Коллеги были весьма удивлены, когда я снова появился как раз своевременно к телевизионному выпуску новостей «Тагесшау». Мой уход был самой важной новостью. «Офицер разведки ГДР перебежал со своей подругой и ее сыном в Федеративную республику. Для федеральных органов власти бегство не было неожиданным. В Федеративной республике вследствие побега некоторые подозреваемые в шпионаже лица были арестованы». Часть сообщения, естественно, была рассчитана на то, чтобы ослабить рвение контрразведки МГБ в поисках Хельги и ее сына, но Мильке разгадал этот трюк и принялся еще больше торопить своих сыщиков. Зато с другой точки зрения публикация новости полностью достигла своей цели. Как рассказывали мне позже бывшие коллеги, несколько агентов ГДР после этого сами прекратили сотрудничество с разведкой Штази, среди них были и те, с которыми разведчики ГДР только начали устанавливать контакт. Отныне было значительно тяжелее вербовать новых шпионов на Западе, так как никто не мог быть уже уверен, не разоблачит ли его когда-нибудь какой-то

новый перебежчик. До того момента подобных сенсационных случаев еще не происходило.

Наконец, мы когда-то закончили наш длинный рабочий день, и пошли еще в один кёльнский ресторан на ужин. Там нас настигло забавное сообщение. Мой НС «Клаус», работавший в ядерном научно-исследовательском центре Карлсруэ и шпионивший для ГДР, был во второй половине дня без сопротивления задержан полицейским чиновником. «Клаус», кажется, был готов к сотрудничеству с властями, поэтому полицейский не надел на него наручники и повез в следственную тюрьму. Приехав туда, полицейский вышел из машины, чтобы постучать в ворота тюрьмы. «Клаус» воспользовался моментом, тоже вышел из машины и принялся бежать. Полицейский заметил это и ринулся в погоню, но попал на лед, поскользнулся и упал. Было ли это неспособностью, случайностью или умыслом? На следующий день газеты, во всяком случае, были полны соответствующими карикатурами. Этот случай скорее развеселил меня. «Клаус» шпионил на Штази и с усердием, и со значительным умением, но он не был убежденным приверженцем системы ГДР и тем более не был ослеплен политико-идеологическими мотивами. Он был скорее авантюристом, который искал всплеска адреналина, в этом отношении он был очень похож на меня. Вероятно, это тоже было причиной для моей симпатии. (У его истории было авантюрное продолжение, но об этом позже.)

Все воскресенье продолжалась работа с анализом, опросами и допросами. Одновременно стало известно о первых случаях, в которых моим бывшим коллегам удалось своевременно предостеречь своих агентов, среди прочего, таких как Клаус Шмидт, псевдоним «Шнайдер», который шпионил в фирме «Интератом» в Бенсберге, доктор Вернер Унзельд, псевдоним «Кёлер», начальник отдела фирмы «Дегусса», и доктор Ганс-Зигхарт Петрас, псевдоним «Брокен», начальник производства на фирме «Хёхст».

Вечером 22 января первый раунд персонального анализа был окончен, и ночью мы поехали назад в Мюнхен. В понедельник утром последовал раунд опросов аналитиками БНД, преимущественно интересовавшихся структурными вопросами. Они хотели знать, как выглядит организационная структура МГБ и, в частности, Главного управления разведки, какие там существуют в настоящее время отделы, и кто там за что отвечает. Но меня больше всего волновало, как продолжится дело с Хельгой и ее сыном. Мне сообщили, успокаивая, что началась решающая фаза операции. Сразу после полудня поступило радостное сообщение, что они оба с западногерманскими паспортами, выписанными на новые имена, находятся на борту самолета авиакомпании «Финнэйр», летящего на Хельсинки. Если все пройдет по плану, они после промежуточной посадки в Гамбурге еще вечером придут в Мюнхен. На варшавский аэропорт их доставили в дипломатической машине, где они без проблем прошли выездной контроль. Поздним вечером мы все действительно смогли обнять друг друга. Последующие дни мы вместе провели в отеле «Старый хозяин» в Грюнвальде на другой стороне Изара, точно в поле зрения Пуллаха.

Второе главное управление/1

Берлин, 12.02.1979

Информация
польских органов безопасности о лице Михновски, Хельга

1. 26.01.1979 польские органы безопасности сообщили, что вечером 20.01.1979, около 20.00 ч., лицо женского пола и лицо мужского пола пешком вошли в посольство ФРГ в Варшаве.

После предъявления дежурным, находившимся в то время на посту, фотографий, польские товарищи пришли к выводу, что с большой вероятностью данными пешеходами были Хельга Михновски и ее сын ***. Примерно на двадцать пять минут позже советник посольства по политическим вопросам прибыл в посольство на легковом автомобиле. Польские органы безопасности не смогли выяснить, покинули ли оба пешехода посольство ФРГ, когда и как. Также не удалось выяснить, когда советник посольства снова покинул территорию посольства ФРГ. Польские органы безопасности считают, что пребывание советника посольства в этом месте в такое время было совершенно необычным.

Поступило сообщение, что в момент передачи этой информации 26.01.1979 есть надежные сведения, что Михновски и ее сын не пребывают в здании посольства ФРГ.

2. 05.02.1979 тов. полковник Единак сообщил, что последующие проверки показали, что Хельга Михновски и ее сын с 16.1 по 20.01.1979 проживали в отеле «Сирена» в Варшаве. В связи с этим тов. полковник Единак дал следующие разъяснения:

- М. зарегистрировалась в вышеупомянутом отеле под ее девичьей фамилией Кросс, Хельга с паспортом № ***, а ее сын как Михновски, ***.

- Отель «Сирена» является отелем нижней категории. В этом отеле постояльцы не заполняют никаких бланков для регистрации. Учет ведется лишь в соответствующих списках. В списки данные постояльцев вносит как персонал гостиницы, так и сами постояльцы.

- За это время Хельга Михновски один раз звонила в ФРГ на номер с кодом 09563.

- 19. и 20.01.1979 в ходе опроса гостиничного персонала польскими органами безопасности было установлено, что вечером 19.1 и в первой половине дня 20.01.1979 Хельга М. в нетрезвом виде пребывала в ресторане отеля. Кроме того, она привлекла к себе внимание тем, что заплатила слишком высокие чаевые.

- Михновски покинула отель «Сирена» с неизвестной целью 20.01.1979 между 13.00 и 15.00. Сведения о багаже, одежде и контактирующих с нею лицах не смогли быть обработаны польскими органами безопасности.

Подполковник Браун

(BStU, MfS NA II 38 700, Bl. 2f.)

ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ ДЛЯ ГУР

Следующим утром снова прибыли господа Мар и Кюпперс из Федерального ведомства уголовной полиции из Кёльна. Они как будто чередовались с Федеральной разведывательной службой. В течение следующих месяцев три дня в неделю принадлежали БКА и два дня - БНД. Досье, которые я привез с собой, и микрофиши, переданные еще раньше по железной дороге, содержали так много конкретных сведений, что их точный анализ потребовал слишком долгого времени. Часто имелись только неопределенные намеки на шпионов, были известны псевдонимы и сферы их деятельности из сопроводительных списков материалов, но не было настоящих имен, мест работы и адресов проживания. Все же аналитикам удавалось разоблачить

многочисленных шпионов ГДР. В целом разведка ГДР потеряла впоследствии семьдесят агентов, источников и контактных лиц, которых либо арестовали, либо они сбежали в ГДР, либо сами прекратили сотрудничество, либо даже сдались властям. В нескольких случаях началось следствие против оставшихся на западе людей, хотя состав преступления, достаточный для уголовно-правового преследования не был установлен. Однако вследствие этого они были потеряны для будущих контактов с ГДР.

Когда Генеральный федеральный прокурор Ребманн на пресс-конференции озвучил упомянутое число, это было классифицировано многими сначала как «западная пропаганда», с помощью которой западногерманская контрразведка якобы хотела продемонстрировать свои успехи и унижить МГБ. Но внутренний анализ в Штази привел к такому же результату, что доказали открытые в будущем архивы. С моим уходом непосредственно или косвенно были связаны 56 дел (см. список), 14 были выявлены благодаря широкомасштабным операциям по проверке и наблюдению и розыскным анализам ведомства по охране конституции в это время.

Другим последствием моего ухода стало то, что Штази в течение нескольких лет после этого задействовала огромные внутренние силы для контроля собственных сотрудников. Только по ГУР сохранились длинные списки лиц, подлежащих проверке, из которых следует, что прослушивание телефонов, установка подслушивающих устройств и почтовый контроль затронули даже руководящий состав разведки. В ответственном за контрразведку Втором главном управлении был даже создан новый отдел «Внутренняя безопасность», НА II/1, прозванный внутри министерства «Придворной капеллой». Прежде за такие вопросы отвечало только Управление кадров и обучения.

Взаимный скепсис привел к тому, что в министерстве стали действовать более осторожно и неоднократно страховали себя. Кроме того, для МГБ значительно труднее стало вербовать новых шпионов на Западе, так как многочисленные публикации и репортажи в средствах массовой информации в связи с моим случаем напугали потенциальных агентов. Они осознали, что, появившись в Штази новый перебежчик, их разоблачат. Разведка Штази утратила свою славу надежного бастиона. Кроме того, с новыми завербованными агентами был связан риск того, что они могли сидеть на двух стульях, то есть, быть двойными агентами. Все секретные службы знают, что заполучить двойного агента можно тогда, когда кто-то, работающий на другой стороне, чувствует, что его заслуги не признают там в достаточной мере, что ему не удастся сделать правильную карьеру. Если пообещать такому человеку, что при работе на другую систему его окружают уважением и вниманием, возможно, он даже станет героем, то вербовка, вероятно, будет сравнительно легкой. Напротив, с помощью одних только денег редко можно внедриться в центр вражеской спецслужбы. Лишь после вербовки двойного агента выявляется тогда в большинстве случаев, есть ли у данного лица также необходимая «пригодность к активной шизофрении», как я это однажды назвал.

Федеральная разведывательная служба также просила меня в течение полутора лет интенсивных опросов в Мюнхене, как можно точнее и всеобъемлюще охарактеризовать своих прежних коллег. Позже то же самое делало ЦРУ. Очевидно, они искали ненадежных сотрудников, к которым можно было обратиться и попытаться перевербовать. При этом мне приходилось давать «наводку». В одном случае я даже сам обратился к резиденту за границей. Впрочем, обе западные разведки скрыли от меня в дальнейшем, с кем из этих сотрудников им позже удалось наладить активное сотрудничество. Однако из архивов Штази я узнал, что как минимум в двух случаях предпринимались открытые попытки вербовки, которые были замечены.

Это снова усилило вездесущее недоверие. Даже мой бывший руководитель реферата, принципиальный подполковник Кристиан Штройбель, в момент моего перехода заместитель начальника отдела XIII ГУР, попал в поле зрения контрразведки, как я смог впоследствии прочитать в его досье. Следили не только за ним самим, а за всей семьей, включая дочь, которая как раз училась в Москве и встречалась там с иностранцами из западных стран. В 1986 году, когда вышла моя отредактированная БНД книга «В центре шпионажа», в МГБ тоже начался лихорадочный период. Аналитическо-контрольная группа контрразведки написала по этому поводу 18 ноября 1986 года одиннадцатистраничную совершенно секретную аналитическую записку, в которой в том числе сообщалось: «Вследствие измены Штиллера, а также целенаправленных операций и мероприятий по разработке противнику удалось получить сведения о методах работы, сотрудниках и патриотах МГБ. Следует считаться с тем, что последствия измены Штиллера действуют вплоть до современного времени, и граждане ГДР, которые были названы Штиллером в качестве контактных лиц МГБ и по-прежнему используются как выездные кадры для МГБ, представляют собой потенциальные цели для БНД». Прилагается список с 19 штатными сотрудниками и 23 неофициальными сотрудниками Министерства государственной безопасности, а также 4 официальными контактными лицами в Академии Наук ГДР, которые все еще раз подверглись серьезной проверке с большими издержками. (BStU, MfS, NA II 35 009, Bl. 230-240)

НА II

23.04.79

Обзор состоявшихся арестов, освобождений из тюрьмы, допрошенных и подвергнувшихся расследованию со стороны врага НС, а также проведенных возвращений из оперативной зоны.

Общий итог

- Среди находящихся в тюрьме 12 НС есть 3 НС, которых предатель знал лично (пункты 1, 2 и 5).

Указанные под номерами 7 и 8 контактные лица, хоть и были лично знакомы с предателем, но оперативного сотрудничества с ними у него не было. Сопроводительный список материалов является уликой против НС (пункты 3, 4 и 6). Дела (пункты 9-12) не связаны с предательством, они относятся к Акции «Анмельдунг» («Регистрация»).

- Во всех указанных процессах, за исключением пунктов 2, 9, 10 и 11, не следует ожидать суровых наказаний.

- 6 арестованных врагом НС уже снова были освобождены из тюрьмы, в т.ч. в 2 случаях под залог. 1 НС смог избежать ареста путем побега.

- В ходе расследований противником начаты еще 25 дел. Из них 9 НС уже находятся в ГДР. Из оставшихся 16 3 были допрошены противником либо дали показания по делу, один обыск дома не дал результатов.

Об остальных 13 НС противнику известны только псевдонимы (на основе сопроводительного списка материалов). Непосредственной опасности для них нет, предупреждения им переданы.

- По причине непосредственной опасности на основе вывезенного предателем сопроводительного списка материалов 8 НС (пункты 1, 2, 3, 5, 8, 9, 13 и 15) и по другим причинам опасности еще 7 НС (пункты 4, 6, 7, 10, 11, 12 и 14) были отозваны из оперативной зоны.

С 6 отзывами (пункты 19, 20, 21, 22, 23 и 24) в основном для ФРГ была подведена окончательная черта под Акцией «Анмельдунг».

- Названные западногерманским генеральным федеральным прокурором Ребманном на пресс-конференции цифры в общем и целом совпадают с данным общим подсчетом.

Общий подсчет

12 арестов – из них:

3 лично курировавшихся предателем дела

5 благодаря сопроводительному списку материалов и сведениям, полученным от предателя

4 независимо от предателя (Акция «Анмельдунг»)

6 освобождений из следственной тюрьмы

2 лично курировавшихся предателем дела

3 по сведениям, полученным от предателя

1 дело независимо от предателя (явка за границей)

9 расследований противника

Эти дела не были лично известны предателю. Уликами для них послужили сопроводительный список материалов и дополнительные сведения со стороны предателя.

В 4 случаях начато следствие.

В 8 случаях противник провел допросы.

3 опознанных НС.

По этим делам предатель привез с собой досье или данные по личностям. Начато следствие.

16 разработка противника

Еще не опознанные НС. Все дела разрабатываются противником на основе сопроводительного списка материалов с псевдонимами и описанием поставлявшейся информации. В 11 случаях начато следствие.

24 проведенных отзыва

15 дел в связи с предателем и

9 дел независимо от этого (Акция «Анмельдунг»).

В 10 случаях начато следствие.

70 дел в общей сложности

56 дел связаны с предателем

14 дел независимо от этого - Акция «Анмельдунг» или явка за границей

Обзор

I. Аресты в оперативной зоне:

1. НС «Штурм» - Арнольд, Герхард, арестован 19.01.79

Дипл. инж., руководитель и владелец консультационной фирмы в сфере электронной обработки данных в Мюнхене.

Переселился под настоящей фамилией в 1960

Член партии с 1964

НС был лично известен предателю, он вел его дело.

От жены стало известно, что «Штурм» нанял себе адвоката. Жена дала понять, что вопрос о возвращении в ГДР пока не стоит на повестке дня, т.к. по заверениям адвоката, дело «Штурма» может закончиться положительно для него.

Проживающий в ГДР шурин «Штурма» поддерживает контакт с его женой.

2. НС «Шпербер» - д-р Доббертин, Рольф, арестован 19.01.79

Научный сотрудник в CNRS, институт Блеза Паскаля

Переселился под настоящей фамилией в 1957

Член партии с 1955

НС был лично известен предателю, он вел его дело.

Брат в ГДР через одного адвоката в ГДР нанял французского адвоката для защиты. Между адвокатами поддерживается письменный контакт. По сообщениям прессы, «Шпербер» сделал частичное признание.

3. НС «Бронце» - Глоке, Карл-Хайнц, арестован 29.01.1979

Дипл. социолог, начальник отдела кадров Рейнско-Вестфальских электростанций
Гражданин ФРГ.

НС не был лично знаком с предателем, уликой послужили сопроводительные списки материалов.

«Бронце» поручил адвокату Хердегену заняться его защитой. С ним поддерживается связь через другого адвоката.

4. НС «Натан» - Бар, Альфред, арестован 19.01.1979

Дипл. инж. на Мессершмидт-Бёльков-Блом, район Мюнхена

Гражданин ФРГ.

НС не был лично знаком с предателем, уликой послужили сопроводительные списки материалов.

«Натан» лично поручил свою защиту адвокату Пётчке, последний известен отделу IX ГУР.

По первой информации адвокат оценивает вероятность успешной защиты как благоприятную:

«Натан» придерживается своей легенды – обмен опытом с западногерманским ученым, который был анонимным.

5. НС «Хаузер» - Зэнгер, Гюнтер, арестован 15.02.1979

Инж., руководитель отдела на кабельном заводе Сименс АГ,
Гражданин ФРГ.

НС был лично известен предателю, он вел его дело.

Со ставшей только сейчас известной сестрой НС в ФРГ была установлена связь через родственников в ГДР. НС «Хаузер» выбрал себе адвоката, имя пока не известно. Об его

поведении в следственной тюрьме пока нет никаких сведений.

6. НС «Рольф» - д-р Фариг, Рудольф, арестован 15.2.1979

Биолог, научный сотрудник в центральной лаборатории по исследованию мутагенности во Фрайбурге-в-Брайсгау; Гржданин ФРГ.

НС не был лично знаком с предателем, уликой послужили сопроводительные списки материалов.

Адвокат нанят его женой. Через шурина в ГДР поддерживается связь с сестрой жены НС. Об его поведении в следственной тюрьме пока нет никаких сведений.

7. КЛ (контактное лицо) «Таня» - Цилов, Майя, арестована 09.03.1979

Сотрудница в Ханза-Турист ГмбХ, Гамбург;

Гражданка ФРГ.

Предатель установил контакт с КЛ в 1976 году, несмотря на идеологические отправные точки, КЛ отказалось от сотрудничества. КЛ не поставляла материал, не было и каких-либо разведывательных средств. О состоянии КЛ в заключении и о ходе расследования нас информирует родственник в ГДР, через которого и был установлен контакт.

8. «Баум» - Мёллер, Вольф

Гражданин ФРГ; сотрудник газеты «Бильд» (по сообщениям прессы). «Баум» лично познакомился с предателем, когда в состоянии сильного опьянения в марте 1977 года на пограничном КПП Фридрихштрассе предложил свое сотрудничество. Предложение «Баума» было отвергнуто. «Баум» в 1969 году сидел в тюрьме вместе с НС «Гэртнером» и передал тогда от «Г» тайную записку. Тогда «Б» был пойман по делу «Г».

В связи с нынешним арестом нами не проводились никакие мероприятия.

Перечисленные ниже аресты НС не связаны с предателем:

9. НС «Ирис» - Гарбе, Ингрид, арестована 03.02.1979

Секретарь руководителя Политического отдела представительства ФРГ в НАТО, Брюссель.

Оперативное сотрудничество с 1967 года на политико-идеологической основе.

Причина ареста: проверка безопасности «Ирис» и при этом возможно разработка «Рудольфа» (резидента), которого отозвали еще в сентябре 1978 года. «Ирис» тогда отказалась от переселения в ГДР.

Через брата «Ирис» был выбран адвокат. С этим адвокатом контакт установил «Рудольф».

У адвоката пока не было возможности ознакомиться с делом, но он смог поговорить с «Ирис».

10. Офицер с особым поручением (ОсОП) «Штефан» - Гэблер, Зигфрид, арестован 06.03.1979

Последнее место работы: торговый служащий О. Вольф АГ, Кёльн;

Резидент НС «Уте»

«Штефан» переселился в 1964;

Член партии с 1958.

Причина ареста: возможно, направленное на данное лицо проверочное мероприятие в ходе разработки псевдонимом переселенцев (признаки для розыска).

Поведение в следственной тюрьме стойкое, показаний по оперативной работе не давал.

Через наше представительство нанят адвокат Пётчке.

11. НС «Уте» - Хёфс, Урсула, арестована 06.03.1979

Секретарь Федеральной канцелярии ХДС, гражданка ФРГ.

Жена «Штефана» с 1973;
Оперативное сотрудничество с 1972.
«Уте» сама выбрала себе адвоката, с ним установлена связь.
Поведение в следственной тюрьме стойкое. Причина ареста та же, что у «Штефана».

12. НС «Хайнц» - Копп, Фридрих-Вильгельм, арестован. 22.03.1979
Студент Боннского университета, гражданин ФРГ.
НС «Хайнц» был привлечен к сотрудничеству на политико-идеологической основе в 1974 года и предусматривалось его использование в качестве вербовщика. Из-за заболевания его жены (мания преследования) оперативная работа была в 1977 году прекращена и «Хайнца» готовили к конфронтации с противником. Он заверил, что выдержит такую конфронтацию. Возможно, сейчас «Хайнц» был арестован по показаниям его жены, данными ею западногерманским органам власти. О поведении в следственной тюрьме пока нет никаких данных.

II. Прежде арестованные, которые сейчас не находятся в заключении

1. НС «Клаус» - Фюлле, Райнер
Специалист по организации производства, зам. админ. дир., Ядерный научно-исследовательский центр в Карлсруэ Оперативное сотрудничество на протяжении 14 лет, член партии с 1977.
НС «Клаус» был лично известен предателю, он вел его дело.
После ареста 19.01.1979 и первого допроса 20.01. 1979 НС «Клаусу» удалось сбежать по пути в тюрьму.
В настоящее время находится в ГДР.

2. НС «Феллоу» - Хауффе, Карл, гражданин ФРГ, внештатный профессор Гёттингенского университета.
Предатель лично вел дело «Феллоу». Сотрудничество с 1974 года через легальные связи ГДР.
«Феллоу» с 1947 года до своего побега назад в 1952 году через одного НС сотрудничал с советскими друзьями.
«Феллоу» был арестован 20.01.1979 и, судя по внутренней информации, снова освобожден из тюрьмы.
Связи с «Феллоу» на данный момент нет.

3. НС «Йонас» - Йенсен, Петер, гражданин ФРГ.
Владелец студии звукозаписи, Гамбург.
Хотя НС не был лично знаком с предателем, последний вероятно смог получить сведения, позволяющие идентифицировать НС. У НС еще не было разведывательных средств.
Оперативное сотрудничество еще в очень слабой мере.
Об его освобождении было объявлено по радио ФРГ. Связи с «Йонасом» на данный момент нет.

4. НС «Грундманн» - Лашеналь, Франсуа, гражданин ФРГ, сотрудник отдела по связи с общественностью фирмы Бёрингер, Ингельхайм.
НС был лично знаком с предателем, он вел его дело.
С НС с 1966 года поддерживалась лишь неинтенсивная периодическая связь через Академию, поставок материала не было.
«Грундманн» был арестован 27.01.1979 и 21.02.79 выпущен из тюрьмы под залог в 200.000 марок.

В настоящее время связи с «Грундманном» нет.

5. Буш, Ульрих, гражданин Западного Берлина, служащий фирмы БЕВАГ в Западном Берлине.

Б. не был лично знаком с предателем.

Очевидно о Б. противник узнал при разработке НС «Йонаса». «Йонас» во время своих приездов в Западный Берлин ночевал у Б.

Б. был арестован 24.01.1979 и по сообщениям прессы снова выпущен на свободу 25.01.1979.

В настоящее время контакта с Б. нет.

6. Рихтер, Бернд, НС Управления разведки Министерства национальной обороны.

Физик-ядерщик в Европейском ядерном исследовательском центре в Женеве, живет во Франции.

Предатель лично не знал НС, вероятно, он смог добыть сведения о Р.

Р. был арестован во Франции 26.01.1979 и 28.01.1979 снова освобожден и выслан в ФРГ. Там он снова был посажен в тюрьму.

7. НС «Бэккер» - Кремер, Фритц, гражданин ФРГ.

Медик, бургомистр и депутат земельного парламента Баварии от СДПГ. Дело «Б» не было известно предателю. Причина ареста – проведение агентурной явки в Стокгольме в 1978 году. «Б» был арестован 30.01.79 и 19.02.1979 выпущен из тюрьмы после уплаты залога в сумме 300.00 марок.

«Б» находится по своему месту жительства в ФРГ.

III. Следственная деятельность противника

1. НС «Лоренц» - Верм, гражданин ФРГ

Дипл. метеоролог, самостоятельный консалтинг предприятий.

С предателем лично не знаком. Уликой против НС послужили сопроводительные списки материалов.

Сотрудничество под легендой Министерства науки и техники.

Передавал важный материал из разных научно-исследовательских учреждений.

Разведывательной техникой не пользовался.

10.04.1979 «Лоренц» был на агентурной встрече в Берлине и сообщил, что против него открыто уголовное дело. Был проведен крупномасштабный обыск дома – без результата.

Сейчас пытаются доказать его конспиративные действия. С НС «Лоренцом»

поддерживается связь под официальным прикрытием.

2. НС «Хабер», гражданин ФРГ.

Дипл. химик, сотрудник БАСФ, отдел экономической политики (за прошедшее время уволен из концерна). С предателем лично не знаком. Улики через сопроводительные списки материалов.

Использовался НС «Лоренцом» под чужим флагом для получения материала. Получал конфиденциальные материалы из сферы крупной химической индустрии.

Разведывательной техникой не пользовался.

Мероприятия по предупреждению представляются невозможными и нецелесообразными.

Информация прессы о допросах.

3. НС «Прокурисст» - Вайн, Рудольф, австрийский гражданин, управляющий фирмы.... в Вене.

С предателем лично не знаком. Предателю, видимо, удалось в прошлом получить сведения, позволяющие выйти на НС. Стабильное сотрудничество. Создал предпосылки для получения информации в сфере электроники. Прикрытие сотрудничеством с внешнеторговыми предприятиями ГДР. Разведывательной техникой не пользовался. По информации, полученной во время личной встречи с НС, состоялся его допрос. НС смог замаскировать свою неофициальную деятельность официальным сотрудничеством с органами ГДР.

4. НС «Зандер», австрийский гражданин, самостоятельный коммерсант, фирма... в Вене. С предателем лично не знаком. Предателю, видимо, удалось в прошлом получить сведения, позволяющие выйти на НС. Стабильное сотрудничество, под коммерческим прикрытием. Получал важные материалы в сфере электроники. Разведывательной техникой не пользовался. По информации, полученной во время личной встречи с НС, состоялся его допрос. НС смог замаскировать свою неофициальную деятельность официальным сотрудничеством с органами ГДР.

5. Перспективный неофициальный сотрудник (ПНС) «Прокоп» - Вайн, австрийский гражданин, студент медицинского факультета университета...
Сын НС «Прокуриста».
С предателем лично не знаком. Предателю, видимо, удалось в прошлом получить сведения, позволяющие выйти на НС. Сотрудничество с НС в начальной стадии. Разведывательной техникой не пользовался. По информации НС «Прокуриста» «Прокоп» признался в сотрудничестве с МГБ. Пока никаких мероприятий против него не осуществлялось. Он находится на свободе, и не подписывал никаких обязательств. Адвокат нанят.

6. НС «Цаймер», австрийский гражданин.
Инженер-испытатель, самостоятельное инженерное бюро в...
С предателем лично не знаком. Как бывший научный сотрудник фирмы НС «Зандера», можно предположить разработку противником.
Сотрудничество на материальной основе по легенде промышленного консалтинга предприятий ГДР.
До сего времени поставлял в основном интересный материал.
Разведывательной техникой не пользовался.
По личной информации от НС, состоялся его допрос.
Об уровне показаний пока ничего не известно.

7. НС «Эмзиг», австрийский гражданин.
Социолог, начальник отдела в Академии Австрии.
С предателем лично не знаком. Предателю, видимо, удалось в прошлом получить сведения, позволяющие выйти на НС.
Сотрудничество было направлено на его развитие до роли вербовщика. До сего времени поставлял лишь материал среднего качества из области научной политики в Австрии.
Разведывательной техникой не пользовался.
По личной информации от НС, состоялся его допрос.
О подробностях показаний пока ничего не известно.

8. ..., гражданка ФРГ
Секретарь фирмы Райнметалль Дюссельдорф.
С предателем лично не знакома. О Б. стало известно противнику во время разработки дела «Бронце».

С Б. контакта с нашей стороны не было. Она была лишь знакомой «Бронце», поддерживавшего с ней интимные отношения с целью возможной вербовки в будущем. Б. не могла знать об этой цели.
Б. находится в розыске в ФРГ с 23.02.1979.

9. НС «Зэнгер»

Доцент университета в Билефельде, физик.

Переселился под настоящей фамилией в 1955.

Член партии с 1947.

С предателем лично не знаком, уликами послужили сопроводительный список материалов и списков членов партии (псевдоним «Зэнгер»).

З. подвергся допросу двумя сотрудниками БКА из Бонна 23.02.1979. Его попросили оказать содействие расследованию дела «Фюлле». НС это пообещал.

НС «Зэнгер» остается в оперативной зоне; связь поддерживается. Мероприятия по обеспечению безопасности дела проведены.

IV. НС, которых знал предатель, и в отношении которых пока не зафиксировано действий со стороны противника

1. НС «Габи», гражданка ФРГ, секретарь в ...

Предатель лично вел ее дело, ее досье предатель забрал с собой.

До сего времени еще не было стабильного сотрудничества. Материал пока был лишь среднего качества.

На конец февраля по телефону была договорена встреча, но на встречу она не явилась. Разведывательной техникой не пользовалась.

2. НС «Шихт», гражданин ФРГ, инженер на...

Предатель запросил уже сданные в архив микрофиши и взял их с собой во время побега.

НС поставлял хорошую информацию из сферы своей деятельности с 1970 по 1973.

После тяжелого ранения в результате автокатастрофы связь была прервана.

Никаких мероприятий.

3. НС «Фауст», итальянский гражданин, предприниматель в ...

У предателя было досье НС в сейфе.

НС на договорной основе финансировал переселение НС «Шпербера».

С 1976 года связь с НС «Фаустом» не поддерживается.

Пока никаких действий со стороны противника. НС предупрежден. Встреча состоялась 26.03.1979.

Разведывательной техникой не пользовался.

V. НС, указанные под псевдонимами и названиями полученной от них информации в вывезенных предателем сопроводительных списках материалов, которые не могут быть идентифицированы противником.

1. НС «Гаттерманн», сотрудник в...

Действий со стороны противника пока не выявлено.

Предупрежден об уровне опасности II, уничтожение всей разведывательной техники.

Противник знает псевдоним «Г», предполагает НС в «Обществе по защите окружающей среды и защите от радиации».

2. НС «Шуккерт» в Западном Берлине
Действий со стороны противника пока не выявлено.
Разведывательной техникой не пользовался.
Предупреждение не может быть передано, так как «Ш.» не явился на последнюю встречу.

3. НС «Краббе» в Западном Берлине
Противник ведет расследование по делу «Гавана».
Разведывательной техникой не пользовался.
НС был 24.01.1979 вызван на регулярную встречу. После проверки уровня опасности решение НС вернуться в оперативную зону было нами одобрено после подтверждения со стороны начальника ГУР. НС подготовлен и соответствующе настроен к конфронтации с противником. Пока действий со стороны противника не выявлено.

4. НС «Марс», самостоятельный, в...
Противник знает псевдоним «Марса», предполагает НС в сфере военной техники, еще ищет где, в каком месте.
Разведывательной техникой не пользовался.
Через мать «Н» в ГДР поддерживается контакт с ним.
Пока действий со стороны противника не выявлено.

5. НС «Хубер»
Пенсионер, прежде независимое инженерное бюро в ...
Пока действий со стороны противника не выявлено.
Разведывательной техникой не пользовался.
Предупреждение и инструкции переданы на личной встрече с НС в мае 1979.

6. НС «Руппехт», технический сотрудник на ...
Пока действий со стороны противника не выявлено.
В настоящий момент НС находится на монтажных работах в СССР.
Разведывательной техникой не пользовался.
Предупреждение пока невозможно. Запланирована личная встреча в СССР перед его возвращением в ФРГ.

7. НС «Винтер»
Самостоятельный торговец, официальные сделки с ГДР.
Пока действий со стороны противника не выявлено.
Разведывательной техникой не пользовался.
НС был предупрежден и проинструктирован во время личной встречи.
Противник предполагает НС в «Восточном комитете Немецкой экономики».

8. КЛ «Риттер» - Ройтер
Предприниматель, официальные коммерческие связи с ГДР.
Пока действий со стороны противника не выявлено.
Разведывательной техникой не пользовался.
НС был предупрежден и проинструктирован во время личной встречи.
НС «Лоренц» в ходе своего допроса назвал «Риттера» своим бывшим шефом, по поручению которого он проводил маркетинговые исследования для ГДР. «Риттер» поддерживал официальные коммерческие связи с одним внешнеторговым предприятием ГДР.

9. КЛ «Вилле»
Самостоятельный консультант по вопросам экономической деятельности

Пока действий со стороны противника не выявлено.
Разведывательной техникой не пользовался.
НС был предупрежден и проинструктирован во время личной встречи.
Противник предполагает НС в военно-технической области.

10. НС «Гутенберг», фирма социологических исследований
Противник расследует на основе псевдонима и профессии.
Сотрудничество с НС в начальной стадии, разведывательной техникой не пользовался.
Целесообразное предупреждение возможно лишь при личной встрече.
Противник предполагает НС в библиотеке университета Бохума или Дортмунда.

11. НС «Бляй», дипл. инж. на...
Противник ищет человека, прибывшего в ФРГ 12/13.8.1961.
Предупрежден об уровне опасности II, приказано уничтожение всей разведывательной техники.

12. НС «Магнус», ученый в ...
Противнику могло стать известным получение НС топливного элемента для реактора НТР. Возможно вычисление путем определения сравнительно небольшого круга подозреваемых.
Разведывательной техникой не пользовался.
Сотрудничество под легендой, поэтому предупреждение нецелесообразно.
Противник предполагает НС в Техническом университете Мюнхена.

13. НС «Шрайер», инженер по химическим системам.
Противник расследует, основываясь на сопроводительном списке материалов по материалу о машинах для производства ПВХ в Северной Рейн-Вестфалии и по псевдониму «Шрайер». Пока не выявлено никаких действий противника. НС не пользовался разведывательной техникой. В настоящее время на монтажных работах в СССР.

14. НС «Кёниг», инженер-химик.
Противник расследует, основываясь на сопроводительном списке материалов по материалу о химическо-бензиновом производстве и по псевдониму «Кёниг». Пока не выявлено никаких действий противника. НС не пользовался разведывательной техникой.
Связь прервана примерно 3/4 года назад.

15. НС «Генри», самостоятельный коммерсант.
Противник расследует, основываясь на псевдониме «Генри» и на жене НС, связанной со Всемирным советом церквей. Жена была переводчицей на конференции Всемирного совета церквей в ГДР (в конце августа 1978 года). Пока не выявлено никаких действий противника. НС не пользовался разведывательной техникой.
Сотрудничество под прикрытием официального учреждения ГДР в течение 10 лет.

16. НС «Ганс»
Занят на Хюльс АГ
Противник расследует, основываясь на сопроводительном списке материалов по материалам о химическом концерне Хёхст и по псевдониму «Ганс». Действий противника пока не установлено.
Главное управление было проинформировано с предложениями по предупреждению.

VI. Отозванные из оперативной зоны неофициальные сотрудники; состояние семейного и материального положения в ФРГ; запланированные профессиональные перспективы и размещение в ГДР

1. «Кох» (под угрозой из-за сопроводительного списка материалов) - старший лейтенант Рауфайзен, Армин.

Член партии с 1959

22 года в оперативной зоне (переселился)

Дипл. геофизик, руководитель отдела фирмы Пройссаг

Месячный заработок: 4.600 ДМ брутто

Жена и 2 сына (16 и 18 лет)

18-летний сын - ученик строителя,

Он еще не принял решение снова вернуться в ФРГ. Возвращение в ФРГ невозможно до 01.09.79.

16-летний сын – учится на строителя.

Использование в ГДР: Центральный геологический институт в Министерстве геологии; зарплата: 2.000 М

Мебель перевезена, квартира в центре города еще подбирается.

2. «Кёлер» (под угрозой из-за сопроводительного списка материалов) капитан доктор Унзельд, Вернер.

Член партии с 1956

26 лет в оперативной зоне (переселился)

Химик, руководитель отдела фирмы Дегусса

Месячный заработок: 9.200 - ДМ брутто.

Жена и дочь (12 лет); устройство дочери в средней школе

Квартира в личной собственности, стоимость примерно 140.000 ДМ.

Использование в ГДР: Агрохимический комбинат Пистеритц, район Галле; назначение на должность нештатного профессора университета в Галле последовало.

Размещение: Дом для одной семьи в Дессау

Перевозка мебели осуществлена фирмой Дойтранс.

Адвокат для обеспечения сохранности материальных ценностей был подобран через адвокатскую контору в ГДР.

3. «Камбриум» (под угрозой из-за сопроводительного списка материалов)

дипломированный физик Занден, Юрген.

Член партии с 1954

19 лет в оперативной зоне (переселился)

руководитель исследований фирмы Цорн КГ, раньше начальник отдела фирмы Осрам в Западном Берлине.

Месячный заработок 4.500 ДМ брутто.

Холост, живет один.

Использование в ГДР: комбинат народное предприятие NARWA Берлинский электроламповый завод, как научный сотрудник, месячный заработок: 2.000 М брутто.

Размещение: квартира в новом доме, 2 комнаты в Берлине

Перевозка мебели осуществлена фирмой Дойтранс

Коллекция ковров конфискована, адвокат был нанят для обеспечения сохранности материальных ценностей.

4. «Бадемайстер» (угроза из-за полицейских действий в Австрии - Акция «Анмельдунг»)

Инженер-машиностроитель Кларе, Роланд.

Член партии с 1959.

7 лет в оперативной зоне (переселился)

Инженер в фирме Вертхайм в Вене

Месячный заработок 2.000 ДМ брутто.

Холост.

Использование в ГДР: как руководитель ресторанов в районе Потсдам (вначале использовался в ресторанно-отельной отрасли как подмастерье без вознаграждения у директора ресторана).

В Вене при поддержке друзей все было устроено надлежащим образом.

3-комнатная квартира в Потсдаме предоставлена в распоряжение с середины мая.

5. «Шнайдер» (угроза из-за сопроводительного списка материалов)

Шмидт, Клаус.

Член партии с 1965

20 лет в оперативной зоне(переселился)

Начальник главного отдела в Интератом

Месячный заработок: 8.000 ДМ брутто.

Жена и 2 ребенка (дочь 17 лет, сын 14 лет) дочь – учится на медицинскую сестру; сын – полная средняя школа.

Дом для одной семьи: 300.000 ДМ

Соответственно его квалификации назначен доцентом в Технический университет Дрездена с 15.03.79, примерно 1.960 М нетто.

Дополнительное использование: руководящая функция на Комплексе 05 (изготовление топливных элементов), в настоящее время на консультации.

Размещение в округе Дрезден, дом для одной семьи имеется в наличии. Адвокат назначен для обеспечения сохранности материальных ценностей. Мебель перевезена в ГДР.

6. «Барбер» (под угрозой из-за сведений, которые смог добыть предатель)

Фернандо Кристобель Якобус

Гражданин Нидерландов, Антильские острова; родился на Кюрасо, темный цвет кожи.

Холост, живет один.

Дипл. политолог, преподаватель испанского языка в Западном Берлине; лицо свободной профессии.

Месячный заработок 1.000 ДМ

3 года оперативного сотрудничества, политико-идеологическая основа, высокая оперативная готовность

Использование Б. может происходить в ГДР при учете его знания языков (5 языков в совершенстве).

Еще будет проверено, возможно ли его использование на Кубе или в Анголе.

Квартира в Берлине уже выделена.

7. «Альфонс» (находится под угрозой из-за отзыва «Шольц»/ «Изабель» и «Кор»/ «Капелле»)

Профессор доктор Томберг, Фридрих.

Член партии с 1975.

16 лет оперативного сотрудничества, политико-идеологическая основа.

Работал в педагогическом институте в Западном Берлине.

Месячный заработок 5.000 ДМ.

Материальные ценности: доля в доме на две семьи: 150.000 ДМ.

Использование в ГДР: работа преподавателя и исследователя в университете Йены;

Устройство на должность штатного профессора в Йене осуществлено; 2.560 М нетто

Размещение: 4-комнатная квартира в новом доме в Йене, район Гера в конце мая
Мебель жены перевезена фирмой Дойтранс.
Мебель "Альфонса" из Западного Берлина уже прибыла.

8. «Хайнфельс» (под угрозой из-за сопроводительных списков материалов)

Цигенхайн, Эрих.

Член партии с 1975.

10 лет оперативного сотрудничества.

Дипломированный экономист, чиновник, работал референтом в Министерстве социального обеспечения в Гессене

Месячный заработок: 3.700 ДМ брутто.

"Карола" - жена Антуане - домашняя хозяйка, использовалась как курьер; 2 детей (сын 11 лет и дочь 7 лет) – устроены в школе.

Использование: научная аспирантура в университете Лейпцига.

Размещение: 4-комнатная квартира в Лейпциге - в конце мая.

Мебель перевезена фирмой Дойтранс Галле. Для обеспечения сохранности материальных ценностей нанят адвокат.

9. «Брокен» (под угрозой из-за сопроводительных списков материалов)

Доктор Петрас, Ганс-Зигхарт.

Член партии с 1976.

15 лет оперативного сотрудничества.

Директор производства на фирме Хёхст в Голландии (Флиссинген).

месячный заработок 10.500 ДМ брутто.

«Харц» - жена Урзель - домашняя хозяйка, использовалась как курьер; 3 ребенка (2 сына 18 и 12 лет, дочь 4 года).

18-летний сын - ученик на хлебзаводе, 12-летний сын устроен в школу.

Материальные ценности: дом в Голландии 500.000 ДМ; квартира в собственности в Аахене 120.000, ДМ.

Использование: как штатный профессор по химической технологии в Технической высшей школе Мерзебурга с 01.02.79; договор о консультациях с комбинатом химического волокна Шварца в обработке.

Размещение: дом для одной семьи в Мерзебурге, район Галле.

Мебель перевезена.

Для обеспечения сохранности материальных ценностей нанят адвокат.

10. «Шольц» (под угрозой из-за отзыва «Кор»/ «Капелле»)

Профессор доктор Дайх, Вернер.

Член партии с 1965.

16 лет оперативного сотрудничества.

Профессор истории до 1976 года в университете Миссури, США, с тех пор частное обучение без дохода

«Изабель» - профессор доктор Дайх, Ингрид - член партии с 1966.

Профессор социологии в университете Миссури; месячный заработок 1.500 долларов

Материальные ценности: 2 легковые машины 10.000 долларов

Использование: назначение штатным профессором с 15.03.79; зарплата: каждому по 2.440 М нетто.

Ингрид как штатный профессор, по ее специальности в университете Карла Маркса в Лейпциге.

Вернер как штатный профессор, по его специальности в университете Карла Маркса в Лейпциге.

Размещение: 4-комнатная квартира в новом доме в Лейпциге, примерно с конца мая 79

(теперь в резиденции университета Карла Маркса).

11. «Росснер» (под угрозой из-за разработки противником, очевидно, вследствие сетевого розыска и, возможно, по дополнительным показаниям предателя)

Катцманн, Хорст.

Член партии с 1958.

22 года в оперативной зоне (переселился).

Инженер-машиностроитель, работал руководителем группы в Интератом; месячный заработок 5.000 ДМ брутто.

Женат, детей нет.

Использование: как научный сотрудник в Россендорфе.

Размещение: 3-комнатная квартира в новом доме в районе Дрездена.

Мебель перевезена в ГДР.

12. «Хайнц» (угроза, очевидно, из-за показаний предателя и акции «Анмельдунг») (псевдоним: Бойтлер).

Член партии с 1966.

4 1/2 года в оперативной зоне (переселился).

Прокурис и главный бухгалтер фирмы Конкорда в Вене;

месячный заработок 2.500 ДМ брутто.

«Дорис» - жена Ева - член партии с 1968. помощник резидента. В настоящее время домашняя хозяйка, образование - финансовый экономист.

Обучался на резидента; в связи с Акцией «Анмельдунг» по соображениям безопасности переселился из ФРГ в Вену.

Использование: Гюнтер является зам. главного бухгалтера на народном предприятии Хемианлагенбау Гримма, филиал Шведт.

Ева - использование как главного бухгалтера на комбинате бытовых услуг в Шведте.

Размещение: 3-комнатная квартира в новом доме в Шведте.

Мебель перевезена в ГДР.

13. «Тессен» (угроза из-за сопроводительного списка материалов)

Коппе, Ганс.

Член партии с 1973.

25 лет в оперативной зоне

Физик, работал на электростанции Гамбурга (Гамбургер Электрицитетсверке), руководитель отдела связей с общественностью в концерне; доверенное лицо для сотрудничества с государственными органами.

Месячный заработок 6.500 ДМ брутто.

«Тессина» - жена Ханнелоре - член партии с 1973, домашняя хозяйка, использовалась как курьер.

2 ребенка (дочь 21 и сына 22 года), остались пока в ФРГ. Регулярно посещают родителей 1-2 раза в месяц. Оба ребенка полностью поддерживают родителей.

Материальные ценности: модели железной дороги - страховая стоимость 200.000 ДМ.

Использование: филиал предприятия ФФБ Крафтверке Коттбус в Берлине.

Размещение: Берлин, 4-комнатная квартира до конца мая.

Сыну и дочерей выданы доверенности для решения вопросов с имуществом родителей.

Также нотариально заверенное поручение было выдано адвокату; он выполняет хорошую работу. Мебель перевезена.

14. «Клаус» (предатель сам вел его дело)

Фюлле, Райнер.

Член партии с 1977.

14 лет в оперативной зоне.

Специалист по организации производства, зам. административного директора.

Месячный заработок 4.500 ДМ

Жена еще в ФРГ, посещает мужа регулярно. Она обещала, что переселится в ГДР после продажи имущества (конец июня 1979).

Материальные ценности: дом для одной семьи 150.000 ДМ.

Предусмотренное использование: руководящая должность в экономической сфере в Потсдаме.

Размещение: сначала в 4-комнатной квартире в Потсдаме, затем запланировано строительство собственного дома.

Обеспечением сохранности собственности в ФРГ будет заниматься его жена.

Квартира свободна кроме конфискованных предметов; жена поручила адвокату продажу дома.

15. «Кор» (угроза из-за сопроводительного списка материалов)

Дипл. социолог Шпигель, Эрих.

Член партии с 1969.

15 лет оперативной работы.

Фонд Карла Кюбеля в Бенсхайме на руководящей должности.

Месячный заработок 5.000 ДМ.

«Капелле» - жена Кирстин, использовалась как курьер, 1 ребенок, 3 года.

Материальные ценности: дом для одной семьи 200.000 ДМ, кредит 10% оплачен.

Подчинились приказу об отзыве, после обнаружения наблюдения со стороны противника.

Использование Эриха: Университет Лейпциг, научная аспирантура социология, стипендия 1.200 М.

Кирстин: Университет Лейпциг, научная аспирантура психологическая терапия.

Мебель перевезена.

Использование адвоката через друга в ФРГ для защиты его имущественных прав.

16. «Йорг» - Штамер, Экехарт.

Вернулся 08.02.1979.

Дипл. математик, руководитель реферата по обработке данных Бундесвера в Бонне.

Оперативное сотрудничество с 1969, в конце источник с 1973.

Самостоятельное возвращение.

Причина: чувство опасности после проверки военной контрразведкой, произошедшей по причине смены должности.

Использование: соответственно его знаниям в области обработки данных на народном предприятии Роботрон в Дрездене с 12.04.1979

Зарплата: 1.450 брутто; 1-комнатная квартира в новостройке с 12.04.1979 в Дрездене.

Для обеспечения сохранности его имущества был назначен адвокат в ФРГ.

17. «Бордо» - Вилли, Дитер.

Вернулся 09.03.1979

Член партии с 1970.

Директор по рационализации, отель Хилтон в Брюсселе; резидент для источника «Мишель».

Для обеспечения сохранности имущества нанят адвокат в ФРГ.

Причина возвращения: проведение встречи в Швеции (объект).

Последующее использование в ГДР еще не определено.

18. «Мишель» - Лоренцен, Урзель.

Вернулась 09.03.1979.

Ассистент директора по операциям, в аппарате Генерального секретаря НАТО.

Оперативное сотрудничество с 1959.

Адвокат был нанят для обеспечения сохранности ее материальных ценностей в ФРГ.

Причина возвращения: проведение встречи в Швеции (объект)

Последующее использование в ГДР еще не определено.

19. «Герта» - Голиат, Инге.

Член партии с 1975.

Вернулась 09.03.1979.

Секретарь депутата Бундестага доктора Вернера Маркса (ХДС).

Оперативное сотрудничество с 1969, в конце как источник с 1969.

Народному предприятию Дойтранс поручено освобождение квартиры и вывоз всех личных вещей в ГДР (кроме мебели, конфискованной финансовым управлением).

Адвокат был нанят для обеспечения сохранности ее материальных ценностей в ФРГ.

Причина возвращения: вероятная разработка комбинации переселения резидента «Нерц».

Последующее использование в ГДР еще не определено.

20. «Нерц» - Кнорр, Ханс-Йоахим.

Член партии с 1959.

Вернулся 09.03.1979.

ОсОП, капитан, оперативная функция: резидент, переселился в 1961, резидент для источника «Герты» с 1969.

Все личные вещи перевезены народным предприятием Дойтранс в ГДР. Мебель конфискована финансовым управлением. Адвокату в ФРГ поручено обеспечение сохранности материальных ценностей.

Причина возвращения: вероятная разработка псевдонима «Нерц» (Акция «Анмельдунг»).

Последующее использование в ГДР еще не определено.

21. «Кристель» - Брошай, Кристель.

Член партии с 1974.

Вернулась 10.03.1979.

Главный секретарь у заместителя Федерального председателя ХДС профессора Курта Биденкопфа, Бонн.

Оперативное сотрудничество с 1969, окончательно как источник с 1971.

Через живущих в ФРГ родителей начались и были проведены мероприятия по обеспечению сохранности собственности. Перевозка собственности в ГДР началась.

Причина возвращения: Вероятная разработка комбинации переселения резидента "Вертера".

Последующее использование в ГДР еще не определено.

22. «Вертер» - Хоффманн, Генрих.

Член партии с 1961.

Вернулся 10.03.1979; переселился в 1967.

Оперативная функция: резидент для источника «Кристель» с 1971. Против «В» началось расследование в Западной Германии.

Причина возвращения: Вероятная разработка псевдонима «Вертера» (Акция «Анмельдунг»).

Последующее использование в ГДР еще не определено.

23. «Ханнелоре» - Рёдигер, Хельга.

Вернулась 18.03.1979.

Секретарь в Федеральном министерстве финансов, Бонн.

Оперативное сотрудничество с 1971, в конце как источник с 1972.
Через адвоката в ФРГ начались мероприятия по обеспечению сохранности собственности.
Причина возвращения: Вероятная разработка комбинации переселения резидента «Шлегеля».
Последующее использование в ГДР еще не определено.

24. «Шлегель» - Швенке, Герт.

Член партии с 1967.

Вернулся 18.03.1979.

Переселился в 1972, оперативная функция: резидент для источника «Ханнелоре» с 1972.

Адвокату в ФРГ поручено обеспечение сохранности материальных ценностей.

Причина возвращения: вероятная разработка псевдонима «Шлегель» (Акция «Анмельдунг»).

Последующее использование в ГДР еще не определено.

(BStU, Mf5, NA 11 3714, Teil B, Bl. 108-136)

МАРКУС ВОЛЬФ ПРИОБРЕТАЕТ ЛИЦО

30 января 1979 года был арестован депутат от СДПГ в земельном парламенте Баварии доктор Фридрих Кремер, которого МГБ вело как НС под псевдонимом «Бэккер». Кремер в свое оправдание заявил, что он только встречался с одним политиком ГДР для обмена мнениями на политические темы. Он не мог знать, с кем он при этом имел дело.

9 марта МГБ отозвало НС «Мишель», она же Урзель Лоренцен, из Брюсселя в ГДР. До тех пор она работала как ассистентка в Генеральном секретариате НАТО. Маркус Вольф в американском издании своих мемуаров «Man without a face» связал этот случай со мной и говорил о «the most painful loss caused by Stiller» - «самой болезненной утрате, причиненной Штиллером». (Однако в немецком издании книги это место отсутствует).
Случаи Кремера и Лоренцен объединяло то, что оба источника для проведения встреч на некоторое время выезжали в Швецию, и шведская контрразведка заметила их встречи там с неизвестным представителем ГДР. Это коснулось также их собеседника Маркуса Вольфа.

Через несколько часов после моего прибытия в Мюнхен мне показали фотографию, на которой был изображен худощавый высокий мужчина. Я тут же и с полной уверенностью опознал его как моего прежнего шефа, начальника Главного управления разведки (ГУР) Министерства государственной безопасности. Вероятно, эта поездка с женой в Стокгольм летом 1978 года, оказалась для него роковой. Мне самому показали только одну фотографию. Я, впрочем, быстро догадался, что это в этой связи должны были существовать еще и другие фотографии, которые мне не показывали. Предъявление фотографии повторялось еще неоднократно в последующие часы. Либо мне не доверяли, либо хотели полностью удостовериться, либо за этим скрывалось еще что-то другое, возможно, гораздо большее.

То, что портрет легендарного шефа внешней разведки ГДР, «человека без лица», все же появился теперь на титульной странице журнала «Шпигель» в номере от 5 марта 1979 года, связано было с ошибкой профессионала. Он позволил себе смешать личное и служебное и отправился со своей новой – точнее сказать, новой «как с иголки» – женой

на Запад. При этом он не остановился в каком-то обычном отеле для туристов, а использовал служебную квартиру посольства ГДР, которую рьяные товарищи до этого поспешили с большими расходами отремонтировать и обставить для легендарного шефа зарубежного шпионажа. Это заметила уборщица, доложившая своим руководителям в местной контрразведке. Теперь шведы ожидали высокого гостя и сделали фотографии, переданные ими коллегам из Федеральной разведывательной службы, так как поддельный заграничный паспорт мало, что мог сообщить о реальной личности приехавшего по нему человека.

Внешность Миши была одной из самых больших тайн в мире разведок до этой публикации в «Шпигеле». Следовало бы и дальше оставить Восток в заблуждении, что никто на Западе не знает, как выглядит Маркус Вольф, чтобы лучше организовать наблюдение за ним во время его будущих поездок. Публикация фотографии в журнале лишила западные спецслужбы этого возможного преимущества. Почему? Не должна ли была фотография на первой странице послужить предупреждением для кого-то? Четыре дня спустя Урзель Лоренцен сбежала в ГДР.

Я в течение нескольких лет после этого много размышлял над развитием событий и при этом даже выдвинул некую версию. Пусть даже следующий ход моих мыслей покажется чрезвычайно абсурдным, в нем для меня есть кое-что вполне убедительное. Возможно, вовсе не встречи Вольфа с его важными западными шпионами привлекли к нему внимание шведов, а он попал в сеть их властей по совсем другой причине.

Маркус Вольф происходил из еврейской семьи. Кто хоть немного знаком с еврейской историей и еврейским самосознанием, и, как я, пятнадцать лет проработал на предприятиях, руководимых евреями, знает, что значит сохранение государства Израиль для большинства евреев на свете. Если существование Израиля подвергается опасности, даже мировоззрения или политические убеждения они отставляют в сторону, потому что в такое время важнее всего становится для них внутренний долг стоять на стороне Израиля.

В ГДР существовал кружок интеллектуалов вокруг Юргена Кучински и его сестры Рут Вернер, которая работала, как известно, на советскую военную разведку и осуществляла оперативный контроль над знаменитым атомным шпионом Клаусом Фуксом. Несмотря на все свои твердые социалистические убеждения, они оба постоянно были на стороне Израиля. Израильская разведка не заслужила бы своей репутации, если бы она прошла мимо людей с такими взглядами. И это, разумеется, относится и к Маркусу Вольфу. Я могу себе представить, что они разъяснили бы ему: Твоя борьба с Западной Германией нас не касается, это твое дело. Но если тебе удастся услышать или увидеть что-то, что важно для существования Израиля, пожалуйста, дай нам знать.

И тогда все эти события в Швеции приобретают смысл. Внимание шведов привлек не Вольф, а представитель израильской разведки, невольно выведший фотографов на Вольфа. С этим, вероятно, могло быть связано и недоверие ко мне, когда я опознал на фотографии Вольфа. Господа из БНД просто не могли этому поверить. И поэтому публикация фотографии Вольфа в журнале могла быть двойным предупреждением: тебя сфотографировали с человеком из израильской разведки. Будь осторожен!

Маркус Вольф всегда поддерживал контакты с высокопоставленными лицами из Организации освобождения Палестины, включая самого Ясира Арафата. Он хорошо знал о ситуации и процессах в этом регионе. До сих пор неизвестно, как в начале так называемой Шестидневной войны 5 июня 1967 года авиации Израиля удалось нанести всепокрушающий превентивный удар по египетским ВВС. Как раз в тот момент, когда все

египетские пилоты вместе молились за победу, их почти полностью уничтожили. Откуда израильтяне точно узнали время нападения? В своих мемуарах Маркус Вольф опубликовал фотографию себя и своей жены рядом с Ицхаком Шамиром, бывшим израильским премьер-министром и министром иностранных дел. Ведь Вольф и Шамир, казалось, никак не должны бы быть друзьями. На похоронах Маркуса Вольфа в 2006 году первой траурной мелодией была еврейская тема, затем последовала русская песня, и в заключение «Маленький барабанщик». Всё просто совпадения?

В 1994 году я обедал во Франкфурте с бывшим руководителем Федерального ведомства по охране конституции Херибертом Хелленбройхом, впоследствии на короткое время также ставшим президентом БНД. Он рассказал мне, что незадолго до этого ужинал с Маркусом Вольфом. По словам Хелленбройха, Вольф постоянно заботился о том, чтобы бокал Хелленбройха не оставался пустым.

От Хелленбройха это не скрылось, и он постарался быть осторожным. Позже, когда Вольф решил, что вино уже возымело свое действие на Хелленбройха, он спросил: - Скажите-ка, господин Хелленбройх, с этой злополучной фотосъемкой в Стокгольме, там вы больше ничего еще не заметили? Хелленбройх в деловом тоне ответил, что нет. А мне он сказал: - И сразу стало видно, что у Маркуса Вольфа после этих слов камень с души свалился. Он вздохнул, и ему явно стало легче.

Я сам много раз видел, что Маркус Вольф в любой ситуации всегда все держал под контролем, на все сто процентов. То есть, речь тогда шла о чем-то на самом деле очень важном. ООП в то время вполне могла бы ликвидировать предположительного агента Израиля, которому она доверилась.

Разумеется, это все лишь версии, но в мире разведок, на мой взгляд, не бывает ничего невозможного.

«РАЗВЕДЧИКИ» КАК ГЕРОИ ДЕЛА СОЦИАЛИЗМА?

Руководство ГДР и руководство МГБ не любили слово «агент», хотя оно в переводе означает всего лишь «действующий» и не более того. Нет, это слово официально носило отрицательный оттенок, и поэтому должно было применяться только к тем, кто действовал по заданию западных, империалистических секретных служб. Социалистические шпионы напротив всегда назывались «разведчиками», а внутри самого МГБ просто использовался термин «неофициальные сотрудники» (НС). В фильмах и книгах их тоже представляли в героическом виде как «патриотов». Их мотивация всегда основывалась на политико-идеологической убежденности в преимуществах социалистической идеи и на неприятии милитаристских потуг империалистических сил и организаций - черно-белая картина без какой-либо дифференциации. Однако, реальность в большинстве случаев выглядела иначе, в чем мне достаточно часто приходилось убеждаться на примере отозванных назад западных НС. Если действовавшие в оперативной зоне информаторы ГДР попадали в поле зрения западной контрразведки, или появлялись серьезные проблемы в их частном окружении, НС временно «отключали» (прерывали связь), или в случае особой опасности отзывали в ГДР. Для многих из них, довольно долгое время проживших «снаружи» и изображавшихся МГБ как героические патриоты, привлекательный прежде образ реально существующего социализма после возвращения давал глубокие трещины. Они представляли жизнь в ГДР совсем не такой: постоянно контролируемой, ограниченной в духовном плане и полной повседневных бытовых проблем и дефицита. Некоторые НС, которые не были посланы, а выросли на

Западе, предпочитали оставаться там даже в экстренных ситуациях и готовы были попасть под уголовное преследование, лишь бы не ехать в унылую и бедную ГДР. Но также и переселенные из ГДР агенты, как например, мой НС «Штурм», тоже больше не хотели возвращаться на старую родину. Большинство из них хорошо устроились на новой родине, жили в материально обеспеченных условиях отношений и знали ГДР по своим поездкам на агентурные встречи и из сообщений контактных лиц. Больше всего многих пугала перспектива лишиться права ездить по миру и до выхода на пенсию оставаться запертым в пределах Восточного блока, потому что у них уже были друзья во многих других странах. Тех, кто, тем не менее, решился выполнить приказ центра ГУР о возвращении, вначале, естественно, ожидал сердечный прием. Им вручали ордена, воспевали как «беззаветных патриотов», и они получали хорошие квартиры и привлекательные места работы. Если возможно, перевозили даже их домашнюю обстановку с Запада. Но несколько позже, как правило, наступало отрезвление. Среди моих знакомых НС, отозванных с Запада в ГДР, не было ни одного, кто действительно бы чувствовал себя как дома на новой старой родине и хорошо бы адаптировался. Особенно убедительно это можно показать на двух примерах.

Геофизик Армин Рауфайзен, псевдоним «Кох», переселился в 1957 году в Западную Германию и вскоре получил там должность начальника отдела фирмы «Пройссаг АГ» в Ганновере, откуда он отправлял разведывательную информацию до момента ареста в январе 1979 года. Я не знал Рауфайзена лично, но в привезенных мной сопроводительных списках материалов он упоминался неоднократно, поэтому Федеральному ведомству уголовной полиции относительно легко удалось идентифицировать его. В документах МГБ подтверждается хорошая работа разведчика, которая принесла «большую политическую и экономическую пользу». «Его работа отличалась инициативой, предусмотрительностью, готовностью идти на риск, работоспособностью и очевидной дисциплиной». В качестве признания успехов его работы и показанного им поведения НС 1 октября 1967 года даже был включен в кадры как активный офицер МГБ, что случалось очень редко. Последним его званием был старший лейтенант. МГБ было настолько довольное достижениями «Коха», что впоследствии его наградили Боевым орденом ГДР и даже Орденом за заслуги перед отечеством.

После моего перехода Рауфайзена предупредили о возможной опасности и порекомендовали ему срочно вернуться в ГДР. Ничего не сообщив семье об истинных причинах, он с женой и двумя сыновьями приехал 22 января 1979 года в Восточный Берлин. Когда там выяснилось, что действительно произошло, семья взбунтовалась и хотела вернуться в Ганновер. Уже совершеннолетний сын Михаэль отказался подписывать заявление на гражданство ГДР, после чего ему в декабре 1979 года, наконец, снова позволили уехать. Несовершеннолетний сын Томас вынужден был остаться с родителями в ГДР. Так как у Рауфайзена внезапно появился теперь родственник первой степени в Федеративной республике, его уволили из кадрового состава Министерства государственной безопасности. Официальные лица ГДР отвернулись от него. Семья подала заявление на выезд, но оно было отклонено. Рауфайзен не захотел с этим смириться и принялся зондировать возможности выезда и возможности бегства. Среди прочего, он установил контакты с «конторой», занимавшейся перевозкой людей за границу, с западногерманскими журналистами и с посольством ФРГ в Будапеште. Наконец, он от отчаяния обратился в универсальном магазине «Центрум» в Восточном Берлине к офицеру американской военной миссии в Западном Берлине, который как раз заехал туда за покупками. Затем последовали две тайные встречи, в ходе которых Рауфайзена в самых общих словах расспрашивали об его положении.

Эти контакты не остались в тайне от контрразведки МГБ, тем более, что один НС из нижнесаксонской полиции государственной безопасности в городе Целле тоже сообщил об этом. 11 сентября 1981 года семья была арестована и предана суду после года предварительного заключения. С 14 по 16 сентября 1982 годом состоялся судебный процесс перед Первой коллегией по уголовным делам военного трибунала первой инстанции в Восточном Берлине. Некогда награжденный самыми высшими орденами разведчик обвинялся в шпионаже с особо отягчающими обстоятельствами, изменнической шпионской деятельности и попытке незаконного перехода границы при отягчающих обстоятельствах. Конкретно его обвинили в том, что он является завербованным агентом БНД и американской разведки ЦРУ и выдал им методы работы МГБ, а также личные данные семи разведчиков и курьеров. Однако, обвинительный акт умолчал, что данные семь разведчиков и курьеров были отозванными в ГДР НС, которым не угрожала никакая опасность. «Заслуженному сотруднику государственной безопасности» дали пожизненное заключение – в точности, как это было запланировано заранее и предписано министром Мильке. Его жена получила семь лет тюрьмы, сын Томас три года.

Все трое должны были отбывать наказание в тюрьме Баутцен II, причем полный срок, хотя первоначально было запланировано позволить их выкупить. Наконец, Томас смог в сентябре 1984 года уехать к своему брату в Ганновер. 12 октября 1987 года Армин Рауфайзен умер при невыясненных до сегодняшнего дня обстоятельствах после операции на желчном пузыре в тюремной больнице Лейпциг-Мойсдорф. Официальной причиной смерти указали эмболию легочной артерии. Но даже после этого его жену Шарлотту еще не освободили. Только после отбытия полного срока ее выпустили осенью 1988 года, но и тогда ей пришлось еще до апреля 1989 года ждать разрешения на выезд в Федеративную республику.

Второй случай касается Райнера Фюлле, псевдоним «Клаус», о котором я уже рассказывал. Он был родом из Цвикау, в юности был завербован МГБ, прошел обучение и переселился затем в ФРГ. Там он дорос до должности заместителя административного директора в ядерном научно-исследовательском центре в Карлсруэ, откуда отправлял в ГДР информацию в частности о технологии регенерации топливных урановых стержней. Кроме того, он должен был контролировать, не занимается ли ФРГ втайне созданием ядерного оружия. После ареста 19 января 1979 года он сумел убежать от своего охранника по скользкому льду. Затем один день он прятался в художественной галерее Карлсруэ и пробрался после этого к советской военной миссии в Баден-Бадене. Оттуда его в деревянном ящике вывезли в ГДР через пограничный пункт Херлесхаузен, о чем, он, однако, был обязан молчать, потому что эта операция военной миссии, стань она известной, могла спровоцировать конфликты между властями четырех держав-победительниц.

В ГДР его чествовали как героического патриота и очень ловкого и умелого разведчика. Министр государственной безопасности Эрих Мильке вручил ему золотой Орден за боевые заслуги перед народом и отечеством, Эрих Хонеккер вручил ему золотой Орден за заслуги перед отечеством. Большого вряд ли стоило ожидать. Но Эрих Мильке пристально следил за героем, так как не доверял ему. Слишком сенсационное бегство представлялось ему несколько подозрительным.

В действительности Фюлле перед возвращением в ГДР, по-видимому, постарался купить себе обратный билет и раскрылся перед Федеральным ведомством по охране конституции, или сделал это, уже попав на Восток. Во всяком случае, впоследствии он принялся передавать на Запад информацию из аппарата госбезопасности ГДР. ГДР не стала для Фюлле новообретенной родиной, несмотря на его привилегированное положение с

университетской должностью, дачей, моторной лодкой и двумя машинами. В благодарность за переданную на Запад информацию в Кёльне организовывали его возвращение в Федеративную республику, проведя «Операцию Вероника» в сентябре 1981 года. С фальшивыми документами (паспорт и билет на самолет) Фюлле должен был вылететь из Будапешта в Афины. (Другие источники утверждают, что он убежал в Грецию через Болгарию.) После его возвращения в ФРГ Верховный земельный суд в Штутгарте осудил его, тем не менее, на шесть лет лишения свободы за измену родине, из которых ему пришлось отсидеть четыре года. Но это, очевидно, показалось ему менее ужасным в сравнении с перспективой прожить остаток своей жизни в ГДР. Начиная с середины восьмидесятых годов, он снова жил в Мюнхене.

Кроме этих двух случаев, разумеется, был еще ряд людей, для которых путь назад на Запад остался закрытым. Многие из них тогда от отчаяния потянулись к бутылке. У каждого оперативного сотрудника в нашей сфере ГУР было, как минимум, по одному из подобных несчастных пропавших людей, о которых он должен был заботиться. Как оказалось, большинство из них отнюдь не были героями, подорвавшими свои силы из-за глубокой убежденности в правоте дела социализма, а просто людьми, который рассчитывали на определенные преимущества или поддались очарованию необыкновенного и не справлялись теперь с простой реальностью.

Главное управление XI / 5

Берлин, 6 сентября 1982 г.

5 экземпляров / 1 экз

678/82

(рукописная пометка:

Согласен. Мильке)

Информация

В период с 14. до 16.09.1982 г. проходит судебное разбирательство перед Первой коллегией по уголовным делам военного трибунала первой инстанции города Берлина против бывшего сотрудника Главного управления разведки

РАУФАЙЗЕНА, Армина (53)

род. 13.11.1928 в Эндрейене

профессия: геофизик

последнее место работы: пенсионер-инвалид

место жительства: 1080 Берлин, Ляйпцигер Штрассе, 48

с 1956 по 1967 гг. НС ГУР.

с 1967 по 1981 гг. сотрудник МГБ/ ГУР.

последнее звание: старший лейтенант, лишен звания с 15.10.1981 г.

под председательством судьи Военного трибунала первой инстанции по наиболее тяжким воинским преступлениям тов. подполковника Варнатца.

РАУФАЙЗЕН обвиняется в шпионаже с особымиотягчающими обстоятельствами, изменнической шпионской деятельности и подготовке и попытке незаконного перехода границы при отягчающих обстоятельствах согласно §§97 абзац 1 и 2, 98,110 пункт 1, 100 абзац 1 и 2, 213 абзац 1, 2, 3 пункт 4, 5 Уголовного кодекса. Обвинение представляет

военный прокурор тов. капитана второго ранга Крюгер из отдела IА Главной военной прокуратуры. Адвокат доктор Фогель действует в качестве выборного защитника.

РАУФАЙЗЕН с 1957 по 1979 находился как разведчик в ФРГ и работал в области геологии / геофизики. В январе 1979 г. он был отозван по соображениям безопасности и поселился в ГДР.

Предварительное следствие показало, что РАУФАЙЗЕН был завербованным агентом Федеральной разведывательной службы и американской разведки, которым он передал в период с конца 1979 до начала 1981 гг. обширные подробности своей служебной принадлежности к МГБ, в частности, данные семи известных ему разведчиков и курьеров, а также методы работы Главного управления разведки.

Затем РАУФАЙЗЕН раскрыл в конце апреля 1980 г. в посольствах ФРГ и Австрии в Венгерской народной республике, а также в феврале 1981 г. и в мае 1981 г. перед соответственно корреспондентом телеканала АРД ПЛАЙТГЕНОМ и корреспондентом телеканала ЦДФ ЯУЕРОМ в ГДР свою принадлежность к МГБ и рассказал им факты о своей службе в качестве разведчика. Кроме того, РАУФАЙЗЕН многими своими действиями подготавливал запланированный им незаконный переход границы.

Упомянутые преступления, которые РАУФАЙЗЕН совершил частично вместе со своей женой

РАУФАЙЗЕН, Шарлоттой (52), род. в ***
последнее место работы: домашняя хозяйка

и своим сыном

РАУФАЙЗЕНОМ, Томасом (20)
род. в ***
последнее место работы: ученик автослесаря на народном предприятии Комбинат Аутотранс, Берлин,

дела которых выделены в отдельное судопроизводство, являются полностью доказанными.

РАУФАЙЗЕН, совершая измену, преследовал тем самым цель добиться тайного вывоза себя и членов своей семьи в ФРГ с помощью западных секретных служб или других организаций, так как после его возврата из оперативной зоны он не смог справиться с условиями своего положения в ГДР по причине привившегося в ФРГ эгоистичного материального образа жизни и рассматривал свое последующее пребывание в ГДР как абсолютно бесперспективное для себя и своей семьи.

Со стороны обвинения предусмотрено ходатайствовать о пожизненном тюремном заключении для РАУФАЙЗЕНА.

Обвинения соучастникам РАУФАЙЗЕН Шарлотте и РАУФАЙЗЕНУ Томасу в шпионаже, изменнической шпионской деятельности и подготовке и попытке незаконного перехода границы при отягчающих обстоятельствах также предъявлены перед Военным трибуналом первой инстанции Берлина. Проведение судебного разбирательства против обоих запланировано на середину октября 1982 года. Для РАУФАЙЗЕН Шарлотты запланировано наказание в виде семи лет и для РАУФАЙЗЕНА Томаса трех лет и шести месяцев лишения свободы.

По договоренности с Вторым главным управлением и Главным управлением разведки предусмотрено РАУФАЙЗЕНА и членов его семьи к данной дате приобщить к центральным мероприятиям тов. полковника Фольперта.

По сообщению Главного управления разведки разведчикам и курьерам, выданным противнику РАУФАЙЗЕНОМ, не угрожает опасность.

Он также не располагает никакими другими секретными фактами и знаниями, кроме тех, которые уже были им выданы.

Экземпляры направлены:

1-й экз. товарищу министру

2-й экз. тов. генерал-полковнику Вольфу

3-й экз. нач. НА II

4-й экз. нач. НА IX

5-й экз. НА IX / 5

[Подпись]

Ляйтнер

Капитан

(BStU, MfS, NA II 32342, Bl. 182-184)

ОХОТА НА «ШАКАЛА»

После того, как МГБ пережило первую волну шока, и весь масштаб катастрофы стал виден в полном объеме, Мильке резко накинулся на генерал-майора Гюнтера Кратча, руководителя Второго главного управления, отвечавшего в МГБ за контрразведку: - Если вы уж такие халтурщики, что не смогли разоблачить врага в собственных рядах и еще позволили этому типу сбежать, тогда соизвольте хотя бы узнать, где он прячется. Лучше всего, если вы вернете его назад, чтобы он получил заслуженное наказание. Если это не получится, то его нужно обезвредить. Кто знает, что он там еще сможет выдать. Мы не можем себе позволить, чтобы он там расхаживал как герой, это может побудить других ненадежных кандидатов последовать его примеру. Все должны понять, что такой поступок будет иметь последствия. Еще один подобный случай, и Вольф может закрывать свою интеллигентскую лавочку. Если бы «друзья» не поддерживали его так сильно, я бы давно уже выгнал его в пустыню за одни только постоянные истории с женщинами.

Генерал Кратч, который позже описал мне эту сцену, немедленно взялся за работу и поручил разработать «план политико-оперативной разработки дела «Шакала»», который он в середине февраля 1979 года представил своему шефу. Чтобы исследовать наше местопребывание, имеющих в распоряжении западных агентов нужно было сконцентрировать в районе Мюнхен-Рим, так как из какого-то источника - вероятно, даже из самого центра БНД – стало известно, что нас якобы разместили там.

Обычно разведка в такой ситуации послала бы целые полчища агентов, чтобы всеми средствами разыскать находящегося в поиске, но и здесь вновь обнаружился основной недостаток разведки ГДР: сотрудники центра не знали по собственному опыту повседневную жизнь на Западе и поэтому, конечно, также не могли там спокойно передвигаться. Собственно, каждого кандидата на прием на службу в ГУР следовало бы

сначала для проверки хоть раз выпустить во «внешний мир», чтобы можно было видеть, как он сможет вести себя в чужой среде. Но при этой проверочной командировке, вероятно, тот или другой из кандидатов убедились бы в том, насколько лживая и обветшалая пропаганда ГДР и как заманчиво выглядит жизнь на западе. Квадратура круга. Вот поэтому при наших поисках МГБ приходилось концентрироваться на наличествующих силах в «оперативной зоне».

22 марта 1979 года «надежный источник» сообщил контрразведке Штази, что мы якобы пребываем в комплексе зданий Федерального ведомства уголовной полиции в Висбадене. Подробно описывалось деловое совещание в БНД, на котором об этом якобы сообщили для внутреннего круга. Но на самом деле я никогда еще не был в центральном бюро Федерального ведомства уголовной полиции в Висбадене. Либо Федеральная разведывательная служба здесь намеренно подбросила ошибочный след, либо, все же, источник не был настолько надежен, как считалось, и просто пытался раздуть свое значение, передав случайно подхваченное замечание.

Местопребывание Хельги и меня в то время было в Мюнхене, на улице Зэбнер Штрассе, совсем близко от центрального здания футбольного клуба «Бавария». Эта улица находится в районе Унтергизинг, на юге Мюнхена, а с мюнхенским районом Рим ее объединяет разве лишь то, что мы жили со стороны западного продолжения взлетно-посадочной полосы аэропорта Мюнхен-Рим. Так как в Германии господствуют преимущественно западные ветры, большинство стартов из Рима происходило в западном направлении, то есть, над нашим домом. Однажды мы пожаловались на связанный с этим шум в БНД и любезно попросили об альтернативе. Это, очевидно, кто-то подслушал и передал в Восточный Берлин, из-за чего нас и искали в районе Рим. При этом найти меня можно было бы намного проще. Те, кто знали меня, должны были знать, что рынок Виктуалиенмаркт за площадью Мариенплац оказывал на меня магическое влияние. Для этого я был просто слишком гурманом. Достаточно было только устроить там скрытый наблюдательный пункт в проходе у церкви Св. Петра, «Старого Петера».

Нас поселили к югу от центра города не просто так. Оттуда было недалеко до Пуллаха. Коллегам из БНД, занимавшимся нашими опросами, которые чуть ли не целый год ежедневно ездили к нам домой, не приходилось поэтому специально ехать через весь город и попадать в «пробки» в центре.

Существовала еще вторая возможность найти меня. В кругу моих прежних коллег было известно, что я был настоящим фанатиком утреннего бега. Я всегда следил за тем, чтобы оставаться в форме. В Мюнхене была прекрасная трасса для фитнеса протяженностью десять километров в лесу Перлахер Форст, случайно совсем близко от нашей квартиры. Там я бывал через день, в противном случае я вовсе не выдержал бы этого долгого неподвижного сидения над папками досье и на опросах.

Сама квартира была защищена сразу с нескольких сторон. Дом был замаскированным служебным зданием БНД, в котором мы к тому же были еще раз отделены за стальными решетчатыми воротами. Дополнительно имелась еще электронная система наблюдения и контроля. Въезд в гараж находился через две поперечные улицы. В целом примерно двадцать сотрудников отдела охраны персонала БНД были выделены для нашей безопасности, три смены по шесть человек в каждой. Если мы покидали дом, кто-то всегда сопровождал нас, и поездки на машине принципиально происходили в конвое. Это были тогда три автомобиля: в середине незаметный более старенький «Опель-Рекорд», в котором всегда сидели мы, а спереди и сзади от него для защиты по одному БМВ третьей серии.

Однако между тем МГБ искало нас уже в Роденкирхене около Кёльна, так как источник «Инге Шнайдер» сообщила им 31 августа 1979 года, что мы были там в сопровождении двух сотрудников БКА. Тем не менее, я за всю свою жизнь ни разу не был в Роденкирхене. Источник знал якобы даже о том, что мы планировали после этого, а именно прогулку в Швейцарию в Берн, где я по его данным хотел бы получить право на постоянное жительство. Федеральная разведывательная служба якобы предложила мне Лондон, но я не согласился. Все это было неправдой. Чтобы продемонстрировать эти выдуманные истории центру в Восточном Берлине с наибольшей правдоподобностью, в сообщениях даже был детально описан мой внешний вид: темные волосы, очки, очень ухоженные борода и усы, вельветовый костюм песочного цвета (тонкий вельвет или вельвет «елочкой»), рубашка с трикотажной безрукавкой, без галстука. То ли кто-то спутал меня с другим человеком, то ли это всё было выдумано, так же, как и утверждение, что сопровождающие меня полицейские из БКА вели себя по отношению ко мне внешне «очень формально и отстраненно».

Настолько же авантюрными были сведения начала 1980 года, «выуженные» в разговоре у некоего источника, которые полковник Шютт, руководитель отдела IX Главного управления разведки, занимавшегося разработкой спецслужб противника, передал 15 января 1980 года своим шефам. Согласно этим показаниям, против меня велось следствие по обвинению в прежней «принадлежности к органам разведки социалистической страны», которое вскоре должно было привести к судебному процессу, а сам процесс потом, как предполагалось, должен был быть прекращен. По инициативе президента БНД процесс якобы должен был происходить непосредственно в центре Федеральной разведывательной службы, в «Лесном доме». Допросы, которые якобы вел сам Федеральный прокурор Штокманну, должны были состояться 18 или 19 января 1980 года. Здесь, пожалуй, тоже кто-то хотел подчеркнуть свою важность или заработать гонорар. Правильно, что формальное против меня было начато следствие, которое было сразу снова остановлено по причине «раскаяния на деле». Но, разумеется, все это происходило еще весной 1979 года.

Среди всех этих предположений и ложных сведениях о моих действиях на Западе я нашел позже в досье из архивов Штази одну хотя бы частично правильную «наводку». 12 мая 1980 года источник «Инге Шнайдер» проинформировала своего курьера-инструктора «Лизу», что я в настоящее время пребываю во Франции. Это связывалось с «арестом разведчика органов безопасности социалистического государства». Я действительно весной 1980 года был в Париже, где должен был поддержать разведывательную операцию БНД против посольства ГДР. Нужно было идентифицировать сотрудника ГУР среди персонала посольства и локализовать.

То, что Штази в конечном счете так и не удалось точно разыскать нас в Федеративной республике, хотя у МГБ были свои «кроты» в западных спецслужбах, объясняется, вероятно, тем, что нами занимался не собственно отвечающий за ГДР реферат БНД «Спецслужбы противника», а подотдел «ГДР-оперативный». И как раз в нем и его окружении у МГБ не было информаторов.

Впрочем, Штази располагала многочисленными «персональными опорными пунктами» у противника, как позже стало ясно, в частности, благодаря перебежчикам Курону и Тидге. К примеру, Второе главное управление могло воспользоваться услугами четырех важных агентов западном аппарате:

Источник А: Служба военной контрразведки (МАД) в Управлении безопасности Бундесвера,

Источник В: Ведомство уголовной полиции (ЛКА) земли Северный Рейн-Вестфалия,
Источник С: Служба военной контрразведки - группа II,
Источник D: Регистратура в ведомстве по охране конституции (ЛФФ) земли Нижняя Саксония.

Оперативные возможности и возможности оказания влияния МГБ доходили до того, что в плане мероприятий по нашему поиску, как само собой разумеющееся исходили из того, что после локализации нашей квартиры собирались провести в ней обыск и установить затем подслушивающие устройства. То же самое касалось и нашей машины. Вследствие этого можно было бы систематически наблюдать и подслушивать ответственных за работу против спецслужб ГДР сотрудников БНД. МГБ смогло достать соответствующий список сотрудников, в котором были отмечены также их частные квартиры.

Как следует из ставшего позже известным документа МГБ, один неосторожный чиновник, который был включен в операцию БНД по моей эвакуации, проболтался своей любовнице, передавшей потом эту информацию дальше. Это вызвало дополнительный поиск, но и он оказался, в конечном счете, безуспешным. МГБ узнало о моих путешествиях на озеро Гарда, где я учился виндсерфингу под бдительным сопровождением, а также встречался с симпатичными молодыми дамами, только на несколько месяцев позже.

Но Федеральная разведывательная служба замечала сложные действия другой стороны и не могла исключать, что последуют новые, еще большие акции. После того, как большая часть досье была проанализирована, было решено меня осенью 1980 года для большей безопасности вывезти из Европы. В США я должен был получить новые личные данные, и передо мной открывалась новая профессиональная перспектива. Однако это означало отделение от Хельги, так как она больше не хотела связывать свою жизнь со мной. Утомительный год в Мюнхене тоже оказал плохое влияние на наши отношения. Ее сыну уже в 1979 году надоело «пребывание в заключении» в Мюнхене, и он добился возможности учиться в США, где о нем заботились сотрудники БНД при посольстве ФРГ в Вашингтоне.

Затем Хельга независимо от меня поехала в декабре 1980 года в Соединенные Штаты, где отдел ЦРУ, отвечающий за временное поселение и размещение перебежчиков, так называемый Resettlement Department, направил ее в Денвер, чтобы дать возможность выучить английский язык и настроиться на новую жизнь. Из Хельги Михновски получилась Урсула Вагнер, из школьника-старшеклассника Михаэля - молодой фотограф Томас, который спустя много лет сам описал свои впечатления о драматических событиях 1978 -1980 годов. После переселения, в декабре 1981 года, мы все вместе отпраздновали в Денвере Рождество и позже сохранили дружеские отношения после того, как оба переехали в 1982 году на западное побережье. Томас живет в Лос-Анджелесе, он женат, и у него есть дочь. Урсула нашла свое счастье с американским меховщиком, с которым она после свадьбы живет в Санта-Барбаре. Она сохранила и тесный контакт с братом Хербертом Кроссом, она регулярно ездит к нему в гости в Германию.

Второе главное управление

(январь 1979)

План политико-оперативной разработки дела «ШАКАЛА»

Политико-оперативная разработка дела «Шакала» требует сконцентрированного использования всех находящихся в распоряжении Второго главного управления сил и средств, а также возможностей других линий МГБ в оперативной зоне.

Главной целью всех начатых мероприятий является поиск и идентификация нынешнего местопребывания «Шакала» в оперативной зоне.

Согласно неофициальным сведениям «Шакала» охраняют силы БНД. Как местопребывание назывался Мюнхен, с высокой вероятностью Мюнхен-Рим.

Поиск, идентификация и установление места жительства «Шакала» должны происходить одновременно комплексно и в различных направлениях.

В частности предлагаются следующие линии разработки:

1. Использование подходящих источников в оперативной зоне

Неофициальным сотрудникам МГБ, которые располагают непосредственными и косвенными контактами с империалистическими разведывательными и контрразведывательными органами, в частности, с БНД, следует поручить сбор целенаправленной информации о «Шакале».

В центре внимания находятся:

- Установление местопребывания или дальнейших сведений для сужения круга поиска возможного места жительства
- Мероприятия БНД по защите «Шакала», такие, как охрана, примененные оперативно-технические средства, предпринятые или перспективные косметические операции или другие изменения, которые могут затруднить идентификацию
- Последующее выявление и идентификация сотрудников реферата БНД «Разведка МГБ и другие органы безопасности ГДР», которые действуют в рамках дела «Шакала»
- Выяснение и установление следующих лиц, которые поддерживают контакт с «Шакалом» или его семьей по разведывательным, коммерческим, частным или семейным причинам.

1.1. ГУР в соответствии с принятой договоренностью дает целенаправленные поручения источникам, располагающим в оперативной зоне предпосылками и возможностями для реализации указанных в этом пункте мероприятий.

ответственный: ГУР

1.2. Второе главное управление дает поручение нижеуказанным источникам, которые располагают специфическими возможностями, как указано ниже:

Источник А: (Служба военной контрразведки Управления безопасности Бундесвера)

Источнику А нужно поручить путем целенаправленных переговоров, обсуждений и индивидуальных бесед со служебными инстанциями и сотрудниками БНД или других империалистических разведывательных и контрразведывательных органов разработать политико-оперативную информацию о «Шакале», в частности, о

- Местопребывании "Шакала"
- Мероприятиях по обеспечению его безопасности со стороны БНД
- Офицерах руководства БНД
- Перспективных проектах БНД, связанных с «Шакалом»
- Объеме и подробностях измены «Шакала»
- Личных проблемах, семейных связях в ФРГ и ГДР, а также других контактах «Шакала»
- Интерессах других империалистических разведывательных и контрразведывательных органов в отношении «Шакала».

Одновременно нужно проверить, располагает ли источник возможностями или существуют ли они вообще, чтобы лично общаться с «Шакалом» в рамках своих

служебных обязательств или чтобы организовать в служебной инстанции источника «аналитические процессы» «Шакала» с согласия БНД.

Источник В: (Ведомство уголовной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия)
Источник В нужно поручить приобрести целенаправленные документы, материалы и информацию, которая поступает в его служебную инстанцию или циркулирует в ней и касается «Шакала».

Источник С: (Группа Управления военной контрразведки II)
Источник С следует поручить разработку информации в его служебной инстанции, которая связана с «Шакалом». При этом особое внимание следует уделить запланированным акциям и мероприятиям, а также высказываниям сотрудников служебной инстанции, которые касаются «Шакала» или его связей.

Источник D: (Земельное ведомство по охране конституции Нижней Саксонии)
Источник D следует поручить в связи с его административной работой (регистрация) в служебной инстанции документировать сообщения и информацию, которая связана с «Шакалом» и сообщать о важных исходных сведениях и беседах между сотрудниками служебной инстанции.

ответственный: Второе главное управление

2. Политико-оперативная разработка сотрудников БНД реферата «Разведка МГБ и другие органы безопасности ГДР»

По имеющейся неофициальной информации из оперативной зоны сотрудники БНД - *** [следуют четыре затемненных черной краской имени с псевдонимами и местом жительства] работают в реферате «Разведка МГБ и другие органы безопасности ГДР» и занимаются процессом «Шакала» по поручению *** БНД, ***.

Политико-оперативную разработку сотрудников Федеральной разведывательной службы следует проводить, как указано ниже:

- Дальнейшее выяснение лица, его района жительства, семейного положения, автомобиля, привычек и т.д. для полной идентификации
- Перепроверка и выяснение возможностей конспиративного квартирного обыска или обыска легковой машины, а также установки оперативной техники
- Развертывание долгосрочных мероприятий по наблюдению за сотрудниками БНД с целью установления их передвижений в целом и конспиративного объекта, где размещен «Шакал».
- Выяснение, продолжение и реализация оперативно-технических мероприятий против служебных инстанций БНД и ее сотрудников в рамках операции «Шатулле» («Шкатулка») Второго главного управления.

Отдельные мероприятия следует направить преимущественно против служебных инстанций БНД в районе Мюнхена, против сотрудников БНД из реферата «Разведка МГБ и другие органы безопасности ГДР» и известных нам семейных связей «Шакала» в ФРГ и Западном Берлине, чтобы выработать исходные данные о месте пребывания «Шакала», о курирующих его сотрудниках БНД и прочие важные с оперативной точки зрения сведения.

ответственный: Второе главное управление

- Проведение комплексных оперативно-технических мероприятий специфическими средствами отдела III МГБ в районе Мюнхена. Следует проверить, в какой мере возможно сконцентрировать существенные людские и технические ресурсы отдела III в районе Мюнхена, чтобы более целенаправленным поиском чем прежде по отношению к служебным инстанциям БНД, известным нам сотрудникам БНД, командам наблюдения БНД и личным связям «Шакала» добыть важные исходные сведения для достижения цели операции «Шакал».

Полученные результаты нужно постоянно анализировать и проверять на связи с делом «Шакала».

ответственный: отдел III Второго главного управления

3. Политико-оперативные мероприятия в районе Мюнхен-Рим

Информация надежного источника свидетельствует, что, по всей вероятности, «Шакал» в данный момент проживает в районе Мюнхен-Рим. Поэтому необходимо в этом районе – в соответствии с названными в пункте 2 задачами – провести следующие политико-оперативные мероприятия:

- Проведение наблюдательных мероприятий в помещении Мюнхен-Рим на транспортных узлах, в которых кажется возможным приезд известных нам сотрудников БНД (смотри пункт 2) из центра Мюнхен-Пуллах или из их квартир

- Сотрудники БНД *** [следуют одиннадцать затемненных черной краской имен] проживают в сравнительной близости от Мюнхен-Рим. Нужно проверить адреса на актуальность, так нельзя считать исключенной вероятность, что за прошедшее время БНД по разным причинам приняла эти объекты и использует в качестве конспиративных объектов («Шакал»).

ответственный: Восьмое главное управление

4. Политико-оперативные мероприятия против известных контактов «Шакала» в оперативной зоне

Обширное и комплексное выяснение, контрольные меры и мероприятия по наблюдению следует развернуть против известных интересных с оперативной точки зрения связей «Шакала» в оперативной зоне с целью установления его местопребывания и решения других, связанных с этим проблем.

Политико-оперативные и оперативно-технические мероприятия направляются против *** [следуют двенадцать затемненных черной краской имен с местом жительства и характером их связи с «Шакалом»]

Индивидуальные мероприятия против отдельных интересных с оперативной точки зрения связей «Шакала» определяются отдельно в соответствии с основными задачами и охватывают круг задач ГУР, Второго главного управления, Шестого главного управления, Седьмого главного управления, отдела III, отдела М, отдела ПЦФ (борьбы с почтовой контрабандой) и отдела 26.

Координация и установление политико-оперативных мероприятий упомянутых службных подразделений производится Вторым главным управлением.

ответственный: Второе главное управление.

(BStU. MfS, HA II 36 753, Bl. 325-332)

Главное управление разведки
Отдел XI
Начальник

Берлин, 31 мая 1979 г.

ЛИЧНО!
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

Начальнику Второго главного управления
товарищу генерал-майору доктору Кратчу

В приложении пересылаю Вам информацию по делу «КАНАЛ».
При анализе и оценке следует обратить особое внимание на ЗАЩИТУ ИСТОЧНИКА.

Полковник Шютт

Приложение

Май 1979

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

Конфиденциальный секретный документ

МГБ 089 номер А 46/79

1-й экз. 2-й лист

ШТИЛЛЕР

Из надежного источника стало известно следующее:

Вопреки прочим традициям БНД Штиллера вел не реферат БНД «Спецслужбы противника», а подраздел (ПО) «ГДР-оперативный».

Якобы *** в этом ПО, ***, должен был нести основную ответственность за эту акцию.

Вопреки большим сомнениям в безопасности ПО «ГДР-оперативный» Штиллер поставлял информацию «еще перед своим переходом».

«Однако он действовал очень хладнокровно и перед лицом большого личного риска показал, что у него, пожалуй, нет нервов. Как причину для перехода он назвал свое разочарование в политической системе ГДР. Оно наступило у него в ходе исполнения им функции секретаря партийной организации в МГБ. При этом он, по его словам, убедился в двуличности системы, увидев, что социализм там был якобы только для населения, тогда как функционеры напротив живут, пользуясь по максимуму всеми достижениями капитализма. Они располагают, например, всеми роскошными товарами, ничто для них не достаточно хорошо и достаточно дорого. Штиллер поэтому посчитал, что было бы более честно открыто встать на сторону капитализма. Из-за выполнения им функции секретаря партийной организации он располагал также более широким обзором работы МГБ. Он всегда принимал участие, например, в заседаниях начальников отделов и поэтому был способен дать информацию о методах работы МГБ. И поэтому тоже его переход оказался таким сильным ударом по МГБ».

В отношении местопребывания Штиллера никаких более точных сведений нет. Он якобы останавливался попеременно на различных объектах (БНД или БФФ). Круг людей, которые вступали с ним в контакт для опросов, оставался очень ограниченным. Начальник реферата БНД IV D 3, так называемого «аварийного реферата», вскоре должен встретиться со Штиллером для его опроса. Дата встречи еще не определена.

(BStU, MfS, HA II/Ltr. 1422/79, Bl. 1-3)

УПУЩЕННЫЙ ШАНС

В общем и целом к моменту моего отъезда БНД была вполне довольна результатами сотрудничества. Она получила больше информации изнутри Штази, чем когда-либо раньше. И, тем не менее, можно было бы достичь и большего.

Внедрение или вербовка «личного опорного пункта», то есть, агента в спецслужбе противника всегда была и остается одной из главнейших задач любой разведки, потому что именно туда стекаются все секреты, там противник планирует и по возможности реализует свою стратегию. Имея агента на такой позиции можно практически парализовать противника. Достаточно вспомнить уже упоминавшихся Джорджа Блейка, Гордона Лонсдейла и Кима Филби, которые в ранней фазе Холодной войны благодаря своей деятельности на пользу Советов нанесли серьезнейший ущерб британской разведке МИ-6. Их измена стоила жизни некоторым английским источникам в Советском Союзе. Кстати, менее известна история Олега Пеньковского, полковника советской военной разведки ГРУ, информировавшего в конце 1950-х годов МИ-6 и ЦРУ о советской позиции в Берлинском кризисе, а потом осенью 1962 года о секретных планах СССР по размещению ядерных ракет на Кубе. Вскоре после этого он был разоблачен КГБ и по окончании показательного процесса в мае 1963 года казнен.

В моем лице БНД заполучила кадрового сотрудника внешней разведки МГБ, который, хотя в звании старшего лейтенанта и не был особо важной птицей, но благодаря должности секретаря партийной организации отдела и многочисленным личным контактам в кругу коллег имел доступ к большому кругу информации, которая могла быть полезной для Запада. Кроме того, я был готов действовать в качестве «крота» в центральном аппарате противника, то есть целенаправленно собирать необходимые материалы и добывать информацию. Но Федеральной разведывательной службе так никогда и не пришлось в голову дольше использовать меня как двойного агента. Если бы все было бы устроено умнее, можно было бы достичь более значительных результатов. Вот в чем, собственно, и состоял упущенный шанс.

Я в свое время выбрал БНД в качестве партнера, потому что считал тогда ЦРУ организацией, работавшей спустя рукава и слишком неосторожной. Но вскоре я на своем опыте убедился, что американцы работают намного профессиональней и целеустремленней, чем их коллеги из Пуллаха, и, кроме того, располагают большей политической поддержкой. К ЦРУ прислушивался американский президент и даже просил их совета во внешнеполитических вопросах. Западногерманские канцлеры, в частности, Гельмут Шмидт, напротив, не были особо высокого мнения о Федеральной разведывательной службе и старались сотрудничать с нею как можно меньше. Это привело к формированию совершенно специфического менталитета у сотрудников разведки. Самым важным правилом для них стало: лишь бы только не совершить ошибку, чтобы не подвергнуть себя критике и не выглядеть смешным в глазах общественности. Самый высший приоритет состоял в том, чтобы предотвратить ущерб своим собственным сотрудникам. БНД со своей сложной бюрократической структурой я воспринимал как неповоротливый чиновничий аппарат.

Когда я предложил им сотрудничество, они вряд ли даже рассматривали вариант, что это предложение сделано всерьез и дает им большой шанс. В основном они исходили из того, что МГБ хочет лишь вести игру в БНД, чтобы заманить их людей на территорию ГДР, арестовать их там и устроить шумную кампанию против ФРГ в мировой прессе. Как альтернативу они рассматривали также возможность, что Штази через меня будет снабжать БНД дезинформацией. Американцы, которым я несколько позже рассказал эту историю, только схватились за голову. Какая разведка в здравом уме предложит противнику услуги своего кадрового оперативного офицера, только чтобы поймать, возможно, какого-то малозначительного курьера! И даже дезинформацией, как правило, снабжают через переведенного агента, а не через кадрового офицера из центрального аппарата.

Даже если согласиться, что БНД предполагала оперативную игру, ее поведение никак не выглядит разумным. Логической реакцией с их стороны было бы отправить мне по радио хитро составленный каталог вопросов. Из ответов на них можно было бы сделать выводы о моих истинных намерениях, мотивах и добросовестности. Вместо этого БНД в первую очередь потребовала от меня выдать им личные данные моих агентов. Вот это уже было чересчур! Они хотели, чтобы я сразу отдал им самое важное, что у меня было, ничего не предложив взамен и не пойдя со своей стороны даже на минимальный риск. На это я никак не мог согласиться. Между тем я задавался вопросом, действительно ли я имею дело с профессионалами на другой стороне. Даже после авантюрной пересылки микрофишей, когда должно было стать полностью ясно, что здесь речь идет не об игре, а о серьезном сотрудничестве, они ничего не предприняли, чтобы каким-то образом встретиться со своим новым информатором и согласовать дальнейшие действия. По причине излишней осторожности они вместо этого совершали одну глупость за другой. Условные адреса были не настоящими, а только дурацкими адресами для отсылки за выехавшим адресатом, совершенно непригодными для быстрой передачи информации. Они не решались прислать курьеров для получения важных материалов. Зато они умудрились придумать такие тайники, за использование которых любой курсант разведшколы Штази провалился бы на экзаменах, будь то в поезде, который вообще не останавливался на территории ГДР, или в нише под наружной лестницей музея, где всегда полно людей, или в трещине в стене церкви прямо в центре Восточного Берлина, да еще и на высоте больше двух метров, куда добраться можно было только с помощью маленькой лестницы.

Апогеем всего был фальшивый загранпаспорт ГДР для моей эвакуации, который ни в коей мере не соответствовал требованиям. Во время моей поездки в Хельсинки я через брата Хельги передал несколько четких предложений для проведения личной встречи, но так никогда и не получил ответа. В конечном счете, вывоз Хельги и ее сына тоже провалился бы, если бы им полностью руководила Федеральная разведывательная служба, не подключись вовремя МИД со своей спасительной помощью.

От настоящей профессиональной разведки во многих случаях следовало бы ожидать иных действий. Например, мне бы «подставили», как говорят в спецслужбах, подходящего человека с Запада. Я бы его якобы официально завербовал и получил бы тем самым регулярный личный контакт с БНД. Можно было бы придумать и вербовку фиктивного нового агента на Западе, который сначала бы поставлял не особо ценный материал, но мог бы рассматриваться как перспективный на будущее. Это тоже способствовало бы развитию моей карьеры, что дало бы более широкий доступ к материалам в аппарате. В то время уже существовали системы прослушивания, использовавшие в качестве источника питания лишь направленные микроволны и отправлявшие направленные радиосигналы. С моей помощью можно было установить много подобных «жучков» в здании ГУР. Можно представить себе еще многое другое...

Но моя оценка БНД основывается не только на личном опыте. Одно дело, к которому я опосредованно имел отношение, тоже добавило красок к этой картине. Помните собирателя камней у вскрышных отвалов урановых шахт предприятия «Висмут», которым я занимался в ранние годы моей работы в Министерстве госбезопасности? Его полное имя было Дитрих Нистрой. Он работал в ядерном научно-исследовательском центре в Карслруэ, на объекте, за разработку которого я отвечал. Я предполагал, что он был связан с БНД, что меня тогда просто околдовало и в какой-то мере воодушевило. Мне очень хотелось интенсивнее разработать его и каким-то образом познакомиться, но до этого так и не дошло. Он под данным ему мною псевдонимом «Нестор» в 1976 году пропал в архиве в досье оперативного персонального контроля.

Как я узнал тридцать лет спустя, как раз этого человека БНД использовала как курьера для связи со мной. Штази сама это выяснила. И произошло это так: контрразведка МГБ в 1978 году при анализе радиogramм для агента с позывным 688 заметила, что в трех случаях количество радиogramм значительно увеличивалось, так же, как и количество повторений. Они сделали разумный вывод, что в эти три временных периода происходило что-то важное, вероятно, в том или ином направлении отправлялся материал или проходили агентурные встречи. После этого были перепроверены все заявки на въезд и дневные визы и вычислены лица, точно в это время приезжавшие в ГДР. В сеть попался Дитрих Нистрой, который приезжал в ГДР все три раза и потому был идентифицирован как курьер БНД для связи с агентом 688. Так как Нистрой был зарегистрирован в архиве как лицо, разрабатывавшееся мною, не требовалось большого ума, чтобы предположить, что Федеральная разведывательная служба отправляла его как раз для встречи со мной. Мне повезло, что к моменту, когда до них это дошло, я уже был на Западе.

Но как можно было человека, которого шесть лет назад уже отправляли для уранового шпионажа в ГДР, да еще и попавшего тогда под контроль полиции, позже использовать в качестве курьера для связи со своим самым важным агентом?! И, к тому же, еще и несколько раз подряд. Неужели у них так не хватало людей, или никто не решался поехать на Восток, или это была просто обычная халтурная работа?

Это еще не всё их легкомыслие. Федеральной разведывательной службе должно было быть ясно, что после моего ухода Штази будет расследовать все возможные следы, ведущие ко мне, чтобы раскрыть линии связи и провести мероприятия, которые в будущем позволят заранее раскрывать подобные случаи. Несмотря на это, Дитриха Нистроя по-прежнему отправляли в ГДР. Неудивительно, что контрразведка МГБ обратила на него внимание, и в 1979 году он был с большим шумом арестован. Нистрой отправился в тюрьму на много лет, пока в 1986 году его вместе с агентами ЦРУ не обменяли на восточных разведчиков на знаменитом «мосту шпионов» Глиникер Брюкке.

Но для агента в ГДР, к которому ехал в 1979 году Нистрой, это дело закончилось смертью. Речь идет о Винфриде Бауманне, бывшем капитане второго ранга и начальнике отдела в военной разведке ГДР, отвечавшего за военно-морские флоты НАТО. Контрразведчики Второго главного управления уже наблюдали за Бауманном, получившем у них кодовое имя «Бэр» («Медведь»). Настоящая фамилия его была Закрцовски, но он взял фамилию жены. Его уволили из-за проблем с алкоголем, после чего он с помощью своей любовницы попытался установить контакт с БНД, выдав им себя за адмирала на действительной службе и активного разведчика Национальной народной армии в должности начальника главного отдела в Министерстве национальной обороны. (Именно поэтому в западных публикациях его впоследствии порой называли «красным адмиралом».) Он действительно некоторое время передавал сведения другой стороне, в том числе, имена шпионов на Западе. При попытке БНД вывезти Бауманна через третью страну он был арестован, вскоре после этого взяли и его любовницу. Если обычно БНД признавала арестованных агентов своими шпионами, пыталась организовать им юридическую защиту и добивалась впоследствии обмена, то Бауманна они просто бросили в беде. После этого военный трибунал ГДР приговорил его к смертной казни. 18 июля 1980 года Бауманн был расстрелян. Его любовницу, приговоренную за соучастие к пятнадцати годам тюрьмы, освободили в 1987 году в ходе обмена агентами накануне визита Эриха Хонеккера в ФРГ.

С ЦРУ К НОВОЙ ЖИЗНИ

20 февраля 1980 года мы с моим «куратором» от БНД Томасом на самолете «Люфтганзы» вылетели из Мюнхена в Нью-Йорк. Сотрудники ЦРУ заранее проинструктировали чиновников управления иммиграции и натурализации, что мы можем въехать в страну без обычных формальностей. Я получил долгосрочную визу. После короткой остановки мы на чартерной машине полетели дальше в Вашингтон, федеральный округ Колумбия. В отличие от меня Томас прекрасно говорил по-английски и хорошо знал традиции и обычаи страны. Он все устроил для меня. Кроме того, группа охранников из ЦРУ заботилась о нашей безопасности. Мы поселились в отеле «Мариотт» в Кристалл-Сити, совсем близко от Пентагона. Это было большое разветвленное бетонное здание с множеством конференц-залов и со всеми только возможными удобствами внутри. Я на все смотрел с жадностью, в конце концов, для меня это был совсем новый мир.

В девять часов вечера мы встретились в баре отеля, где не играла тихая музыка пианино, зато во всю глотку орал телевизор. Показывали футбольный матч с участием команды «Уошингтон Редскинз». Но не успел я понять, по каким правилам тут играют в футбол, как началась длительная рекламная пауза, и, причем, в самый разгар игры. Никому это не мешало, все было нормально. Коллеги из ЦРУ заказали всем по бокалу «Будвейзера», но вместо так любимого мною крепкого чешского пива мне принесли бокал, наполненный до краев ледяной желтой жидкостью – совсем без пены и совсем без вкуса. Во время завтрака на следующее утро мне снова пришлось удивляться. Наши сопровождающие хотели ввести меня в добрый американский мир и продемонстрировали обильный завтрак для начала дня. Внизу на большой тарелке лежало несколько «pancakes», то есть блинов, на них навалено вдоволь тертой жареной картошки, поверх нее яичница-болтуня с жареным салом, да еще и все это обильно полито кленовым сиропом. Меня спонтанно потянуло назад в Мюнхен, и я даже не мог себе представить, что задержусь в этой стране хоть на день дольше, чем будет необходимо.

В последующие дни я прошел информационную программу, познакоившую меня с историей США и с преимуществами западной демократии. Нас водили на военное кладбище в Арлингтоне и к расположенному неподалеку мемориалу памяти погибших в сражении за остров Иводзима морских пехотинцев. Затем последовали мемориал Линкольна и мемориал Вашингтона, а в конце в плане были Капитолий и Белый дом.

Через две недели республиканец Рональд Рейган был избран президентом США, сменив в январе 1981 года демократа Джимми Картера. В штаб-квартире ЦРУ победу Рейгана встретили с нескрываемой радостью. Политика прав человека, проводимая Картером, хотя и принесла ему много очков на международной арене, внутри Америки натолкнулась на неприятие со стороны многих. ЦРУ считало, что его возможности действий по всему миру, стали из-за этого ограниченными. Рейган теперь с новой силой включился в конфронтацию блоков и всеми силами хотел сдерживать любые действия Советов, где бы они не происходили, и по возможности заставить их отступить. Для этого ему была нужна большая и сильная разведка. И у него был еще один далеко идущий план. После анализа сухих и скучных речей советских партийных руководителей он вычислил их самую главную озабоченность. Смысл ее был такой: товарищи, империализму никогда не удастся своей гонкой вооружений заставить нас довооружаться до смерти. Так Советы добровольно через газеты и выпуски телевизионных новостей выдали самый важный секрет, и хитрые аналитики из ЦРУ быстро сделали точные выводы. Русские выразили их самые тайные и самые большие опасения. Вот здесь и находилась ахиллесова пята противника, который, как известно, сильно отставал от Запада в области высоких технологий. Потому вскоре стратеги Рейгана настояли на принятии проектов вроде

«Звездных войн» и размещения ракет средней дальности в Европе. Но всё это я наблюдал уже несколько позже.

Однажды меня посадили в машину и повезли прямо в центральный офис ЦРУ. Мне предстояло добровольно пройти тест на детекторе лжи. Я согласился, мне ведь, в общем, нечего было скрывать. После того как установили детекторы на мою частоту дыхания, влажность кожи и пульс, последовали вначале тестовые вопросы, чтобы откалибровать прибор, умещавшийся в небольшой портфель. Здесь мне пришлось попеременно то лгать, то говорить правду. Потом перешли к делу.

- Вы когда-либо действовали против интересов Соединенных Штатов?

- Нет.

- Вы когда-либо работали на коммунистическую разведку?

- Да.

- Вы гомосексуалист?

- Нет.

- Вы пьете слишком много алкоголя?

- Нет.

Тут стрелки внезапно дернулись. Любовь к баварскому пиву не так-то просто скрыть. Но тест я прошел с успехом.

Якобы совершенно незапланированно в последующее время появлялись люди, которые вроде бы просто хотели познакомиться со мной. Скоро я догадался, что это психологи, разрабатывающие мой психологический портрет. Они спрашивали меня, походя, о вещах, которые уже упоминались во время теста на детекторе лжи. То есть, меня одновременно проверяли несколько раз и с разных сторон.

Мое предубеждение к ЦРУ пошатнулось. Я увидел, что имею дело не с ковбоями, а с настоящими профессионалами. Один из моих собеседников, Эд, венец, уехавший из Австрии в США из страха перед нацистскими репрессиями, кое-что мне объяснил: - Те политические новости, комментарии и анализы, которые ты читаешь в газетах и смотришь по телевизору, это лишь вершина айсберга. Политика делается скрытно. И тут, как нам кажется, мы настоящие мастера. Советники президента вовсе не отрешенные от мира фигуры. Их набирают в лучших университетах, и они проходят долгую и серьезную подготовку. Конечно, и у нас есть неудачи и поражения. Но большинство из них никогда не станет известно публике, а те неудачи, о которых пишут газеты, очень часто представляют собой специально внедряемую в общественное сознание информацию для достижения определенной цели.

Мне был знаком этот принцип. В ГУР существовал отдел X, задачей которого было дискредитировать определенных лиц на Западе с использованием фальшивых документов и специально подготовленной дезинформации. Например, Федерального президента Генриха Любке пытались представить как руководителя строительства концлагерей в Третьем Рейхе. Для этого просто провели соответствующие манипуляции с титульным листом с его архитектурными чертежами бараков для строительных рабочих. В середине шестидесятых годов это все проходило вполне нормально, но массивные кампании в мое время, например, против барда Вольфа Бирманна в 1976 году, производили очень неуклюжее впечатление и не вызвали доверия. ЦРУ делало это намного тоньше. Им было ясно, что в КГБ есть аналитики, читающие и анализирующие все американские газеты, вплоть до местных, и интенсивно просматривающие даже, казалось бы, маловажные телевизионные программы. Например, было сообщение об аварии на маленьком химическом заводе в штате Колорадо, где несколько человек отравились каким-то веществом. Знающим было ясно, что это вещество может применяться

исключительно в ограниченном военном сегменте. Для другой стороны это был сигнал: мы ведем исследования в соответствующем направлении, и у нас уже есть пригодный для использования материал. На самом деле, как мне рассказали, все это было задумано, чтобы втянуть Советы в расточительные исследовательские работы, хотя это направление исследований изначально было тупиковым.

После вступительной программы в Вашингтоне я с охраной переехал в маленький стандартный домик в Спрингфилде в штате Вирджиния, в котором также находится Лэнгли со штаб-квартирой ЦРУ. Последовали два месяца интенсивных опросов аналитиками ЦРУ. Больше всего их интересовали операции ГУР против Америки, о чем я, впрочем, знал сравнительно мало. Но мои данные о «венской резидентуре», то есть, о группе агентов, добывавших информацию и материал в сфере высоких технологий, на которые распространялось эмбарго на экспорт на Восток, оказались, очевидно, достаточно полезными. Как выяснилось, они сотрудничали со скрытыми партнерами в США. ФБР принялось за работу и идентифицировало некоторые связи в Силиконовой долине и в некоторых военных исследовательских лабораториях. Меня не полностью информировали о том, что нового дали им мои показания, но один из тогдашних директоров ЦРУ передал мне свою благодарность за предотвращение возможного большого ущерба интересам США и – без дальнейшего объяснения – за «спасение жизни американцев». Действительно ли дело касалось защиты или даже спасения граждан США или это была просто формула вежливости, я не могу с уверенностью сказать.

Затем последовали вопросы о военном потенциале ГДР, о чем я, правда, почти ничего не мог сообщить. Больше пользы принесли вопросы по третьей теме: экономический потенциал Восточного блока. Об этом меня спрашивали больше всего, ведь эта тема долго входила в круг моих непосредственных обязанностей. Аналитики из Лэнгли, как правило, очень образованные и культурные люди, среди которых было много эмигрировавших из Австрии евреев, не могли поверить, насколько плохо обстояло дело с экономикой Восточного блока на самом деле. Они очевидно в большой степени поддались воздействию громкой пропаганды о больших экономических успехах СССР и ГДР. Но я на основании списков на приобретение технологических документов и образцов для народного хозяйства ГДР, чем приходилось заниматься нашему сектору в ГУР, очень точно знал, чего этому самому народному хозяйству не хватало. Нам все время приходилось доставать это шпионскими методами, так как наша собственная наука не могла это сделать. Эти факты создавали довольно ясную картину.

Первую половину дня обычно занимали опросы, а во второй начинались уроки английского языка. Выходить на улицу я мог только со своими телохранителями. Это были два офицера ЦРУ, выведенные с активной службы, которых больше нельзя было использовать за границей. Веселые парни, по вечерам они по очереди еще и занимались приготовлением ужина. Когда пришла моя очередь, я приготовил большого хрустящего жареного гуся, которого мы даже втроем не смогли осилить. Но ночью я услышал подозрительные звуки, доносившиеся с кухни, а утром на решетке гриля лежали только обглоданные кости. Они умели любить жизнь.

В середине декабря 1980 года меня оставил мой «куратор» из БНД. Он вернулся домой, ведь Рождество лучше всего проводить дома. С тех пор мною занималось только ЦРУ. Его интерес концентрировался все больше на отдельных людях. Среди них был профессор физики Альфред Цее. Я знал его еще со времен учебы в университете Карла Маркса в Лейпциге. Там он работал на кафедре, на которой я писал свою диссертацию. Цее был членом СЕПГ, но не особо усердствовал в политической сфере. После того, как я решил перейти на другую сторону, я систематически проверял всех знакомых мне физиков,

являвшихся членами партии, на предмет их возможного сотрудничества с госбезопасностью. Удивительно, что тогда никто не заметил, как мне удавалось пользоваться регистратурой МГБ далеко за пределами моей официальной компетентности, напротив, это посчитали особым рабочим рвением. (Только после моего ухода все мои прежние действия подверглись проверке и наткнулись на множество запросов, аккуратно перечисленные в следственных досье, чтобы предупредить лиц, которым могла угрожать опасность.) На наши запросы в отдел регистратуры XII МГБ мы, как правило, получали ответы, какое из служебных подразделений вело и регистрировало то или иное лицо. Так я получил четкий обзор, кто работал на Штази, а кто нет. Позднее Федеральная разведывательная службы на основе этих сведений несколько раз попробовала выйти на контакт с этими людьми и даже пыталась завербовать – в нескольких случаях даже безуспешно.

Альфред Цее проходил по регистрационным спискам южноамериканского отдела ГУР, в частности, по линии Мексики. Это заинтересовало также и ЦРУ. Как выяснилось, он уже попадал в поле зрения ЦРУ и ФБР. Его длительная работа в университете Пуэблы в Мексике тоже привлекла их внимание, ведь он также принимал участие в конгрессах Американского физического общества в США и посещал американские научно-исследовательские учреждения. Теперь благодаря моим документам их подозрения получили реальное подтверждение. По моим предположениям ЦРУ после этого определенно пыталось вступить в контакт с профессором Цее. Насколько я понимаю работу разведок, его, вероятно, пытались шантажировать, поставив перед альтернативой: либо согласиться сотрудничать с американскими спецслужбами либо попасть под суд по обвинению в шпионаже. Не знаю, чем все закончилось, но профессор и в будущем мог спокойно путешествовать из ГДР в Мексику и обратно. Но в МГБ насторожились и начали его проверку, которая, правда, выявила лишь «карьеристское и мелкобуржуазное поведение». Он был одним из малочисленных успешных неофициальных сотрудников, которых ГУР могло отправлять в США, поэтому его точно не хотели терять. Но через какое-то время Цее действительно угодил между всеми фронтами, и началась опасная игра, о которой я, правда, узнал лишь спустя много лет. В ноябре 1983 года Цее был арестован ФБР в Бостоне во время его очередного приезда в США. Посольство ГДР сразу же побеспокоилось о верном патриоте и заплатило залог в полмиллиона долларов, чтобы профессора освободили. Для ГДР это была удивительно большая сумма. В июле 1984 года Цее действительно освободили, но 21 января 1985 года он попросил передать в посольство ГДР, что он попросил политического убежища в Америке. Можно было только гадать, превратился ли достойный патриот в предателя или перешел на другую сторону по требованию МГБ. Цее признался в шпионаже в небольших масштабах и был за это приговорен судом 4 апреля 1985 года к восьми годам тюремного заключения.

Сравнительно строгое наказание, очевидно, было задумано для повышения его цены на случай запланированного обмена агентами. В ГДР в то время сидели в тюрьмах двадцать пять агентов ЦРУ, которых рассчитывали обменять на четырех важных агентов ГДР на мосту Глиникер Брюкке в Берлине. Обмен состоялся 11 июня 1985 года при посредничестве известного восточногерманского адвоката доктора Вольфганга Фогеля. ГУР вернуло своего потерянного сына назад и больше его не отдавало. Профессор Цее, получивший работу в Техническом университете Дрездена, так и не получил права на выезд за границу, несмотря на многочисленные приглашения. Запрет был отменен лишь 29 ноября 1989 года – Берлинская стена к тому времени уже три недели как пала.

В ЦРУ за меня отвечал специальный отдел, занимавшийся помощью перебежчикам и отозванным из-за границы агентам в их интеграции в нормальную американскую жизнь, так называемый Resettlement Department. Его сотрудники должны были подготовить меня

к существованию под другой фамилией. Сначала нужно было подобрать незапоминающееся новое имя. Мы обсудили разные варианты и выбрали в результате имя «Клаус-Петер Фишер». Под этим именем я живу до сих пор. Привлекательным в этом варианте было то, что фамилия «Фишер» есть и в немецком, и в английском языке, хоть и пишется в одном случае с «sch», а в другом с «sh». Имя Клаус-Петер можно писать через дефис или раздельно, или вообще использовать то одно имя из двух, то другое. Местом рождения избрали Будапешт, раз уж я благодаря моей жене знал венгерский язык.

Следующий вопрос оказался намного сложнее: где будет мое следующее место жительства. Я мог достаточно свободно выбирать себе место проживания в США, нежелательны были разве что прибрежные города, где была возможность случайных встреч с немецкими туристами. Так как я практически ничего не знал об Америке, я спросил совета. - О, есть прекрасное место – город Сент-Луис на реке Миссисипи в штате Миссури в самом центре США, - подсказали мне. В моих ушах это все прозвучало как что-то в духе «дальнего дикого Запада» и романов Джеймса Фенимора Купера, настоящих американских приключений. Ни минуты не раздумывая, я согласился, из-за чего впоследствии не раз сам себя ругал. Я получил информационные материалы о Сент-Луисе и узнал, что в этом городе размещаются главные офисы крупнейших мировых концернов, в частности важных фирм военной промышленности вроде «Дженерал Дайнемикс» и авиастроительного концерна «МакДоннелл-Дуглас», а также сети пивоварен «Анхейзер-Буш» и производителя биотехнологических продуктов «Монсанто». Кроме того, там было несколько высших учебных заведений, из которых я мог подобрать что-то для своего образования.

В середине января 1981 года мы приземлились на Миссисипи. Таксист дружелюбно спросил нас, везти нас прямым или самым быстрым путем. Не успел мой сопровождающий высказать свое мнение, как я выбрал прямой путь и удивился изумленному взгляду водителя. Вскоре я понял почему. Такси съехало с шоссе и углубилось в трущобы пригородов: разрушенные дома, черные дыры на месте выбитых окон, обломки и мусор в палисадниках, горящие бочки с бензином на краю дорог. Эта сторона Америки была для меня совершенно новой. Я постепенно догадался, с чем я связался. Наконец мы доехали до отеля «Мариотт», где временно остановились, чтобы подыскать мне жилье и разобраться с формальностями в городе. Выглянув утром из окна, я увидел заброшенную грузовую железнодорожную станцию. Времена, когда Сент-Луис был важным железнодорожным узлом, явно давно прошли. Неужели я так много рисковал только для того, чтобы оказаться в этом унылом месте? Но пути назад не было, я сам заварил всю эту кашу. Так что я перестал роптать на судьбу и сказал сам себе: зажмурься, и вперед!

Через неделю я действительно подобрал себе уютную квартиру в стандартном доме в зеленом пригороде. Конечно, чтобы добираться туда, была нужна машина, общественный транспорт туда не ходил. Потому моей первой покупкой в новой жизни стал спортивный автомобиль «Мицубиси-Саппоро». На нем я легко мог добраться до университета, где я сначала записался на один семестр на занятия по английскому языку. Все без исключения студенты были иммигрантами из всех стран мира. Молодая чилийка просила у меня помощи при выполнении домашних заданий, ибо благодаря нескольким неделям частного репетиторства в ЦРУ я знал язык немного лучше. Мы с самыми лучшими намерениями уехали у меня дома за учебниками, потому что у нее в общежитии все время стоял шум и гам. Но потом началась снежная буря, которая никак не хотела утихнуть, и, в конце концов, у меня под крыльцом намоло снега глубиной в целый метр. Выйти из дома было невозможно. Когда по улицам снова стало можно ездить, Ксимена собрала свои вещи и переехала ко мне. Так началась моя новая жизнь. Это были чудесные годы.

После обучения английскому началась учеба в частном Университете Джорджа Вашингтона в Сент-Луисе, где я после окончания получил степень MBA - магистра делового администрирования. Пользующийся заслуженной славой университет, из стен которого вышло много нобелевских лауреатов, славный своими 14 первоклассными библиотеками, предлагал наилучшие условия для интенсивной учебы и столь же интенсивного отдыха. На каникулах я совершил много туристических поездок по югу, западу и северу США, научился нырянию на большую глубину, катался на лыжах в Скалистых горах и получил лицензию на управление частным самолетом. Меня ведь всегда тянуло к разным приключениям. Тут у меня точно был заскок: если другие люди платили деньги, чтобы избежать опасностей, я платил за то, чтобы пережить риск.

БНД снабдила меня достаточным стартовым капиталом, так что я как студент, изучающий финансовое дело, после теории должен был приступить к практическим занятиям. Я принес мои деньги к одному биржевому брокеру и обсудил с ним, куда ему следует их вложить. Через два года я потерял 95% из них. В США образование отнюдь не бесплатное.

К концу первого курса я спросил своего профессора, читавшего лекции по финансовому делу, с которым нас объединяла любовь к мексиканскому пиву «Дос-Эквис», какую профессию он посоветовал бы мне выбрать. Уолл-стрит и инвестиционные банки, таким был его однозначный ответ. Он явно считал меня способным к этому ремеслу, но предупредил: - Если ты там не сможешь заработать хотя бы 250 тысяч долларов в год, значит, это не твое, тогда лучше поищи что-то другое. У меня закружилась голова. Двести пятьдесят тысяч долларов, то есть, полмиллиона марок в год, как можно столько заработать? Я недоверчиво взглянул на пивной бокал профессора. - И в какой же фирме это возможно? – спросил я его. – «Голдман Сакс» был бы подходящим адресом, но для этого тебе, разумеется, понадобится действительно хорошо выучить английский. С тех пор я знал, чего хочу, и с железной волей рвался к этой цели.

ВХОЖДЕНИЕ В МИР ФИНАНСОВ

Мою степень магистра делового администрирования в Университете Джорджа Вашингтона в Сент-Луисе я получил летом 1983 года после двух лет интенсивной учебы. Мой диплом физика, полученный в Лейпцигском университете, позволил мне пройти ускоренное обучение. Еще до этого момента я подал заявку на трудоустройство в «Голдман Сакс», где с весны прошел полугодовую программу тренинга в виде учебной практики. Вместе с девятью другими молодыми коллегами мы познакомились в Нью-Йорке со всеми важными отделами, с историей и с основными принципами работы фирмы.

Старинный банковский дом был основан в 1869 году в Нью-Йорке иммигрантом, немецким евреем родом из Франкфурта, Маркусом Голдманом. Голдман приехал из Филадельфии, пристально оглядел Манхэттен и заметил, что практически все банки находятся в «даунтауне», то есть, в нижнем конце Манхэттена, тогда как многие предприятия, вроде табачных фабрик и торговцев бриллиантами располагаются в «мидтауне» - центре вытянутого в длину острова. Таким образом, банки от предприятий отделяли почти пять километров. Если был нужен капитал, приходилось целых два часа идти пешком туда и обратно. Тут Маркусу Голдману и пришла в голову идея скупать долговые обязательства и векселя этих фирм и потом продавать их в «даунтауне» банкам, получая при этом небольшую прибыль. Срок платежа и процентная ставка указывались на

бумаге. Так родились долговые ценные бумаги и с ними - первый инвестиционный банк, то есть финансовое учреждение, занимающееся продающимися ценными бумагами и долевым капиталом в предприятиях, тогда как обычные банки в первую очередь принимали вклады клиентов и предоставляли им кредиты. Предприятие Голдмана разрослось, захватив Сент-Луис и Чикаго, и стало в 1896 году членом Нью-Йоркской биржи, то есть, регулярным участником торговли акциями.

После программы тренинга меня взяли в отдел рент. Здесь занимались торговлей предъявительскими ценными бумагами или облигациями, выпущенными акционерными обществами, которые, как правило, обещали инвестору твердый процент при жестко установленном сроке действия. В то время как акционер является собственником части акций фирмы и имеет право на свою часть в прибыли, рентный инвестор - это что-то вроде кредитора. Если фирма идет «с молотка», сначала деньги получает владелец ренты (если, конечно, они там еще есть) и затем только акционерный инвестор. Акция, таким образом, таит в себе более высокий риск, зато приносит преимущественно также более высокую прибыль. В рентном отделе дела шли несколько более спокойно, чем у торговцев акциями, что, впрочем, было хорошо для новичка.

Тогда фирма «Голдман Сакс» еще была организована по принципу частного партнерства с долевым участием. У нее было примерно четыре тысячи сотрудников и семьдесят пять партнеров, которым принадлежала фирма. Поговаривали о прибыли в размере 400 миллионов долларов, так что в среднем на каждого партнера выпадало пять миллионов долларов прибыли. (За прошедшее время фирма превратилась во всемирный концерн в форме акционерной компании с годовым оборотом в размере сорока пяти миллиардов долларов и с годовым доходом в двенадцать миллиардов долларов.) Партнеров в мое время примерно через десять лет отправляли в отставку, так как они к тому времени уже достаточно заработали и должны были теперь позаботиться о влиянии в политике и обществе, вплоть до благотворительности. Многие министры финансов, сенаторы, консультанты в Белом доме или губернаторы были раньше ведущими сотрудниками в «Голдман Сакс». Важными принципами банковского дома было не демонстрировать напоказ свое богатство, ориентироваться на интересы партнеров и действовать как можно правдивее. Это привело к росту богатства. Но все же во время всемирного финансового кризиса в 2009/2010 годах несколько несолидных хеджевых фондов банка тоже стали предметом пересудов, и комитет по надзору за биржами США вел расследование против поставщика финансовых услуг по подозрению в возможных нарушениях закона о ценных бумагах.

После нескольких месяцев работы в отделе рент я узнал, что банк ищет сотрудника для лондонского офиса, который должен был заниматься германским рынком. Так как к 1 октября 1983 года мой трехлетний запрет на поездки в Европу, установленный для меня БНД и ЦРУ, наконец, истек, я сразу подал прошение о переводе на эту должность и был принят. В это время у меня еще были регулярные контакты с Федеральной разведывательной службой, но никаких обязательств или подписок от меня уже не требовали. Внешне меня не так легко было узнать, я отрастил бороду и носил постоянно очки. В моем поведении я был достаточно осторожен. Опасность случайно быть обнаруженным в Лондоне, была, на мой взгляд, не большей, чем вероятность пострадать от случайно упавшего с крыши кирпича.

Во время моей программы тренинга в Нью-Йорке я познакомился с молодой красивой американкой и стихийно женился на ней через две недели. (С помощью ЦРУ мой прежний брак в ГДР удалось расторгнуть за сутки.) Ее семья была сицилийского происхождения, у ее матери из Агриченко девичья фамилия была Корлеоне. Да, Вита Корлеоне. (В фильме

«Крестный отец» главарь мафии, которого играл Марлон Брандо, тоже носил имя Вито Корлеоне.) В моей новой семье ни один мужчина никогда не ходил без оружия. Семья была вовлечена в игровой бизнес и владела несколькими пиццериями и первоклассными ресторанами, а также акциями в казино. Глава семьи, знавший мою настоящую биографию, пообещал мне, что, если понадобится, он позаботится о моей безопасности. Если бы я заметил в Лондоне какой-либо знак опасности, сразу был бы организован мой возврат в США.

В начале октября 1983 года мы переселились на Темзу. Мои коллеги в банке происходили из всех стран мира и были людьми с самыми разными характерами. Швейцарский коллега встретил меня фразой: - Если ты сможешь вынести английскую еду, то сможешь полюбить и их погоду. Итальянец в группе с ума сходил от шоколада, нашему французу для однонедельной деловой поездки на Ближний Восток хватало лишь одной папки, единственный англичанин обожал индийскую кухню, а американский ветеран Вьетнамской войны гордо повесил на стенку свою медаль «Пурпурное сердце» в рамочке. Нашими общими развлечениями в свободное время были собачьи гонки, винные аукционы и игра в покер. Мы все были игроками по натуре, любившими заключать пари. Мы великолепно находили общий язык.

Моими клиентами были Немецкий рентный фонд, а также швейцарские и люксембургские крупные банки, которым я должен был продавать американские ценные бумаги. Это мне также очень хорошо удавалось, так что я вскоре стал наслаждаться относительными свободами. Я придерживался того, чему меня научили: внимательно выслушивать клиентов, не казаться им надоедливым, не слишком много говорить о деле, стараться поскорее завоевать личное доверие. Честность, естественно, входила в программу, я никогда не умалчивал о каком-либо риске. С некоторыми из моих клиентов я дружу до сегодняшнего дня. В первом полном отчетном году 1984 я заработал 265 тысяч долларов чистыми. Мой профессор финансового дела не лгал. В следующем году даже конкурирующее предприятие хотело переманить меня, аргументируя, что мне недостаточно много платят. У хорошего продавца, который приносит фирме десять миллионов долларов прибыли в год, есть своя собственная цена в банковском мире. В англосаксонских странах это уже тогда было совершенно иначе чем, например, в Германии, где коллеги в крупных банках получали примерно 120 тысяч марок в год. При этом они говорили, однако, без робости о своей роскошной квартире в Лугано и о разведении лошадей, что было предосудительно в Лондоне. Это не вписывалось в британскую сдержанность. Впрочем, континентальные банкиры зарабатывали кроме этого еще в частном порядке очень хорошо, так как профессиональные стандарты были не особенно высоки или контролировались не очень строго. Если, например, клиент давал поручение на многообещающую покупку акций, то банкир покупал сначала их для себя самого, а потом проводил заказ клиента по уже более высокой цене. Разница при последующей перепродаже шла в собственный карман. Тогда внутренняя торговля акциями была еще в повестке дня. В «Голдман Сакс» мы тоже могли инвестировать наши собственные деньги, но только в собственной фирме и под строгим контролем. После моего горького опыта в Сент-Луисе я принялся за дело действительно очень осторожно, что, однако, оправдалось в долгосрочной перспективе. Летом 1987 года, к примеру, когда рынок акций сильно прибавил в скорости с начала года и все чувствовали покупательскую лихорадку, я сдержался и продал многочисленные акции, когда индекс Доу-Джонс Индастриал стоял на 2200. А 19 октября того же года наступил самый черный день американской биржи за много десятилетий: индекс упал на 508 пунктов, то есть, на 22%. Теперь я снова покупал. Спустя двадцать лет индекс котировки акций стоял более чем на 14 000 пунктах, он возрос в восемь раз.

За быстро заработанные деньги я купил в конце 1984 года дом в изысканном лондонском районе Уимблдон – как раз с видом на Центральный корт. Для этого мне пришлось выложить 140 тысяч фунтов, то есть, примерно полмиллиона марок. Все же, это было хорошим вложением денег, так как цены на недвижимость поднимались при Маргарет Тэтчер постоянно. Тем не менее, мне было ясно, что это не могло длиться вечно. Когда я во время моих утренних поездок в офис - чтобы избежать стресса лондонского движения в час пик, я часто выезжал уже около шести часов утра – подсчитывал возрастающее число объявлений на домах о продаже, я осенью 1987 принял быстрое решение и поручил маклеру продать наш дом. Вопреки сильным протестам моей жены я осуществил это и выиграл в деньгах, продав его в три раза дороже, чем купил.

Так как мои дела на работе шли хорошо, меня все больше посылали за границу, причем я обращал внимание на то, чтобы среди целей командировок не было никаких государств Восточного блока. Тем не менее, когда я возвращался из деловой поездки из Токио, мы были поражены над Уралом сообщением, что самолету из-за сильных встречных ветров придется совершить незапланированную посадку для дозаправки в московском аэропорту «Шереметьево». Меня чуть ли не молнией ударило, так как я предположил, что из соображений безопасности во время заправки всем пассажирам придется выйти из самолета. Мне было ясно, что я объявлен в розыск во всех государствах Варшавского договора, и как раз от Советов можно было ожидать всего, что угодно. Но, к счастью, нам позволили все время оставаться в машине.

В 1988 году я уже достаточно проработал с продажей рент и мог перейти в группу собственной торговли «Голдман Сакс». Мы должны были добиваться возможно более высоких прибылей с капиталом фирмы и вкладывать их в других местах. Мой приятель Чарли и я там были единственными, которые не были выпускниками Оксфорда, Кембриджа, Гарварда или Йеля. Это была маленькая элитная труппа, у которой я очень многому смог научиться. Девиз был такой: «Если вы не абсолютно уверены в деле, уберите свои пальцы от него, играйте лучше в «тетрис» или отправляйтесь играть в гольф. Но если у вас есть хорошая идея, то покупайте правильно». Только одно обстоятельство строго принимали во внимание: уже при приобретении нужно было установить, насколько высок риск, какие потери могли быть и были ли мы готовы принять это. Там имелись четкие границы. Как только вещи угрожали выйти из-под контроля, нужно был вмешаться.

Естественно, такая работа соблазняет к спекуляции, так как жадность находится глубоко в человеке. Нам как-то представили одно репрезентативное исследование. Людей спросили: что вам нравится больше? Вы зарабатываете 100 000, а сосед 80 000, или вы получаете 120 000, а сосед 140 000? Ответ был однозначен: почти все хотели иметь больше, чем сосед, даже если это было в абсолютных цифрах меньше. Это стимулирует также в пределах группы. Каждый хочет быть наилучшим, и готов достичь этого даже самыми рискованными методами.

Раньше полагали, что люди и группы людей принимают преимущественно рациональные решения. Выражением этого стала гипотеза эффективного рынка, которая исходит из того, что цены ценной бумаги - это по существу выражение всей известной информации и поэтому может быть, собственно, только немного неожиданностей или отягчающих отклонений. (Во время учебы нам это проиллюстрировали следующей шуткой. Однажды профессор финансового дела и его студент гуляли вместе. Внезапно студент указывает взволнованно на тротуар: - Смотрите, господин профессор, там лежит десятидолларовая банкнота. - Не может быть, - ответил профессор, - если бы она там лежала, ее бы уже давно кто-нибудь поднял.) Наибольшие финансовые ученые между тем уже отказались от

этой теории. Поведение инвесторов, по более новым сведениям определяется, прежде всего, двумя основными человеческими свойствами: жадностью и страхом. Поэтому многим инвестиционным консультантам после конца ГДР удалось «раскрутить» неопытных «восточников» на инвестиции с якобы гарантированными тридцатью процентами дохода. После того, как эти мошенничества лопнули, едва ли кто теперь инвестирует на востоке, и там царит распространенный страх перед рынком долгосрочных капиталов. Сберегательная книжка зато снова входит в моду. Финансовых кризисов нельзя избежать в открытой рыночной экономике, они существуют, чтобы завершать спекулятивные фазы, в которых утратившие от жадности ум участники рынка теряют всякую осторожность и вслепую ставят на увеличение, не учитывая риск. За этим следует горькое наказание.

Второе, что я понял, работая в группе собственной торговли, это была непредсказуемость рынка. Всем так называемым экспертам, которые выступают по телевизору и предсказывают до конца года состояние индекса Доу-Джонса или Германского индекса акций (DAX), следовало бы лучше пойти работать предсказателями в цирке. Мне еще раз стало ясно, что мир вокруг нас невообразимо сложен и не может быть описан линейными моделями. Это совпадало с моим опытом разведывательной работы. Можно сколь угодно хорошо распланировать все собственные действия заранее и точно разыграть все мыслимые варианты противоположной стороны, но, в конце концов, часто самую решающую роль играет неподвиженный случай.

Вероятно, поэтому склонность к азартным играм также была выражена так сильно у банкиров. В то время как мы с коллегами в Нью-Йорке играли только в «покер лжецов» со ставками в 100 долларов, то в Лондоне уже была настоящая, правильная игра в покер. Если перед Рождеством мы получали бонусы – их размер тогда составлял от 300 тысяч до 500 тысяч фунтов стерлингов для хорошего работника, то в период между праздниками шла самая интенсивная игра. Ставки колебались от 300 до 1000 фунтов. Когда меня во время отпуска заносит в Лас-Вегас, я до сих пор совершаю обход покерных столов и, как правило, выхожу из зала с большей суммой денег, чем та, с которой зашел.

НАЗАД В ГЕРМАНИЮ

В 1987 году в ГДР официально отменили смертную казнь. Но у меня не было иллюзий. Если бы люди Мильке узнали, где я нахожусь, они бы сделали все мыслимое и немислимое, чтобы вывезти меня в ГДР. До этого времени я исходил также из того, что в худшем случае они могут убить меня и прямо за границей. (После 1990 года во многих статьях и книгах мне довелось прочитать, что меня заочно приговорили к смертной казни и даже якобы назначили премию за мою голову, но в документах Штази я не нашел никаких доказательств этого.) К счастью МГБ не знало моего нового имени и моей измененной внешности. Я немного пополнил, завел густые усы и носил очки, по возможности даже темные очки. От предложенной ЦРУ пластической операции я отказался. С 1984 года я отважился снова отправиться в Люксембург, в Швейцарию и в Австрию, а затем, наконец, и в ФРГ. БНД и ЦРУ не имели ничего против, так как считали, что я делаю это под свою ответственность, срок их долга попечительства уже истек. Во всех этих поездках я был очень осторожен. Стекла моих машин были тонированными, и я довольно часто менял марки. В кругу моих банковских коллег никто не знал о моей прежней жизни.

С большим интересом я следил за Горбачевым и его новой политикой гласности и перестройки. Старая доктрина Брежнева с обязательным поддержанием единства

Восточного блока во всех вопросах была отвергнута, отдельные страны получили больше свободы для самостоятельной политики. В ГДР оппозиционеры смогли организовать под крышей церкви, не боясь, что их всех сразу арестуют. Государству пришлось демонстрировать больше либерализма, поскольку нужно было продолжать диалог с Западом и получать оттуда кредиты. Советский Союз поднял цены на нефть и все сильнее заботился о своих внутренних проблемах. Политика гонки вооружений Рейгана возымела действие, СССР пошел на уступки на переговорах по ограничению вооружений, русским требовалось перенаправить средства, выделявшиеся прежде на вооружение, в экономику и на улучшение жизненного уровня людей.

Мне было ясно, что тотальной изоляции ГДР скоро придет конец. Щедрое предоставление права на выезд на Запад «по срочным семейным обстоятельствам» уже указывало на это. Во мне росло желание снова связаться с моей семьей. Но сразу выходить на жену и детей могло быть слишком опасно. Они наверняка сменили имя и, несомненно, переселились в другое место. Кроме того, за ними, вероятно, по-прежнему строго наблюдали. С моими двумя сестрами, напротив, это можно было сделать легче. Но у них не было телефона, а посылать письмо по их адресу было слишком рискованно. Обе еще числились, вероятно, в контрольных почтовых списках МГБ. Потому на ум мне пришел двоюродный брат моего шурина, который жил в том же городе, что и мои сестры, и у него, как инженера на заводе синтетического каучука, был телефон. Я узнал его номер, позвонил, назвавшись чужим именем, и попросил, при помощи придуманной истории, пригласить госпожу такую-то к телефону на более позднее время, когда я перезвоню снова. Так и получилось. Она узнала меня, однако, не показала никакого волнения, а порекомендовала мне другой номер телефона. Это был ее рабочий телефон, где она могла бесконтрольно принимать звонки, но сама звонить на Запад не могла. Отныне у нас был регулярный контакт.

Мой шурин был уже в пенсионном возрасте, поэтому он мог ездить в ФРГ. Используя свои шпионские навыки, я организовал конспиративную встречу во Франкфурте-на-Майне. Помимо семейных новостей я расспросил его о подробностях экономического положения в стране, о настроениях людей и о состоянии снабжения в провинции. Отставание от Запада, похоже, стало еще большим, особенно в области современной техники. О персональном компьютере обычный гражданин не мог даже и мечтать. Кроме того, эта современная технология представляла угрозу для государства, так как если у каждого дома был бы компьютер и принтер, то он мог бы легко печатать листовки, а МГБ с его анализом почерка и сравнением шрифтов пишущих машинок ничего не могло бы с этим поделать.

К тому времени на Западе уже появились в открытой продаже мобильные телефоны, и можно было предвидеть их миниатюризацию. Я купил себе лэптоп, - сейчас его называли бы «компьютером на прицепе», и с некоторой фантазией мог себе представить, как такая техника изменит всю работу разведки. Больше не нужно будет записывать надиктованные по радио колонки цифр, таскать с собой толстые портфели на другую сторону, маленькой дискеты будет достаточно.

Летом 1989 года ситуация обострилась. Я постоянно слушал радио. После фальсификаций местных выборов в мае сформировался широкий протест, в том числе уже и вне церквей, а летними каникулами многие воспользовались, чтобы через Венгрию сбежать в Австрию. Другие занимали посольства ФРГ в Праге и Варшаве, чтобы так добиться для себя права на выезд. Неспособное к реформам руководство СЕПГ, которое к тому же приветствовало жестокое подавление китайских студенческих демонстраций на площади Тяньаньмэнь в Пекине, быстро теряло народную поддержку, даже среди лояльных граждан. Многие

просто хотели уехать и не рассчитывали на какую-то перспективу улучшения положения внутри страны.

В начале сентября я вылетел из Лондона в наш дом на Лазурном берегу – заработанные мною большие деньги я старался разумно вкладывать – и без остановки смотрел новости по телевизору. Ситуация в ГДР, похоже, полностью вышла из-под контроля. В Лейпциге начались демонстрации по понедельникам, венгры полностью открыли свою границу, восточным немцам, занявшим посольство ФРГ в Праге, было разрешено выехать на Запад, а старики в Политбюро СЕПГ по-прежнему занимались лакировкой действительности и выглядели парализованными. Даже госбезопасность, восхваляемая как «щит и меч партии», старалась не высовываться, по крайней мере, я, следя за новостями в Южной Франции, не видел никаких следов ее деятельности.

Вернувшись в Лондон, я продолжил работать в «Голдман Сакс» и заботиться о постоянном росте доходности моего банка. 9 ноября мой дом превратился в укромный уголок, где хозяином был только я. Моя жена улетела в Нью-Йорк лечить зубы у своего дантиста, потому я пригласил своего друга Чарли на ужин. У меня было какое-то праздничное настроение, возможно, я чувствовал, что на моей старой родине, наконец, что-то сдвинется с места. Старый Хонеккер ушел в отставку 18 октября, а парой дней раньше и мой бывший шеф Эрих Мильке со всем Политбюро. После огромных демонстраций 4 ноября в Восточном Берлине капитулировало уже само правительство. Теперь пришло время открывать границу.

Я поехал в «Хэрродс», купил прекрасный шатобриан и открыл к нему бутылку «Шато Марго» 1982 года, одного из самых изысканных бордосских вин из моей коллекции. Одной бутылки нам не хватило, и вскоре за ней последовали другие дигестивы. После выпитого Чарли уже не рискнул ехать домой и устроился спать в моей гостиной. В половине четвертого утра зазвонил телефон. Это была моя жена из Нью-Йорка. – Я только что видела по телевизору, что в Берлине люди танцуют прямо на Стене. Я с похмелья промышал: – Ты, наверное, слишком накурилась травки, и повесил трубку. Чарли тоже проснулся и спросил в чем дело. – Моя жена решила, что в Берлине люди танцуют на Стене. – У нее, наверное, «крыша» поехала, – проворчал Чарли.

В семь утра я включил Би-Би-Си и не поверил своим глазам. Народ не только забрался на верхушку Стены у Бранденбургских ворот, но уже приступил к разрушению всего этого сооружения, во всяком случае, я видел множество людей с молотками и долотами. Позже днем я позвонил своей сестре и вечером я уже сидел в самолете, направлявшемся в берлинский аэропорт Тегель. В этой ситуации товарищам из моего бывшего министерства точно было не до того, чтобы гоняться по западной части города за их бывшим сбежавшим сотрудником. Но в выходные дни мы из осторожности так и не пошли в Восточный Берлин.

Вернувшись в понедельник в банк, я увидел, что Чарли уже сидел в бюро и играл в «тетрис». Меня всё еще рапировало от увиденного в Берлине, и я предчувствовал скорое объединение Германии. – Поверь мне, старина, – сказал я ему, – скоро нам придется свернуть тут наши палатки и перебираться на Восток. Там уже прямо сейчас начнется рыночная экономика, и у нас с нашим опытом будут наибольшие шансы в мире. Ближайшие годы, вероятно, станут одним сплошным эльдорадо. Целые государства будут открыты для приватизации, речь идет об инвестициях в промышленность и недвижимость, об инвестиционных капиталах и средствах в беспрецедентном масштабе.

Но на Чарли моя эйфория не подействовала. – К чему беспокоиться? Мы здесь зарабатываем больше, чем можем разумно потратить. Когда я хочу, я после полудня отправляюсь домой и играю в гольф. Лучшего просто нельзя пожелать. А там всё развалилось, города ужасные и серые, окружающая среда уничтожена. Так что, пожалуйста, без меня.

В определенной мере он, разумеется, был прав. Но мне было скучно просто сидеть здесь, наблюдая за движением на Лондонской фьючерсной бирже и зарабатывать деньги парой телефонных звонков. Где вызов, где толчок? В этой ситуации меня как раз устроило предложение конкурента. Мне предложили возглавить руководство филиала банка «Леман Бразерс» во Франкфурте-на-Майне. Я недолго раздумывал и сразу согласился. В новых условиях мне казалось возможным снова поехать в Германию, а должность директора, разумеется, выглядела привлекательной.

1 февраля 1990 года я приступил к работе на новом месте. У меня был красивый офис с видом на Майн. Но внешность оказалась обманчивой. Я, точно как и в случае с Сент-Луисом, слишком мало собрал информации перед принятием решения под влиянием эмоций. Я сменил благородного рысака на старую клячу. «Леман Бразерс», внешне старый и заслуженный американский инвестиционный банк, изнутри находился в печальном положении и в финансовом отношении был уже значительно ослаблен. Только вливание капитала в размере 950 миллионов долларов со стороны материнской фирмы – «Америкен Экспресс» предотвратило самое худшее. Был введен режим жесткой экономии, и среди моих первых задач на новом месте было сокращение двадцати сотрудников.

ОСТОРОЖНЫЕ ШАГИ В ГДР

То, что у меня больше не было сомнений в решении снова поселиться в Германии, а также, что Федеральная разведывательная служба не выражала возражений, было связано с развитием ситуации в ГДР. После провального выступления министра Эриха Мильке 13 ноября перед Народной палатой («Я же люблю вам всех!») Министерство государственной безопасности подверглось всеобщему осмеянию. В новом правительстве Ганса Модрова (СЕПГ) министерства вовсе не оказалось, вместо него должно было возникнуть значительно уменьшенное Управление национальной безопасности (AfNS). Но и против этого запротестовали граждане на улицах, выступавшие за полную ликвидацию тайной полиции. Начиная с 4 декабря, районные управления AfNS во многих городах были заняты активными группами людей, после того, как просочился слух, что в них быстро и массово уничтожают документы. Гражданские комитеты с полицией приняли на себя контроль объектов. Правительству пришлось с 7 декабря пойти на то, чтобы согласиться на контроль со стороны недавно основанных оппозиционных групп за Круглым столом. В этом раунде тогда также было решено 14 декабря полностью распустить Управление национальной безопасности. Когда это должно было произойти, правозащитники 15 января 1990 года заняли также и здание центрального аппарата AfNS в Берлине, то есть, мое старое место работы в берлинском районе Лихтенберг.

Когда я 1 февраля 1990 года приступил к работе на моей новой должности во Франкфурте-на-Майне, мне было ясно, что Штази в ее старой форме больше не существовало, и у коллег были там совсем другие заботы, нежели охота за мной. Каждому предстояло пережить конец существования его организации и думать о своем собственном будущем. Кроме того, за последнее время офицеры Главного управления разведки стройными рядами сообщали о себе в БНД и предлагали ей свои знания.

Теперь и я осмелился тоже снова осторожно прощупать ситуацию дальше на Востоке и попробовать найти контакты с семьей и со старыми друзьями. Сначала с опасениями и по телефону, так как остатки старых структур все еще существовали, и СЕПГ, теперь переименованная в ПДС, по-прежнему была в правительстве. Насколько я был в этом прав, я почувствовал позже, читая досье Штази, заведенные на меня. Из трех моих самых близких друзей, которых я знал еще со школы, один за прошедшее время был завербован как НС. И он не нашел ничего лучшего, кроме как тут же донести после моего первого звонку ему 22 декабря, хотя уже было решено распустить Управление национальной безопасности – преемника Штази. Еще 4 января 1990 года центральный аппарат в Восточном Берлине занимался моим делом. (Смотрите отчет в конце главы.)

Я решился на первую поездку в ГДР только на выходные после выборов в Народную палату, то есть, в конце марта, когда с победой Альянса за Германию смена политической власти стала решенной. До 1 июля еще существовали формальные проверки документов, но мой паспорт Петера Фишера не вызывал никаких вопросов. Я смог беспрепятственно поехать к моей сестре в Дёльниц в Саксонии-Анхальт. Весть о моем новом появлении быстро распространилась. Воскресным вечером я поехал назад во Франкфурт-на-Майне, а в понедельник там появилась моя бывшая жена. Она снова вышла замуж, так же, как и я, в 1983 году, и к тому же снова за офицера МГБ. Так что, если бы я иногда сообщал ей о себе, это, вероятно, сразу стало бы известно и моим преследователям. Моя дочь Эдина, которой к тому времени уже исполнилось восемнадцать лет, была гражданской служащей в Национальной народной армии ГДР, посетила меня на Западе в мае 1990 года. Сначала она была действительно очень сдержанна, и это продолжалось долго, до тех пор, пока мы снова не сблизились. Мой уход нанес ей очень тяжелый удар, что она позже также описала в книге. Но со временем у нас вновь установились хорошие отношения, а старые конфликты были преодолены. У моего сына, который знал меня только из рассказов, с самого начала не возникло трудностей принять меня таким, какой я есть.

Переломная ситуация на Востоке, естественно, возбуждала меня. Я обдумывал, стоит ли мне входить на Восток экономически, покупать предприятия или дома, основывать новые фирмы. Ведомство по опеке над государственным имуществом в ГДР предлагало на продажу многое довольно дешево. Однако, в конечном счете, я отказался от этой затеи, так как не знал, не захотят ли, вероятно, несколько разочарованных старых приятелей излить свое неудовольствие на меня. С предприятием на месте я стал бы уязвим в любое время.

Перемены во всех государствах бывшего Восточного блока очаровывали меня. Я много путешествовал в Прагу и Будапешт и даже летал после путча в Москву в 1993 году. Особым переживанием для меня была прогулка мимо центрального бюро КГБ на Лубянке, куда я даже заглянул через замочную скважину. Здание как раз практически пустовало в то время.

Когда в 1994 году на Кубе Кастро кое-что, кажется, начало меняться, я неоднократно в тот год посещал остров. Я завязал дружбу с несколькими художниками, снабдившими меня несколькими прекрасными картинами, которые я тайком взял с собой. Без щекотания нервов жить было неинтересно, банковских будней не хватало, чтобы заполнить мою жизнь.

Когда я в начале 1990 года переехал из Лондона во Франкфурт, моя американская жена, которая не говорила по-немецки, осталась в нашей прекрасной квартире на Темзе. Наш брак, который до тех пор был исключительно счастливым, несколько позже дал трещину, так как я не сказал моей жене всю правду. Она знала, что я был уже в браке, но не знала,

что я оставил в ГДР двух детей. Я убедил ее в том, что мы хорошо могли бы прожить и без детей. И теперь мне пришлось признаться ей, что у меня уже было двое детей от моей прежней жены. Результат был катастрофическим. Мой брак распался прямо у меня на глазах на протяжении нескольких недель. Мы формально оставались в браке еще до 1995 года, но, наконец, я подал на развод. Семья моей жены принимала оживленное участие и, в конечном счете, добилась того, что я потерял почти все мое имущество, а также вынужден был продать дом на Лазурном берегу. После всего этого я пустился в спортивные приключения, спускался на лодке по бурным горным рекам и учился летать на парашуте.

На работе дела тоже не шли хорошо. Мой новый работодатель «Леман Бразерс», как я довольно быстро понял, оказался совсем не таким солидным, как представлялось со стороны. Здесь и следа не было сравнительно высоких стандартов дома «Голдман Сакс». Клиент тут был лишь дойной коровой, и если необходимо, корову можно было забить на мясо. Здесь имел значение только быстрый успех, который стимулировали бонусами. Что будет после этого, никого не интересовало. Средняя продолжительность пребывания менеджеров на фирме, по моему впечатлению, составляла примерно один год. Я вспоминаю об одном крестьянине из Восточной Фризии, который по совету убедительного молодого брокера разместил 300 тысяч ДМ для спекуляций на фьючерсной бирже. Тот и не подумал сказать клиенту о возможных рисках. После того, как крестьянин потерял все, он подал иск против банка. Мне пришлось посещать его с нашим фирменным адвокатом, чтобы, в конечном итоге, уладить дело компромиссной сделкой. Интриги и мошенничества были там в порядке вещей. Но я все-таки продержался в «Леман Бразерс» более трех лет. Однако в 1994 году я снова вернулся в «Голдман Сакс» и принял во Франкфурте руководство отделом управления имуществом. В Лейпциге я занимался, кроме того, несколькими объектами недвижимости.

Однако, между тем, мое прошлое стало общеизвестным. После моего легкомысленного выступления по телевизору как биржевого эксперта средства массовой информации вцепились мне в пятки. Последовали многочисленные статьи, в том числе в 1992 году серия статей в «Шпигеле». Затем я сам давал множество интервью и принимал участие в общественных дискуссиях, где речь шла о раскрытии истории Штази. Как раз в то время были открыты досье госбезопасности. В довольно закрытом банковском мире на это взирали без всякого удовольствия, и таким образом моя финансовая карьера во Франкфурте закончилась в 1996 году.

Тем временем один мой прежний коллега основал маленький инвестиционный банк в Венгрии и пригласил меня на работу. Итак, я поехал в Будапешт. Все же скоро эта профессиональная перспектива пошла прахом, так как один крупный немецкий банк предложил моему другу огромную сумму за предприятие и проглотил его банк. Последовавшее затем мое участие в венгерской брокерской фирме оказалось полным провалом. Меня просто обманули. Впрочем, это была, в конечном счете, моя вина, мне следовало быть внимательней. Но с той поры я едва держался на плаву с помощью пары мелких сделок с недвижимостью.

24 августа 1997 года, на мой пятидесятый день рождения, я в одиночестве сидел дома, телефон был отключен. Моих наличных денег как раз хватило на пару бутылок красного вина. Я как раз решил завершить эту часть моей профессиональной жизни. Я продал свою маленькую долю, которой еще владел в берлинском офисном здании, на следующий день. Она принесла мне еще 25% ее первоначальной стоимости. Теперь я хотел попробовать себя в реальной экономике.

Рабочая группа ВКК (Сектор коммерческой координации)

Берлин, 4 января 1990 г.

Информация

О предателе ШТИЛЛЕРЕ, Вернере (бывшем сотруднике Главного управления разведки) 22.12.1989 около 18.40 Штиллер впервые после своей измены известил о себе по телефону неофициальному источнику. Он сообщил, что получил номер личного телефона от бывшей общей одноклассницы ***. Это изложение Штиллера позднее было подтверждено в беседе между *** и источником.

Штиллер по оценке источника интересовался преимущественно номером телефона или адресом проживающего в Лейпциге ***. Ввиду разрушенного в Лейпциге строительного имущества основание частных строительных предприятий могло бы иметь благоприятные перспективы, что дало бы шанс для ***, который, как известно, занимался строительством.

Источник не мог назвать Штиллеру номер телефона ***, но предложил узнать его до следующего телефонного разговора со Штиллером.

Штиллер сообщил, чтобы он живет в Америке, а также и звонит оттуда, что после его измены он еще раз прошел настоящее обучение и сейчас успешно работает в области компьютерной техники.

Летом 1989 он, по его словам, впервые был в Берлине (Западном), чтобы встретиться с матерью и сестрами. Он там также охотно вступил бы однажды в контакт с источником.

Штиллер пытался разузнать мнение источника об общем и политическом положении в ГДР и интересовался точным жилым адресом, деятельностью и партийной принадлежностью источника. По воспоминаниям Штиллера источник всегда был человеком, очень критически оценивавшим все происходившее в ГДР, и потому он должен был бы быть доволен современной ситуации в ГДР. Штиллер считал, что он сам также кое-что сделал для этого и сегодня рад, что тогда так сильно рисковал.

Далее Штиллер упомянул, что он был приговорен к смерти в ГДР и проверяет в настоящее время с помощью адвоката свою конкретную юридическую ситуацию.

На реплику источника, для кого Штиллер задает вопросы, он возразил, что уже давно больше не занимается вообще такими вещами и, как он уже упоминал, на протяжении пяти последних лет работает в области компьютерной техники.

В нескольких моментах в беседе, когда источник возражал ему в мнениях и изложениях, Штиллер реагировал, исходя из того, что источник не обязан был бы с ним говорить и мог бы закончить беседу.

Источник был ориентирован на продолжение контактов со Штиллером.

Подписано: Хербрих

(BStU, MfS, AG ВКК 944, Bl, 4f.)

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ЗНАКОМЫМИ

В девяностые годы я не только восстановил свои частные контакты в Восточной Германии, но и попытался побеседовать с бывшими коллегами. Мне было любопытно, что произошло после моего перехода, и хотелось также узнать, что стало с тем или с другим, как они теперь воспринимали ГДР, оглядываясь в прошлое.

Самая удивительная встреча у меня была, пожалуй, с генерал-лейтенантом Гюнтером Кратчем. Он как шеф контрразведки отвечал за расследование моего побега и поиск места моего пребывания на Западе. Журнал «Штерн» устроил в 1994 году наше совместное интервью: охотник и его бывшая мишень мирно сидели рядом. Кратч довольно ясно выразил свою позицию: - Естественно, МГБ следило за народом, а также совершало другие беззакония, но я верил в правоту нашего дела. Я был простым рабочим мальчишкой из Саксонии, для которого в 21 год открылась перспектива профессионального роста. В возрасте тридцати лет я был уже начальником отдела в министерстве в Берлине. Я полностью концентрировался на моем круге задач, а именно, на контрразведке. И это ведь было законное дело, подобные структуры существуют в любом государстве.

Мы тогда в довольно спортивном духе обменялись опытом: они с большим усердием всеми силами меня искали, а я постарался умело от них убежать. Кратч подробно описывал, что они делали и как вышли на мой или на наш след. Это началось с обнюхивания писем, отправленных с востока на запад, так как профессионалам было ясно, что письма с предварительно подготовленными «маскирующими» безобидными текстами попадали в ГДР через тайники, и как бы они не были запаяны, если им приходилось длительное время лежать во влажной земле, то они, как правило, впитывали влагу.

Следующим признаком была дата на письмах. Так как Федеральная разведывательная служба не знала, когда соответствующее письмо будет послано на запад, агент должен был поставить дату только незадолго до отправления. Тогда, естественно, дата получалась написанной другим почерком, чем заранее подготовленный «маскирующий» текст самого письма. Теперь опытный контрразведчик мог легко при проверке вынюхиваемых и открытых писем установить существование расхождений между почерками, которыми были написаны текст и дата. Только цифры даты включались в коллекцию образцов почерка для поиска. Потом следовало проявление написанного тайнописью текста, который существовал, как правило, только в виде групп пятизначных чисел. В нашем случае контрразведчиков очень удивило то обстоятельство, что цифры в зашифрованном письме и цифры в дате «маскирующего» письма были написаны разными почерками. Из этого они сделали правильный вывод, что в деле замешаны два человека.

Криминалистическая экспертиза графологов доказала это с абсолютной уверенностью. С этого момента начался поиск группы из двух шпионов, в результате которого бдительные товарищи потом нащупали Хельгу в Оберхофе. Эрих Мильке с конца 1978 года лично контролировал процесс поисков и оказывал сильное давление, чтобы ускорить разоблачение шпиона.

Я спросил Кратча, как же нам, в конце концов, удалось проскользнуть у них сквозь пальцы, ведь в нашем лице контрразведка предполагала высокопоставленный важный источник, который мог принести много вреда. Он подтвердил мне то, о чем я и сам догадывался после чтения наших досье из архивов Штази. Причина была в экономических проблемах ГДР, а точнее, просто в дефиците зимних шин для автомобилей. В середине декабря 1978 года настала, как известно, самая морозная и снежная зима за многие последние годы, и жизнь в далеких частях Восточной Германии остановилась. Пришлось выключить электростанции, солдат бросили на помощь: на добычу бурого угля из карьеров и на расчистку заметенных снегом городов и деревень. Движение большей частью прекратилось, так как очень многие дороги были завалены снегом. Выезжать на машине можно было разве что в самых необходимых случаях и только с зимними шинами или с цепями против скольжения. Сыщики Кратча смогли только 19 января 1979 года

добраться до заснеженного местечка для занятий зимними видами спорта в Тюрингском Лесу. Там они к своему удивлению встретили также коллег из службы внешней разведки ГУР, которые тоже искали Хельгу Михновски. Но к тому времени нас всех там уже не было.

После нашего бегства Кратч проводил также поиск нас на западе, но не получил сведений о месте нашего пребывания, которые были бы пригодны для использования. Поэтому также, как он уверял меня, не существовало и «команды возвращения», которая должна была похитить нас.

Кратч и я лично познакомились только во время этого интервью осенью 1994 года (оно вышло под заголовком «Два смертельных врага за одним столом»), но мы чувствовали друг к другу некоторую симпатию и потому еще не раз встречались у него в садовом домике. При этом возникла идея, чтобы Кратч написал мемуары, для чего он однажды летом должен был приехать в Венгрию на озеро Балатон. Я хотел помочь ему в этом. Но затем это намерение неоднократно откладывалось, а потом Кратч заболел и умер в 2006 году.

Этот старый рубака, до конца веривший в идею социализма, был прямолинейней, искренней и открытей некоторых моих бывших коллег по реферату, с которыми я пытался побеседовать впоследствии. По телефону они всегда меня отчитывали, и никто не был готов встретиться со мной лично. Причиной отказа они называли, что я нанес им большой вред не только в служебном плане, но и в личном. Некоторых перевели на другие должности, другим пришлось жить под наблюдением в течение долгих лет. Бывший мой одноклассник по средней школе, который вместе со мной попал в Сектор науки и техники МГБ, вынужден был покинуть министерство, и стал действующим под легендой вне кадров офицером с особым поручением.

Неожиданно открытыми оказывались, напротив, мои бывшие неофициальные сотрудники на Западе, хотя четверо из них были осуждены и попали в тюрьму. Наибольший срок получил Рольф Доббертин («Шпербер») - 6 лет, в то время как профессора Хауффе («Феллоу») приговорили к условному наказанию. Я снова встретился с обоими после падения Стены. Доббертина я посетил в Париже. Он заверял меня при встрече, что он был бы готов оказать мне помощь, если бы только я дал ему знак, что хотел бы установить контакт с другой стороной. Поэтому основной его упрек был, что я не доверился ему. Я встретился и с Райнером Фюлле («Клаусом») во время интервью «Шпигелю». Ему удалось сбежать после ареста и пробраться на Восток, откуда он потом по прошествии некоторого времени возвратился в ФРГ с помощью БНД. Он знал жизнь секретных служб и мог понять мою ситуацию. Мы обменивались нашим опытом спокойно и без боязни прикосновения, так что для посторонних это выглядело так, как будто здесь беседовали старые приятели о совместно пережитых ими приключениях. Длительные размышления и переживания никогда не были в моем характере, как известно, я всегда предпочитал действие.

Однако самый впечатляющий контакт у меня был, наконец, с Маркусом Вольфом. Моя дочь неоднократно встречалась с ним после появления ее книги в 2003 году и рассказала ему также и обо мне. Сначала его первая реакция была недружелюбной: он предпочел бы оставить старые истории в покое и не беседовать со мной. Но я все же получил его номер телефона и позвонил ему. Он вовсе не проявлял недоброжелательности при разговоре со мной и скорее казался заинтересованным. С определенного времени он сам подвергался критическим нападкам некоторых своих бывших коллег по ГУР, после того как в своих мемуарах «Шеф шпионажа в тайной войне» и на последующих мероприятиях весьма

критически высказывался о политической ситуации в ГДР и особенно о геронтократах в руководстве СЕПГ. Так как я всегда высоко ценил Маркуса Вольфа, то мне хотелось объяснить ему свое поведение и дать понять, что я ни в коем случае не рассматриваю себя как предателя. Я сказал ему тогда: - Я предал не ГДР и социализм, а тех, кто привел ГДР к пропасти, тех, у кого на первом месте всегда стояла догма партийной диктатуры, кто не терпел никакой критики и лишил прав народ. Он совершенно согласился со мной в этом вопросе, и мы договорились, что однажды встретимся в Будапеште. Но во время одного из последующих телефонных разговоров, когда среди прочего мы обсуждали время его визита, я совершил ошибку, спросив его об одном конкретном историческом деле. Меня заинтересовала венская резидентура и загадочная гибель корабля «Лукона». Но от этого вопроса у Вольфа, очевидно, возникло впечатление, что я собираюсь выпрашивать его, возможно, даже выведывать информацию по чужому поручению. После этого он прервал со мной связь. На звонки мне всегда отвечали, что его нет дома. На письмо, в котором я попробовал объяснить ему в чем дело, я не получил ответа. Возможно, что ему посоветовали с третьей стороны избегать контактов со мной. Он, как и Кратч, умер в 2006 году, и мы с ним так больше и не встретились.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЛА «ЛУКОНЫ»

Моя прежняя жизнь еще раз настигла меня в середине девяностых годов перед переездом в Будапешт. Со мной как с руководителем управления активами представительства «Голдман Сакс» во Франкфурте-на-Майне связалась адвокат по экономическим вопросам г-жа доктор Карин Лаузен. Но речь шла не о спорной международной финансовой сделке банка, как я предположил сначала, а о деле «Луконы», том самом скандале, который в семидесятые годы потряс Австрию и стал теперь предметом рассмотрения также и немецкого суда. 23 января 1977 года следующее под панамским флагом грузовое судно «Лукона» взорвалось неподалеку от Мальдив и затонуло в Индийском океане. При этом шесть из двенадцати членов экипажа погибли. Зафрахтовал корабль венец Удо Прокш – подставное лицо, и, собственно, дизайнер и владелец клуба, а также сомнительная фигура в тех сделках между Западом и Востоком, когда нужно было обойти эмбарго, человек с лучшими связями в политике. На «Лукону» якобы должны были погрузить установку для обогащения урановой руды, которая была застрахована на 212 миллионов австрийских шиллингов (15,4 миллиона евро). Тем не менее, у австрийской федеральной страховой компании «Бундеслэндер Ферзихерунг» (BLV) было подозрение, что на борту был только бесполезный металлолом, потому она отказалась выплачивать страховку и начала процесс по обвинению в страховом мошенничестве. Прокш, которого долгое время прикрывали его друзья в политических сферах, после сенсационных журналистских расследований, наконец, предстал перед судом и был приговорен в 1992 году к пожизненному заключению за убийство шести моряков.

Затем его сообщник Ганс-Петер Даймлер, отпрыск знаменитой династии автомобилестроителей, предстал перед судом в Киле, и последовал длившийся более пяти лет один из самых дорогих процессов в судебной истории ФРГ, в ходе которого обсуждались также вещи, которые касались меня. Речь шла о роли в этом деле разведывательных служб, в частности венской резидентуры Главного управления разведки. О ней я во время моего перехода тоже доставил на Запад определенную информацию, и связанные с ней лица фигурировали во внутренних списках потерь МГБ.

Адвокат Лаузен искала тогда оправдательный материал для Ганса-Петера Даймлера и хваталась за любой мыслимый след. Существовала версия, что грузовое судно было взорвано не изнутри с целью страхового мошенничества, а было торпедировано снаружи.

Гипотеза исходила из того, что по фальшивым товарным накладным на самом деле изначально на борт должны были попасть большие партии высокотехнологических товаров, которые Восточный блок хотел получить, обойдя западное эмбарго. Американцы узнали об этом и поэтому перехватили корабль и потопили. Согласно другой версии с грузом «Луконы» были, как известно, связаны фиктивные сделки, и официальные западные органы должны были поверить, что спрятанные на корабле компьютерные устройства действительно погибли в море, тогда как на самом деле их секретно отправили на Восток сухопутным путем. Во всех этих случаях непосвященный Даймлер, который не знал о настоящей подоплеке при подписании договора страхования для Прокша, представлялся как жертва пешки.

Я, тем не менее, мог внести косвенно кое-какой вклад в это расследование, рассказав о моих тогдашних наблюдениях в Министерстве госбезопасности. В апреле 1976 года наш заместитель начальника реферата Петер Бертаг зашел со мной в кабинет. Он выполнял ежедневную работу для руководителя нашего Сектора науки и техники, полковника Хорста Фогеля, который вел лично венскую резидентуру. Эта группа агентов через свои связи в США и многочисленные подставные фирмы занималась приобретением на Западе технологических основных элементов и материалов для начавшейся в 1977 году программы создания собственной микроэлектроники в ГДР. Как мне стало известно, руководителем резидентуры был НС «Прокурист», настоящее имя Рудольф Вайн. Ему подчинялся Рудольф Захер, НС «Зандер». Всего в группе действовало восемь шпионов ГДР. Контакты она поддерживала и с кутилой и жизнелюбом Удо Прокшем, другом «Прокуриста». Однажды Петер Бертаг рассказывал мне о встрече в Праге, на которой его собеседник позволил ему прокатиться на дорогой спортивной машине, «Ламборгини» или «Мазератти». Такие дорогие машины в нашем окружении могли быть тогда только у Удо Прокша. Мне также запомнилось, что Петер Бертаг и наш коллега по реферату Петер Гроссе в 1978 году на сравнительно длительное время выезжали в Австрию и Швейцарию, а спустя некоторое время через Австрию и Чехословакию в ГДР прибыло несколько больших контейнеров с микроэлектронной аппаратурой.

Я сообщил все это БНД сразу же после моего перехода, а в 1980 году был даже специальный опрос на эту тему. Результаты были переданы дальше в ответственную за такие вопросы Генеральную дирекцию общественной безопасности в австрийском Министерстве внутренних дел. Все же, связи Прокша и его друзей, очевидно, были настолько высокими, что и после этого ничего не произошло. В отличие от многочисленных арестов в Федеративной республике, в Австрии не тронули ни одного агента МГБ. Резидентура даже смогла после короткой передышки продолжить свою работу с несколько измененным персоналом и под новым псевдонимом. Только после расследований журналистов Геральда Фрайхофнера и Ганса Преттеребнер, опубликованных в 1987 году, парламентская комиссия по расследованию в Вене приступила к работе в 1988 году. В ходе двухгодичного разбора дела «Луконы» и связанных с ним нелепостей шестнадцать политиков, юристов и высших чиновников Австрии потеряли свои должности, австрийский министр обороны Карл Лютгендорф совершил самоубийство. Тем не менее, многое осталось открытым. Удо Прокш на последующем процессе уверял, что не может открыть правду, так как боится за жизнь своих детей. Во время заключения Прокш умер в больнице в ходе операции на сердце.

Теперь на суде в Германии против Ганса-Петера Даймлера появился шанс позволить исследовать еще раз в судебном порядке возможную роль в этой трагедии секретных служб, что успешно удалось скрыть на процессе в Вене. Поэтому я рекомендовал адвокату Лаузен пригласить в качестве свидетелей бывших офицеров МГБ Хорста Фогеля, Вилли Нойманна (заместителя Фогеля) и Петера Бертага. Я сам тоже был готов

дать показания в суде. Тем не менее, на пятилетнем процессе в Киле, на котором выслушали 120 свидетелей и 17 экспертов, а также зачитали 15 тысяч документов, вопросу, были ли замешаны в деле секретные службы, снова не уделили никакого внимания. В 1997 году Даймлера за пособничество в убийстве моряков «Луконы» приговорили к четырнадцати годам лишения свободы. Об этом я потом узнал в Венгрии из новостей по спутниковому телевидению.

НОВЫЙ СТАРТ В БУДАПЕШТЕ

Как выяснилось позже, мое решение по поводу смены вида деятельности и переходу в реальную экономику в начале нового тысячелетия было абсолютно правильным. Финансовый рынок, который еще несколько лет бодро рос как на дрожжах, стоял на глиняных ногах и в 2008 году рухнул в своей крайне спекулятивной форме с громким шумом. Палку перегнули, и она сломалась.

Все началось с цепи незначительных ошибок. Так как недвижимость в США рассматривается не как вложение денег, а как наследственное имущество («мой дом – моя крепость»), и владение собственным жильем является для американца важнейшим приоритетом, банки великодушно предоставляли кредиты для финансирования. Это повышало спрос, а из-за возросшего спроса росли и цены. Из-за более высокой стоимости можно было брать в банках займы большие суммы в качестве займов под ипотеку, вследствие чего снова стимулировалось потребление и развивалось общее благосостояние. В июле 2007 года индекс Доу-Джонса достиг более чем 14 000 пунктов – это был его абсолютный апогей. (Летом 2010 года он стоял на 10 000 пунктах). Особенно ипотечные займы в привлекательной Калифорнии приносили в свое время хорошие доходы. Классическая купля и продажа приносящих прибыль акций там уже вовсе не могли с ними конкурировать, не говоря уже о федеральных государственных облигациях. Но теперь отдельные ипотечные займы – это не ценные бумаги, которыми можно торговать, из-за чего и рухнули некоторые банки. Они собирали эти займы в пакеты и давали им письменную гарантию, так же как это делали государственные учреждения. Основывалась новая фирма как дочернее предприятие инвестиционного банка, и она скупала ипотеки ипотечных банков, которые превращались тогда в ценные бумаги, а их уже можно было продавать. Исполнят ли эти бумаги то, что они гарантировали – это оценивали самостоятельные рейтинговые агентства. Они давали художественно оформленным ипотечным облигациям преимущественно наивысший стандарт качества AAA, после чего пенсионные фонды, страховые компании и рентные фонды их жадно хватали.

И тогда наступило лето 2007 года. Для многих построенных в кредит домов больше не нашлось никаких покупателей, предложение перегнало спрос. Цены покатались кувырком. Некоторые домовладельцы больше не могли обслуживать свои ипотеки, последовали принудительные аукционы, из-за чего цены снова упали. Скоро оставшиеся процентные платежи собственников домов больше не покрывали процентных обязательств ипотечных облигаций. Поэтому рейтинговые агентства соответствующим образом снижали рейтинг бумаг, что вело к их продаже и дальнейшему падению цен. В конце обрушился межбанковский рынок, через который банки себя взаимно финансируют, так как всюду на депозитах хранились ценные бумаги, которые на самом деле не были ценными. Крах был превосходен.

Внезапно вполне уважаемые прежде банки оказались перед пропастью. Громко раздавались призывы к государству о помощи. В Вашингтоне решили спасти самую

большую в мире страховую компанию – «Американскую международную группу» AIG (American International Group). Зато банку «Леман Бразерс» с 28 тысячами служащих во всем мире позволили обанкротиться в 2008 году. Решение принял министр финансов США Генри Полсон, который до 2006 года был шефом «Голдман Сакс», и, пожалуй, не без удовольствия взирает на исчезновение пользовавшегося плохой репутацией конкурента. Это первое банкротство из-за глобальных межбанковских связей потянуло за собой банкротство или почти банкротство многих других кредитных учреждений, из-за чего потребовались огромные денежные массы из государственных бюджетов, чтобы спасти хотя бы структурно важные банки.

Мне за годы моей банкирской деятельности в «Голдман Сакс» и «Леман Бразерс» стало понятно, что речь идет здесь не о конкретных ошибках отдельных людей, что проблема кроется во всей структуре этого финансового мира. Оказались несостоятельными, в конечном счете, все участники: покупатель недвижимости, приобретающий дом, который был слишком дорог для его доходов, ипотечный банк, предоставлявший ему для этого большой кредит, инвестиционный банк, скупавший ипотеки и формировавший из них продаваемые ценные бумаги, банк, навязывавший сомнительные облигации инвестору, и рейтинговые агентства, неправильно оценивавшие ценные бумаги. Кто при этом действовал с грубой неосторожностью, а где крылся преступный умысел, это во многих случаях теперь придется выяснять судам.

Вместе с новым партнером, которая как психолог пришла из абсолютно другой области, я построил в Венгрии сеть модных магазинов почти с двумястами работников. Она некоторое время работала действительно хорошо. С реальным предприятием за спиной я мог спокойно наблюдать за драматическими событиями на рынке долгосрочных капиталов.

Когда спекулятивный пузырь окончательно лопнул, и курсы очень сильно упали, вмешаться пришлось политике. В отличие от краха на Уолл-Стрит в 1929 году правительства и центральные банки действовали значительно быстрее и вскоре закачали большие денежные массы в систему. Основные учетные ставки опускались и опускались, так как дешевые деньги по-прежнему остаются лучшей смазкой для экономики. Для этого правительствам пришлось брать ссуды, которые со своей стороны приносили исключительно хорошие доходы в виде процентов. В этой ситуации я не мог сопротивляться. Положение было просто слишком заманчиво, и я знал, что нужно делать. Мы продали нашу сеть магазинов, и я снова вошел в момент самых низких курсов на рынок акций и займов. Так началась моя новая профессиональная карьера частного инвестора.

Зуд возбуждения снова здесь. С тех пор я тоже больше не хожу в будапештские казино, где меня раньше снова и снова влекло к блэкджеку. Волнение из эпохи разведки тем более прошло давным-давно. МГБ больше нет, а у БНД пропал враг. Я расстался с коллегами из Пуллаха примерно десять лет назад по взаимному согласию, с ЦРУ никакой связи не существует после окончания моих лет в Америке. За развитием событий в этой области я слежу только лишь издали. Мои будни определяются другими вещами. Между тем новая женщина снова вошла в мою жизнь, и новые деловые идеи тоже у меня есть. Я легко могу представить себе, что опять живу уже в другой стране, на другом континенте. Приключения продолжаются.

НЕКОТОРЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ПОЯСНЕНИЯ

Abt. M	Abteilung Postkontrolle des MfS	Отдел М. Отдел почтового контроля МГБ
AG	Arbeitsgruppe	Рабочая группа
AGM	Arbeitsgruppe des Ministers	Рабочая группа министра
AGS	Arbeitsgruppe Sicherheit (HV A)	Рабочая группа безопасности (ГУР)
AOPK	Archivierte Operative Personenkontrolle	Архивный оперативный персональный контроль, АОПК
ASBw	Amt für Sicherheit der Bundeswehr	Управление безопасности бундесвера
BfV	Bundesamt für Verfassungsschutz	Федеральное ведомство по охране конституции, БФФ
BGS	Bundesgrenzschutz	Федеральная пограничная охрана, БГШ
BKA	Bundeskriminalamt	Федеральное ведомство уголовной полиции, БКА
BKK	Bereich Kommerzielle Koordinierung	Сектор коммерческой координации
BND	Bundesnachrichtendienst	Федеральная разведывательная служба, БНД
BStU	Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR	Федеральный уполномоченный по вопросам документации службы государственной безопасности бывшей ГДР
BV	Bezirksverwaltung (des MfS)	Окружное управление (МГБ)
CIA	Central Intelligence Agency (US-Auslandsgeheimdienst)	Центральное разведывательное управление, ЦРУ (внешняя разведка США)
DA	Deckadresse	Условный адрес
DE	Dienst Einheit	Служебное подразделение
DN	Deckname	Псевдоним, условное имя
FBI	Federal Bureau of Investigation (bundespolizeiliche Ermittlungsbehörde des US-Justizministeriums)	Федеральное бюро расследований, ФБР (федеральный правоохранительный и следственный орган министерства юстиции США)
FDJ	Freie Deutsche Jugend	Союз свободной немецкой молодежи, ССНМ (восточногерманский аналог комсомола)
Gen.	Genosse	Товарищ, тов.
GMS	Gesellschaftlicher Mitarbeiter Sicherheit	Общественный сотрудник по безопасности, ОСБ
GRU	Glawnoje Raswedywatelnoje Uprawlenije (sowjetischer Militärgeheimdienst)	Главное разведывательное управление, ГРУ (советская военная разведка)
GS	Geheimschrift	Шифр либо тайнопись
GSM	Geheimschreibmittel	Средство для тайнописи
GÜST	Grenzübergangsstelle	Пограничный контрольно-пропускной пункт, КПП
GVS	Geheime Verschlusssache	Совершенно секретно (гриф на документах)
HA	Hauptabteilung	Главное управление (буквально: Главный отдел, такой вариант перевода тоже широко распространен. Тем не менее, по своему статусу Hauptabteilungen соответствовали нашим Главным управлениям и подчинялись напрямую министру. Потому перевод «Главный отдел» более правилен с лингвистической, а «Главное управление» с фактической точки зрения. В документации ГДР Главные управления обозначались римскими цифрами, входящие в них отделы

		отделялись косой чертой и нумеровались либо римской либо арабской цифрой, например, НА II/IX означало 9-й отдел Второго главного управления.)
HV A	Hauptverwaltung A (Aufklärung) des MfS	Главное управление разведки МГБ, ГУР (внешняя разведка ГДР)
IH	Interhotel	«Интеротель» (основанная в 1965 году в ГДР сеть отелей повышенной комфортности, преимущественно рассчитанная на туристов из несоциалистических стран)
IM	Inoffizieller Mitarbeiter (des MfS)	Неофициальный сотрудник МГБ, НС (некадровый сотрудник МГБ, агент, использовавшийся как внутри страны, так и за рубежом)
IMB	Inoffizieller Mitarbeiter zur Bearbeitung im Verdacht der Feindtätigkeit stehender Personen	Неофициальный сотрудник для разработки лиц, находящихся под подозрением во враждебной деятельности
IMK	Inoffizieller Mitarbeiter Konspiration (KW des MfS)	Неофициальный сотрудник по конспиративному обеспечению (конспиративные квартиры МГБ)
IMS	Inoffizieller Mitarbeiter Sicherheit (des MfS)	Неофициальный сотрудник по безопасности (МГБ)
KA	Kontaktaufnahme	Установление контакта
KD	Kreisdienststelle	Районное управление
KGB	Komitee Gossudarstwennoi Besopasnosti (sowjetischer Geheimdienst)	Комитет государственной безопасности, КГБ (советская спецслужба)
KP	Kontaktperson	Контактное лицо, КЛ (человек, находящийся в непосредственном окружении лица, которым интересуется спецслужба)
KW	Konspirative Wohnung	Конспиративная квартира
LfV	Landesamt für Verfassungsschutz	Земельное ведомство по охране конституции, ЛФФ
MAD	Militärischer Abschirmdienst	Служба военной контрразведки, МАД
Maßnahme A	Abhören des Telefonverkehrs	Мероприятие А – прослушивание телефонов
Maßnahme M	Post- und Paketkontrolle	Мероприятие М – почтовый контроль писем и посылок
MBL	Materialbegleitliste	Сопроводительный список материалов
MdB	Mitglied des Bundestages	Член Бундестага (депутат федерального парламента)
MfNV	Ministerium für Nationale Verteidigung	Министерство национальной обороны ГДР
MfS	Ministerium für Staatssicherheit	Министерство госбезопасности, МГБ, Штази
MI-5 / MI-6	Military Intelligence (britischer Geheimdienst für Inland und Ausland)	Британская внутренняя и внешняя спецслужбы соответственно, МИ-5 и МИ-6
NSW	Nichtsozialistisches Wirtschaftsgebiet	Зона несоциалистических стран
NVA	Nationale Volksarmee	Национальная народная армия ГДР, ННА
OG	Operationsgebiet (Bundesrepublik)	Оперативная зона, ОЗ (Федеративная республика Германия)
OibE	Offizier im besonderen Einsatz (des MfS)	Офицер с особым поручением МГБ, ОсОП (Особый статус сотрудников МГБ. Этих кадровых сотрудников использовали конспиративно как вне, так и внутри страны. Они под легендой, скрывая свои связи с госбезопасностью,

		работали на важных с точки зрения МГБ должностях в госаппарате, народном хозяйстве и в общественных организациях.)
OLK	Operative Leitungskonferenz	Оперативная конференция руководства, ОКР
OPK	Operative Personenkontrolle (des MfS)	Оперативный персональный контроль МГБ, ОПК
OvD	Offizier vom Dienst	Дежурный офицер
OTS	Operativ-Technischer Sektor	Оперативно-технический сектор, ОТС
PIM	Perspektiv-IM	Перспективный неофициальный сотрудник, ПНС
PK	Postkontrolle	Почтовый контроль, ПК
PZF	Postzollfahndung	Борьба с почтовой контрабандой, ПЦФ
SED	Sozialistische Einheitspartei Deutschlands	Социалистическая единая партия Германии, СЕПГ
StGB	Strafgesetzbuch	Уголовный кодекс, УК
SWT	Sektor Wissenschaft und Technik (der HV A)	Сектор науки и техники ГУР, СНТ
TBK	toter Briefkasten	Мертвый почтовый ящик (тайник для связи)
VP	Volkspolizei	Народная полиция ГДР
VVB	Vereinigung volkseigener Betriebe	Объединение народных предприятий, ФФБ
ZOV	Zentraler Operativvorgang	Центральный оперативный процесс, ЦОП

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ (избранная)

Glocke, Nicole; Stiller, Edina: Verratene Kinder. Zwei Lebensgeschichten aus dem geteilten Deutschland, Berlin 2003.

Großmann, Werner: Bonn im Blick. Die DDR-Aufklärung aus der Sicht ihres letzten Chefs, Berlin 2007.

Herbstritt, Georg: Bundesbürger im Dienst der DDR-Spionage. Eine analytische Studie, Göttingen 2007.

Herbstritt, Georg; Müller-Enbergs, Helmut (Hg.): Das Gesicht dem Westen zu. DDR-Spionage gegen die Bundesrepublik Deutschland, Bremen 2003.

Knabe, Hubertus: West-Arbeit des MfS. Das Zusammenspiel von „Aufklärung“ und „Abwehr“, Berlin 1999.

Knopp, Guido: Top-Spione. Verräter im Geheimen Krieg, München 1994.
(русский перевод: Гуидо Кнопп, «Супершпионы. Предатели тайной войны»
<http://www.agentura.ru/text/biblio/spions.txt> и <http://www.lib.rus.ec/b/286153/read>)

Macrakis, Kristie: Die Stasi-Geheimnisse. Methoden und Technik der DDR-Spionage. München 2009.

Müller-Enbergs, Helmut (Hg.): Inoffizielle Mitarbeiter des Ministeriums für Staatssicherheit. Anleitungen für die Arbeit mit Agenten, Kundschaftern und Spionen in der Bundesrepublik Deutschland, Berlin 1988.

Müller, Horst; Süß, Manfred; Vogel, Horst (Hg.): Die Industriespionage der DDR. Die wissenschaftlich-technische Aufklärung der HV A, Berlin 2008.

Pretterebner, Hans: Der Fall Lucano. Ost-Spionage, Korruption und Mord im Dunstkreis der Regierungsspitze, München 1989.

Spiegel-Serie, 3 Teile in den Heften 13-15/1992 sowie ergänzend 22/1992 und 40/1992.

Stern-Interview mit Werner Stiller und Günther Kratsch: Zwei Totfeinde an einem Tisch, Heft 42 /1994.

Stiller, Werner: Im Zentrum der Spionage. Mit einem Nachwort von Karl Wilhelm Fricke, Mainz 1986.

Wagner, Thomas [Michael Михновски]: If it had not been for 15 minutes, Los Angeles 2003 (Internetveröffentlichung).

Wolf, Markus: Spionagechef im geheimen Krieg. Erinnerungen, München 1997.
(на русском языке: Маркус Вольф, «Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки», Международные отношения, Москва, 1998 г.)

Wolf, Markus: The Man Without a Face, New York 1997.